

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

8 '86

Главные рубрики журнала:

Люди подвига

Следопытский телеграф

Страницы прозы и поэзии

Адреса романтики

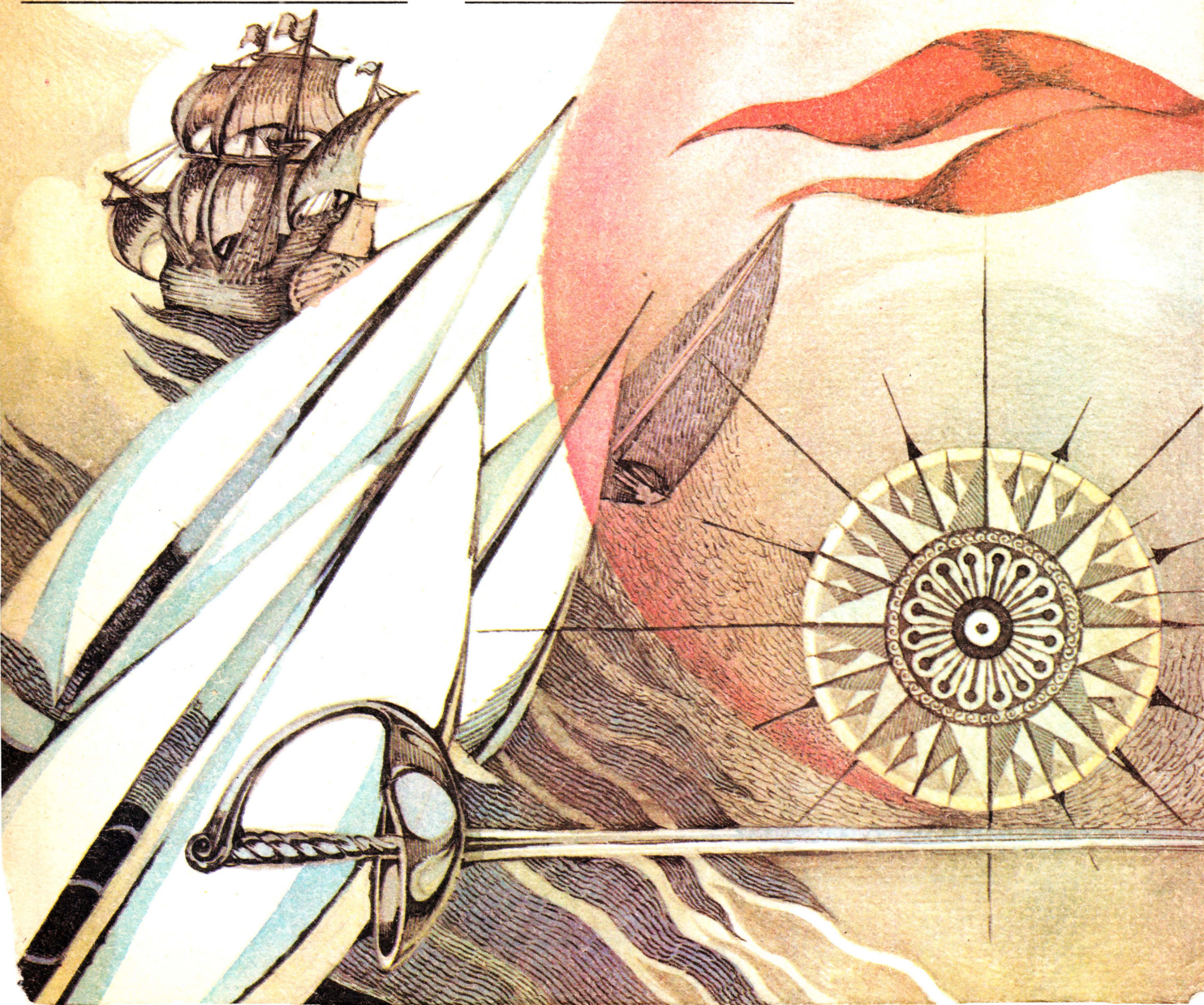
Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика

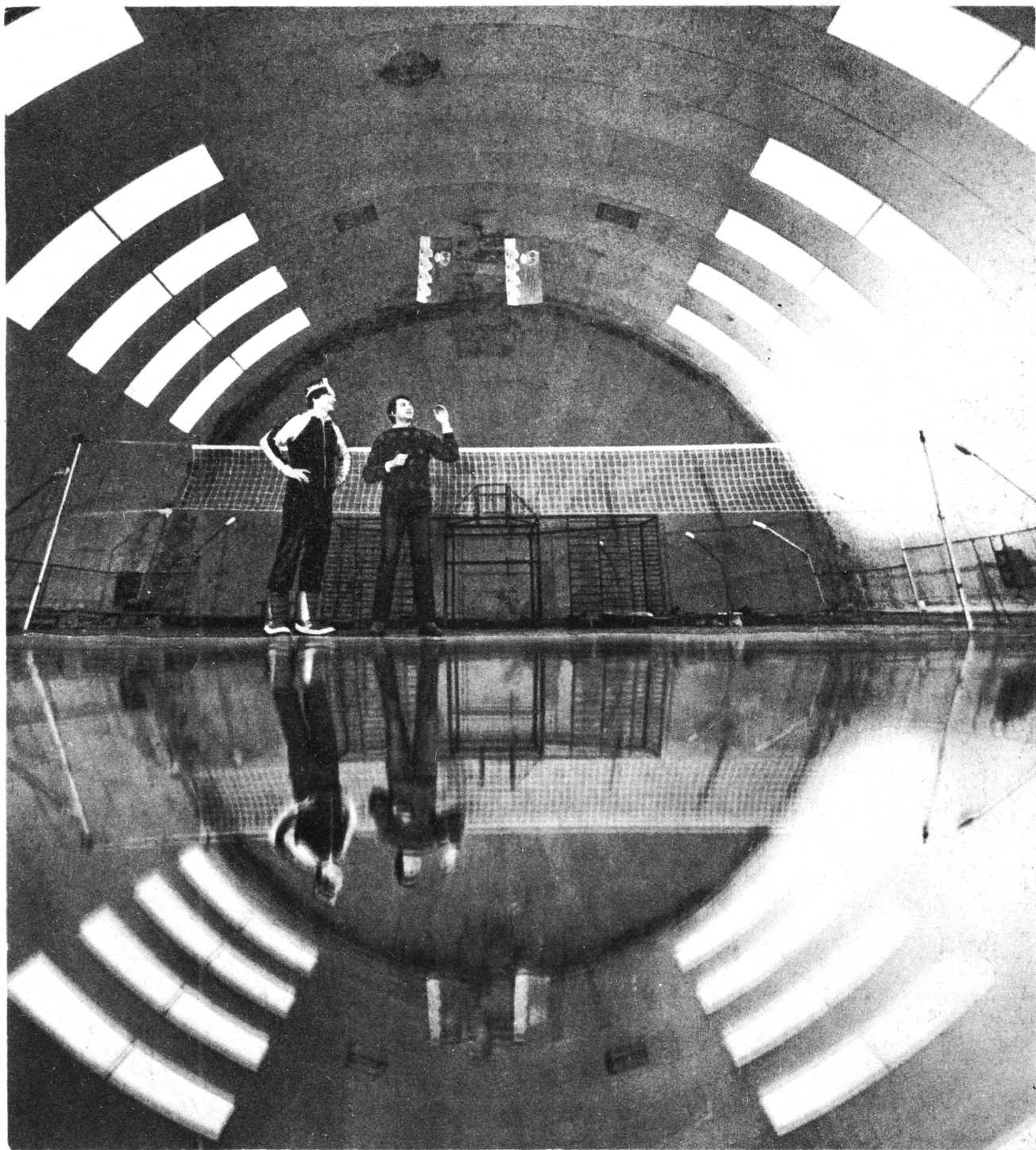

Фото В. Ветлугина

МАНЕЖ ИЗ ВОЗДУХА

Жители поселка Рефтинский уже привыкли к этому строению. И взрослые, и дети знают, что под его матерчатой крышей — спортивный манеж птицефабрики. Удивлялись они только в те дни, когда на месте бывшей свалки в диковинные сроки (всего за пять недель!) выросло необычное для местного пейзажа «здание».

См. стр. 57.

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

8 '86

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

- В НОМЕРЕ:**
- 2/ О. Поскребышев
НАД БЕЛОЙ ОБСКОЮ ГУБОЙ... Стихи
 - 4/ ЧТО ЗА КВАРКАМИ!
 - 8/ С. Задереев
ДЫМЫ НАД ГОРОЙ. Рассказ
 - 14/ В. Пашин
МИШКА, ЯШКА И ДУНЯШКА
 - 15/ И. Лычагин
ЖЕНСКОЕ ЛИ ДЕЛО — ВОДИТЬ ТАНК!
 - 16/ Р. Ругин, Н. Денисов
КОГДА ПРЯМА ДОРОГА И ЧЕСТНА. Стихи
 - 18/ Д. Лившиц
ТЕНИ СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЫ
 - 24/ ПАРУСА И ШПАГИ «КАРАВЕЛЛЫ»
 - 33/ Э. Бутин
ЛИЦОМ К ЛИЦУ. Повесть. Начало
 - 57/ В. Демин
МАНЕЖ ИЗ ВОЗДУХА
 - 58/ Н. Орехов, Г. Шишко
ЭМОСКАФАНДР. Рассказ
 - 62/ В. Грибовский
ВСЕ РАВНО НЕ ПОВЕРЯТ... Рассказ
 - 65/ В. Хохлачев
СВИДАНИЕ С СОФИЕЙ
 - 67/ В. Павлов
ПОД ИНИЦИАЛАМИ «П. С.»
 - 70/ И. Иванев
ПРИГОВОР ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ
 - 76/ Ю. Фролов
ВСТРЕЧА НА РАССВЕТЕ
 - 78/ Ю. Борискин
ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ТИХООКЕАНСКИЙ ЩИТ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

На 1-й стр. обложки рисунок Е. Стерлиговой

© «Уральский следопыт», 1986 г.

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ

Рисунок В. Ганзина

Над белой

В Харасавэй, где должно было состояться заседание выездной редколлегии «Уральского следопыта», творческая бригада журнала прилетела вечером. Ямал встретил нас крепким морозом и шквальным ветром. Даже малой дистанции, исчисляемой от трапа самолета до взездехода, хватило, чтобы почувствовать экзотику этих мест.

Многие из нас впервые попали за Полярный круг, впервые ощутили непривычную серую мгlistость полярного дня, увидели пусть не роскошные, напротив, скромные, но все-таки настоящие сполохи северного сияния. Да и жили мы в балке, за которыми сразу же простирался дышащий холодом суровый Ледовитый океан.

Но не за туманом и запахами тундры прибыла на восточный берег Карского моря творческая бригада журнала «Уральский следопыт» и Тюменской областной писательской организации. Писателей, журналистов ждали встречи с буровиками, геологами, шоферами.

Ямал, как точка приземления, был выбран не случайно. Веками по голой тундре бродили стада диких и домашних оленей, лишь кое-где ютились у побережья редкие селения рыбаков. Полуостров и ныне не назывешь многолюдным — писательский десант пересек на вертолете Ямал от Харасавэя до Сабетты, лежащей на берегу Обской губы, и на всем пути всего однажды заметил признаки жилья — то была буровая, казавшаяся инородным телом в царстве белого безмолвия. И все-таки сейчас сполохи электросварки на земле все чаще соперничают со сполохами на небе.

В принятой XXVII съездом партии программе экономического и социального развития СССР, где каждое слово многократно выверено, есть такое предложение: «Осуществить работы, связанные с организацией добычи газа на полуострове Ямал». За этой короткой фразой стоит очень многое. Строители, эксплуатационники осваивают места, где практически нет жилья. Даже вечная мерзлота и та здесь особенная: почти один лед, с незначительными вкраплениями мха и грунта. И на ней, на этой мерзлоте, таящей в своих глубинах конденсат, предстоит воздвигнуть мощные трубопроводы, компрессорные станции, вахтовые комплексы. А как доставлять грузы, исчисляемые тысячами тонн? Воздушным путем дорого, водным — тяжело, слишком сжатые сроки для навигации отводит океан. При нас, в декабре, к ледовому припаю мыса Харасавэй «причалил» атомход «Ленин». Возможно, такой способ транспортировки грузов и будет выбран как наиболее оптимальный.

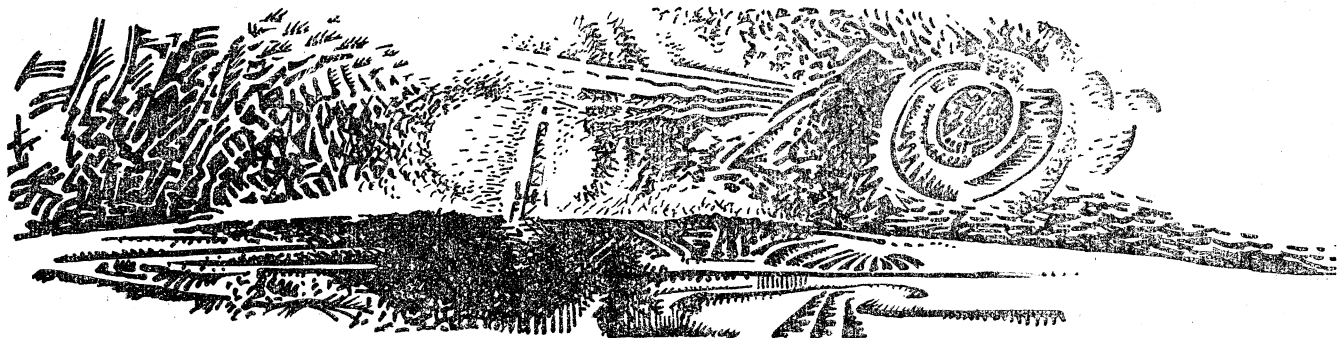
В составе творческой группы находился известный советский поэт Олег Поскребышев. Он впервые очутился за Полярным кругом, и видно было, как он «впитывал» в себя все увиденное и услышанное. Когда выдавались свободные часы, чаще всего по вине нелетной погоды, Олег Алексеевич доставал ручку, блокнот и торопливо набрасывал что-то. Через два месяца в редакцию из Устинова пришел пакет: «После командировки на Север у меня написан цикл стихотворений (обычно из поездок я не привожу ничего, да и вообще не люблю работать по мимолетным впечатлениям). Видимо, эта поездка была особенной для души, как-то особенно легко дышалось мне».

Предлагаем читателям стихи Олега Поскребышева.

Станислав МЕШАВКИН

ТАКАЯ РАБОТА

Как голодные просят хлеба,
Хоть краюшку,
Хоть ломоток,
Вертолетчики —
Чтобы небо
Чуть приподняло потолок.
Им, извозчикам черной тундры,
Снова дело велит в заезд.
Но без неба не то что трудно —
Без него им совсем зарез.
Облака — все плотней и ниже,
Ниже труб,
Тяжелей тоски.
Море Карское жадно лижет
Их чугунные завитки.
Стужа дыбится все грознее,
Ночь полярная —
Грозовой.
Сжатый ею и слитый с нею,
Сипло дышит Харасавэй.
Треплет вышки ветрище жуткий,
Небо —
Черной горе под стать.
Ну, хоть часика два бы в сутки
Для полетов суметь урвать!
Но зато уж,
Чуть в таянком беге
Пораздавинутся облака,
Рухнут грузы в нутро телеги,
Загрохочут в ее бока.
Разом схлынет оцепененье:
Взлет...
Посадка...
Скорей, скорей...
Нету времени — есть мгновенья,
Эй, в работе себя согрей!
Снова грузы грохочут.
Баста!
Кто там, голову береги!
...И опять лошадей гривастых
В небо вздыбили ездоки.

Обскою губой...

БУРОВАЯ

Тут давай ломи плеча,
 Все отдай — не будет лишка.
 Как оплывшая свеча,
 В ледяных наростах вышка.
 Вдруг нее пургу взбодрив,
 Летит ветер вон из кожи
 С испытанием на разрыв
 И на скручивание тоже.
 Тут работать — значит, смель,
 А посмеив — не отступиться,
 Уж какой ни рыщет смерч
 Вместе с вьюгою-волчицей.
 Неудача не убьет,
 С неполадок — не заплачут;
 Кожа с рук — вновь нарастет,
 Хруст в спине — а как иначе!
 Молодые — ох, народ! —
 Люты в деле беззаветном.
 В глубь земную бур идет
 Сантиметр за сантиметром.
 И в глазах у всех вопрос:
 «Ну да скоро ль ты? Да где ж ты?»
 Холодит сердца мороз,
 Греет солнышко надежды.
 Тут, брат, попросту нельзя —
 Так да саяк да понемногу.
 На себя такое взяв,
 Эти парни — могут... могут!..

Д. Лившицу

Над белой Обскою губой,
 Почти по краю света,
 Мы тундрой шли от буровой
 В недалнюю Сабетту;
 Шли,
 Сами захотев тот путь
 Ногами перемерить,
 Чтоб ветра крепкого хлебнуть,
 Чтоб оглядеть весь берег.
 — Поразомнемся в самый раз!
 — Эгей, вперед, мужчины! —
 Мы шли —
 И обгоняли нас
 Попутные машины.
 И помнится —
 Любой шофер
 Сквозь куржавину-проседей,
 Притормозив,
 Кричал в упор:
 — Не надо ли подбросить?..
 Ну, спросит,
 Ну, чего, кажись!
 Кажись, велико ль дело?!
 Но становилась краше жизнь
 И что-то в стужу грело.

ВАХТОВЫЙ САМОЛЕТ

Снежной холстиной поле взлетное распласталось,
 И самолет рванулся — тяжек, ширококул...
 Он поднимает в небо многих людей усталость,
 Тягу к родному дому, нажитую тоску.
 В этом утробном гуле, в жестком железном лязге —
 Весь он. Ему непросто. Он на борту несет
 Груз ожиданий, ревность, муку без женской ласки,
 Хмурость и задубелость тундровых непогод.
 Кто-то изныл душою по вековым березам,
 Кто-то устал без солнца, без молодой травы...
 Вот что он тащит, грузный, сквозь облака и роздымы —
 Выдержали б заклепки, не разошлись бы швы!
 Словно и у машины сердце истосковалось,
 Словно и самолету нечто передалось:
 В гуле его упорном все откровенней радость
 Предощущений света, смеха, счастливых слез.
 Люди спешат, чтоб дома им про запас набрать
 Счастья, тепла, уюта, красок Большой земли...
 Высказать все словами им не хватало раций.
 Слов не хватало в письмах. Письма, так долго шли.
 ...Может, в глаза соринка вдруг пареньку попала,
 Друг его спрятал очи — может, от солнца режь?..
 А самолет — притихший — вслед им глядит устало,
 Помня, что всем недолге будет обратный рейс.

ЗАРАБОТАЛ СТОЛЬКО ДЕНЕГ...

[Вместо очерка]

Заработал столько денег — аж топырится карман,
 А куда их парень денет, пусть немалый отпуск дан?
 «Как мне быть? Что делать, братцы? Чем заняться с первых дней?
 Может, сразу разгуляться, так чтоб хмеля стать хмелей?
 Может, коли стал богатым, закупить мне на торгу
 Все, что надо и не надо, лишь развеять бы деньгу?!»
 (Так бывало встарь, при фарте — сиволап, страшон, дремуч —
 Все, чудя, скупал старатель, даже бархат для онуч).
 Скучен парень: черной тучей смотрит он на белый свет:
 Зарабатывать научен, тратить с толком деньги — нет.
 У него еще ни крыши, ни жены и ни детей,
 Промотать готов он тыщи, как последний дуралей.
 Жаль нелегкие деньжишки; сказанем и о самом:
 Очень можно бы парнишке поистратиться с умом.
 Я ему в беседе мирной, до разгула упредив,
 Подскажу: — А ты в квартирный торкнись кооператив!
 И пока дожди полощут, вьюги сердце жмут в горсти —
 У тебя своя жилплощадь будет, радуя, расти.
 А как выберешь подругу — не мечись, не хлопочи:
 Вот он, ваш домашний угол, и в руке поют ключи.
 — Та-ак, — протянет он, притихший, — а скажи-ка, друг, теперь:
 Кто ж меня в него запишет, постучать в какую дверь?
 — Ну, об этом не печалься, головой к земле клонясь,
 Позаботится начальство, вся большая наша власть.
 Есть над чем тут покумекать, стаи дум поторопив:
 Это ж все для человека — для тебя и для других... —
 Вот что я ему отвечу и подумаю как раз:
 Нет заботы человечней меж других забот у нас.
 Пусть она всех тех коснется, кто на совесть — не за страх —
 Для страны вздымает солнце на суровых северах.

ЧТО за КВАРКАМИ?

**О роли молодых
в «овладении» Уралом
рассказывает
Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственных премий СССР
академик С. В. ВОНСОВСКИЙ**

— Сергей Васильевич, мы вступили в новую пятилетку, не за горами год 2000-й. Наверное, вопрос о смене поколений в науке так же сложен, как и повсюду!

— Значение науки чрезвычайно возросло... Действительно, все, чем сильна страна, а именно: экономикой, промышленным потенциалом, производительными силами — все это, в конечном счете, определяется уровнем развития науки. Кто же должен делать ее, кто должен быть наиболее смелым? В первую очередь — талантливая молодежь.

— Но какая это молодежь! Есть ли у каждого поколения в науке свои отличительные черты!

— Конечно, у каждого поколения свое неповторимое время. Но есть неизменные черты. Научная молодежь должна обладать определенным уровнем интеллектуальных способностей. Нужна высокая работоспособность. Я бы сказал, особая педантичность. Для настоящего ученого нет работы: «от» и «до» — он всегда должен быть в мыслях о своих поисках. Легкого пути в настоящей науке не было, нет сейчас и не будет в будущем. Потому что наука проникает в область неисследованного, неразгаданного. Ученый должен настойчиво вторгаться в глубочайшие тайны мира, которые с каждым новым шагом все труднее раскрывать. Молодым открывается так много заманчивого, интересного, зачастую совершенно необыч-

ного. Особенно это проявляется в фундаментальных исследованиях, где мы видим границу между уже познанным и еще совсем непознанным. Здесь самый трудный и, вместе с тем, самый увлекательный, романтический поиск.

Сейчас в моей любимой физике, как и во всякой науке, существует свой передний край: постижение глубинного строения мира. Еще в далекой древности возникла мысль, что при делении любого тела на все более мелкие части в конце концов придется к неким последним «кирпичикам мироздания», которые греческие натурфилософы называли атомами. Долгое время атомы и были «последними инстанциями» в структуре материи.

Сейчас учение о строении микромира значительно продвинулось. Оказалось, что и такие субатомные частицы, как атомные ядра, тоже не элементарны, не являются последними кирпичиками мироздания, а представляют комбинацию протонов и нейтронов. И они имеют еще более мелкие составные части — так называемые кварки. Здесь в свете знаменитого ленинского положения о «неисчерпаемости электрона» предстоит путь дальнейшего бесконечного деления материи, за кварками будут еще какие-нибудь сверхкварки и так далее... Мы пока, конечно, еще не можем сказать, что будет дальше, но именно в этой неизбежности, неисчерпаемости материи и заключается самое увлекательное, самое поразительное. Действительно, можно только удивляться, как это удается человеку производить такие сверхтонкие и сверхточные эксперименты, которые позволяют раскрыть глу-

бочайшие тайны микроструктуры материи и одновременно — строение огромного звездного мира. Да, да, именно одновременно — так было раскрыто единство мира. Следует также отметить и еще один факт: все то, что открывают физики, уточняет практически все наши старые научные знания. Таким образом, все новое, что происходит на переднем крае науки, заставляет пересматривать ее прежнее содержание!

— Можно сказать, что мы имеем дело со своеобразным «крикшотом» новых результатов на старом поле науки!

— Да, действительно, можно говорить о таком рикошете. Мы уже знали, например, о таком явлении, как электропроводность металлов или об их магнитных свойствах, еще и до открытия ядерно-электронной структуры атомов. А вот после открытия все эти явления мы стали понимать гораздо глубже. С появлением механики атомной (так называемой квантовой механики) были созданы полупроводники. Мы теперь знаем, какую революцию они произвели и в науке, и в технике (были созданы целые новые отрасли — электроника и т. п.). А ведь без открытия электрона и его новой механики мы, возможно бы, не додумались до полупроводников. Мы видим: наука непрерывно омолаживается. И это не может не привлекать молодежь.

— Но ведь мужество, целеустремленность и другие качества, названные вами, требовались от молодого ученого во все времена. Есть ли качества, которые характерны для современного молодого ученого?

— Резко усиливается необходимость более глубокого проникновения внутрь материи, то есть существенно увеличивается высота барьера, который должен преодолеть в своей деятельности ученый, а это требует еще больше мужества, настойчивости, систематичности, педантичности...

— Можно еще сказать, что значительно усилилось требование к умению работать в коллективе!

— Раньше ученый мог и в одиночку делать большие открытия, проводить решающие эксперименты. Достаточно напомнить о таких гигантах мысли, как Фарадей, Ломоносов, — они работали, как правило, индивидуально. А сейчас, когда вы, предположим, хотите работать на ускорителе, там уже никак нельзя работать в одиночку. Еще, может быть, в области чисто теоретических проблем остались некоторые возможности решать и большие научные задачи одному ученому. Но и в области теории коллективизм преобладает — достаточно напомнить о школе физиков, которая возникла вокруг Нильса Бора, или о школе Ландау. Коллективизм в науке, я бы сказал, в первую очередь связан с экспериментальной техникой. Научный эксперимент теперь нельзя делать «на сличках», «на веревочках», его делают с помощью мощных аппаратов, сложных приборов. Это ЭВМ, ускорители, электронные аппараты-микроскопы, лазеры, установки с использованием экстремальных внешних воздействий. Словом, техника физического эксперимента невероятно усложнилась. Усложнилось и управление индустрией науки, нужны поэтому большие коллективы ученых-естествоиспытателей, техников и инженеров самых различных специализаций. Молодой ученый, работающий в большом коллективе, должен хорошо представлять себе, где находится его участок, какими соседями он окружен. Все это тре-

бует добавочных знаний. Надо также отметить очень большой темп в развитии науки, в появлении новых направлений. В прошлом году я был с несколькими моими московскими и украинскими коллегами на очередной международной конференции по физике магнитных явлений в Соединенных Штатах. И мы обнаружили новые имена, новые направления в изучении магнитных свойств. И еще раз убедились, насколько важно быть в курсе перемен. Конечно, современному ученому несравненно сложнее, чем исследователю, скажем, начала XVIII века. А передача опыта молодежи сейчас приобретает особое значение.

— То есть вопросы подготовки кадров, человеческого фактора в развитии науки!

— И в подготовке кадров, и в выборе программ научных исследований, и в выборе тех знаний, которые нужны молодому человеку, чтобы двигаться самостоятельно. Тут у нас далеко не все в порядке. Должна помочь электронно-вычислительная техника, компьютеризация. Это очень важный инструмент и для науки и вообще для всей жизни. Так ценно, чтобы молодежь хорошо ориентировалась в специальной литературе. Мы должны быть на уровне мировых научных достижений. Поэтому ученый и не может трудиться «от» и «до»...

— Вообще, роль учителя в жизни молодого ученого невозможно переоценить!

— Это, конечно, очень важно. Каким должен быть пожилой ученый? Если он отстал, не понимает своеобразия новых научных течений, нового духа науки, то должен немедленно уйти. Потому что, оставаясь с таким непониманием, он будет только тормозом. Знаменитый физик Петр Леонидович Капица... И в 90 лет он не потерял живости ума, не утратил свежести восприятия. И он мог передать это молодежи, оставаясь до самого момента ухода из жизни Учителем. Оставаться в науке можно только до тех пор, пока ты способен поддерживать молодежь, пока можешь показать, что именно в этом направлении надо сейчас идти молодому человеку, что это именно самое интересное, самое важное, самое нужное в науке. Тут важны и некоторые этические моменты. Ученый заслужил уважение, имеет имя... Зачем ему гнаться за лишним числом работ, «приписываться» к работам молодых коллег? Это все совершенно лишнее, я бы сказал, недостойное. Хотя такая тенденция имеет место и за границей, и у нас, к великому сожалению. И это, конечно; плохо действует на молодежь. И вот уже и сами молодые стремятся, якобы для большего веса, включить своих руководителей в число соавторов, ставя тем самым старших товарищей в неловкое положение...

— Сергей Васильевич, известно, что на Украине молодежь очень много сделала для создания инженерных центров, в Белоруссии — для развития оптики. А можно ли обозначить узловые вопросы, где могли бы проявить себя наиболее эффективно молодые ученые Урала!

— Мог бы назвать много узловых проблем, в решении которых молодые могут принять, а часто уже принимают активное участие. Во-первых, науки о Земле. Урал — это изумительная по разнообразию полезных ископаемых геологическая провинция. Вместе с тем Урал, как это сейчас стало очевидным, еще далеко не исследован. Точка зрения о том, что уральские недра уже прак-

тически исчерпаны, оказалась совершенно неправильной. И поэтому в области геологических, геофизических исследований, раскрывающих нетронутые богатства Урала, конечно, наша молодежь может сделать многое. Здесь и участие в геологических экспедициях, в разработке новых геофизических методов разведки полезных ископаемых. В области добычи нефти и природного газа, которые так необходимы для нашей экономики, сейчас очень остро стоит вопрос об оживлении потухших совсем или «умирающих» нефтяных скважин. Известно, что при добыче нефти используется примерно треть ее запаса в земле. Вот где возможность для ученых проявить творческую инициативу. Группа молодых физиков УНЦ, электронщиков Уральского политехнического института и геофизиков одного московского института опробовала на ряде угасающих скважин Западной Сибири метод, способствующий увеличению дебита нефти. Используется при этом ультразвуковое облучение нефтяных слоев.

Еще одна область для применения сил молодежи... Уральское рудное богатство, как правило, многокомпонентное. Например, месторождения, где добывается руда для черной металлургии, всегда содержат (хотя и в меньшем количестве) также и медь. Однако до сих пор господствует, к сожалению, своего рода «монотехнология», когда из всех богатств руды извлекается лишь один компонент, а все остальное — в отвалы. Какое же богатство в них содержится? А сами отвалы к тому же приносят вред, ибо отнимают плодородную почву, загрязняют природу. Однако, если к этим отвалам приложить руку, то из них можно получить много полезных вещей.

Можно указать еще на один важный вопрос: создание экологически чистых технологий.

Возникают проблемы, связанные с созданием принципиально новых материалов — магнитных, полупроводниковых материалов, обладающих высокой прочностью, но не содержащих дефицитных веществ. Здесь очень интересную работу выполнили наши химики. Они разработали великолепный материал для изготовления режущего инструмента, не содержащий дефицитных вольфрама и кобальта.

— Всегда ли вы ощущаете поддержку производителей?

— Конечно, не всегда... Например, наши ЭВМ часто не соответствуют уровню мировых стандартов. В Союзе есть крупнейшие в мире ученые и инженеры-специалисты в области вычислительных математики и техники, а само производство ЭВМ, их качество уступают зарубежным. Вот в прошлом году мне удалось наблюдать, так сказать, компьютеризацию в США. Там в любых магазинах, где продают радиоаппаратуру, есть индивидуальные компьютеры. Видел такую интересную сценку. В магазин пришли папа с дочкой — покупать компьютер. Пока он читал проспект прибора, его дочурка уже включилась в игры на экране телевизора, который был придан компьютеру. Дети сразу схватывают эту технику. А вот у нас иногда, к сожалению, пытаются учить информатике... без компьютеров. Это все равно, что обучать езде на велосипеде без велосипеда. Перед научной молодежью стоит огромная задача — помочь общеобразовательной школе и ПТУ во всем, что касается компьютеризации. Убедить учителей и школьников, что это не какая-то мода, а что это действительно необходимо для всей практической и научной деятельности человека. Компьютеры широко начали применяться не только для решения сложных и трудоемких математических задач, но также для многих других, казалось бы, очень далеких от математики вопро-

сов — здесь и составление отчетов, решение строительных и архитектурных задач, даже сочинение музыки. Если армия молодых энтузиастов-ученых сдвинет это дело, разовьет его, то польза для всей страны будет неограниченной.

Помните, как сказал о настоящем моменте Генеральный секретарь нашей партии М. С. Горбачев в своих отчетах на вопросы газеты «Юманите»: «Суть того, что делается в стране и, прежде всего, в партии сейчас, — решительно ускорить социально-экономическое развитие советского общества, используя для этого все имеющиеся возможности. Это — конечно же, революционная задача. Именно мы, ученые, и молодые и старших поколений, должны поднять уровень науки на большую высоту. Велика здесь роль правильного сочетания фундаментальных научных исследований с исследованиями технического плана. И здесь многое, повторяю, зависит от активности научной молодежи, ее задора».

— По поводу «задора и активности» разрешите, Сергей Васильевич, еще раз заметить: «кристаллизация» этих качеств начинается в детском, подростковом возрасте. Между тем если в школе сегодня провести сочинение на старую тему «Кем быть!», то лишь немногие ребята, мне кажется, напишут: я хочу быть физиком или математиком.

— Здесь есть приливы и отливы. Например, после войны был «ядерный всплеск». А потом молодежь больше стала увлекаться не физикой, а биологией. Задача ученых — и молодых, и старых — умно и настойчиво пропагандировать свою науку. Выдающийся ученый Мстислав Всеволодович Келдыш всегда подчеркивал, что для отыскания молодых талантов нельзя жалеть ни сил, ни времени. Иногда они погибают. Их никто не поддержал. Поэтому часто люди, вступив на самостоятельное поприще, занимаются деятельностью, никак не связанной с их способностями и возможностями. Вы спросите: проводим ли мы поиски талантов где-нибудь в глубинке? Ответ почти всегда будет отрицательным. А, между прочим, в США не только интенсивно работают по тщательному отбору талантливых молодых людей у себя дома, но систематически «забирают мозги» из других стран. Да, надо нам заботиться о резерве науки, тщательно отбирать людей, действительно способных к науке.

— Вы могли бы привести примеры, когда рост ученого проходил на ваших глазах?

— Конечно, я могу назвать коллег, становление которых проходило при моем непосредственном участии. Вот один из них — Юрий Александрович Изюмов, которого я по старой памяти зову Юрой. Он теперь стал ученым, которого хорошо знают физики Союза. Бывал во многих американских университетах и атомных центрах, читал там циклы лекций, работал полгода у крупных физиков Англии, сейчас уехал в длительную командировку в Копенгаген. Вот так из студента физфака и родился ученый, которого знают сегодня во всем физическом мире. Он очень крупный теоретик в области нейтронной физики, автор больших монографий. А свои первые шаги в науке он на моих глазах делал еще скромным студентом. Теперь вокруг него работает целая группа уже из следующего поколения.

— Сергей Васильевич, ваша судьба — наука... В какие моменты вы испытывали наибольшую радость?

— Как вам сказать? Конечно, такие моменты были. В физику я пришел не сразу, хотя отец был у меня учитель физики. Когда я заканчивал школу (в конце 20-х годов), было повальное увлечение техникой. Физика, математика и другие естественные науки считались далекими от жизни. Мечтал строить паровозы. Почему-то была у меня такая сильная, как говорят, голубая мечта. Сейчас паровозы уже практически ушли из жизни, но тогда это было так интересно... С увлечением читал книги писателя и инженера Гарина-Михайловского, знал все серии паровозов. В свободное время бегал в депо и до сих пор помню, с каким наслаждением вдыхал смесь дыма и пара... Так случилось, что я стал часто болеть — привязались ангины, которые наградили брачком в сердце... А ведь инженеру нужна хорошая физическая подготовка. Тем более инженеру-паровозостроителю. Ему надо было поработать и кочегаром, и машинистом. Тогда и решился у меня дома (наверно, я не один раз всплакнул тайком по этому поводу!): лучше поступить на физико-математический факультет, тем более у меня в школе по математике и физике дела шли не плохо. Итак, я поступил на физмат, но с тайной мыслью, что потом, может быть, когда здоровье немного улучшится, я смогу перейти в институт железнодорожного транспорта. Но тут и произошла метаморфоза — увлекся физикой. Вот это и было одной из моих первых радостей. Я полюбил физику, и она стала скоро моей профессией. Начал свое высшее образование в Ташкенте, в стенах Средне-Азиатского госуниверситета. Но когда переходил на третий курс, возникла такая ситуация. В 30-х годах закрыли практически все университеты, кроме московского и ленинградского и, кажется, киевского. Считалось: университеты, в самом названии которых предполагалась универсальность образования, что это, мол, наследие царской России, а для построения социалистического общества надо перенимать американский метод образования — по узким специальностям. Правда, такая «культурная революция» в высшем образовании продолжалась не очень долго, но я успел перевестись и окончить физический факультет Ленинградского госуниверситета. И вот там, когда я встретился с нашими крупными учеными, я еще больше увлекся физикой. Всем, что я сделал полезного в моей жизни, я обязан, конечно, своим родителям, которые воспитали у меня определенные гражданские принципы, и учителям, начиная со школьных. Я им очень глубоко обязан и благодарен, хорошо помню их всех...

Второе радостное событие в моей жизни было после окончания Ленинградского университета. Меня направили на работу в Уральский физико-технический институт...

— В каком году это было?

— Решение об организации Уральского физико-технического института было принято в январе 1932 года.

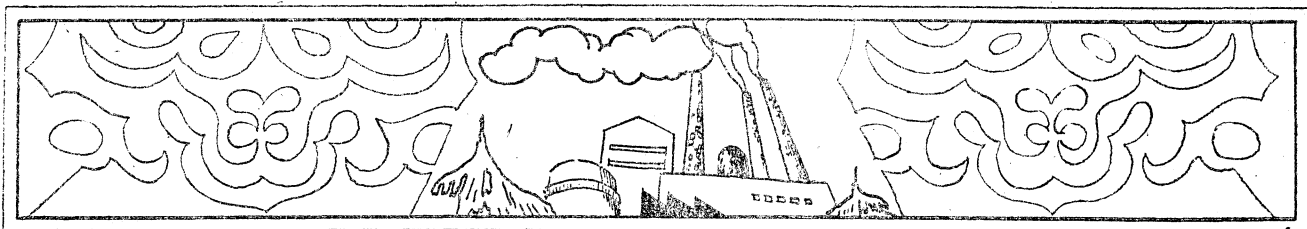
Институт (после окончания строительства здания) сформировался в 1935 году, но несколько физиков-теоретиков, в числе которых был и я, переехали в Свердловск еще в октябре 1932 года. Вот с тех пор я и живу на Урале. Здесь живут и работают мои дети, внуки, а теперь появился и первый правнук — Сенечка.

Радостным у меня в Свердловске было то время, когда я начал делать первые шаги в науке. Исследования выполнял под руководством моего дорогого учителя Семена Петровича Шубина, основателя научной школы по теоретической физике в Свердловске. К сожалению, он ушел из жизни совсем молодым человеком... Докторскую диссертацию я защищал в военное время (она была написана еще до войны) — в 1942 году. Тогда работал как инженер на оборонном заводе. Применил свое знание физики при разработке специальной аппаратуры для контроля качества корпусов артиллерийских снарядов. Вспоминается сейчас... Когда впервые вошел в огромный цех, где велась механическая обработка корпусов снарядов, услышал скрежет резцов (который до сих пор стоит в моих ушах), увидел: за рядами станков стояли женщины и подростки! Вот кто тогда ковал оружие для нашей армии... Когда мы защитили свои диссертации, наши войска разгромили фашистов под Сталинградом. У меня тогда было дзюйсе счастье с моим товарищем Яковом Савельевичем Шуром. Мы тоже внесли какой-то, может быть, и не очень большой вклад, но все же вклад в победу. Наш труд давал возможность заводу, на котором мы работали, и другим заводам, где были наши контрольные приборы, увеличить выпуск корпусов артиллерийских снарядов. Ну, а потом еще были приятные моменты. В 1957 году избрали членом-корреспондентом АН СССР, а потом (в 1966 году) академиком... Не переоцениваю своих достижений, но считаю, что правильно себя вел в том смысле, что не принимал никаких лестных предложений о переезде с Урала. Всегда считал и сейчас уверен в том, что коли я сюда послан таким человеком, как Абрам Федорович Иоффе, одним из создателей советской физики, то должен служить Уралу.

— А вот такие счастливые моменты в жизни физика-теоретика бывают, как у Ньютона: яблоко упало, и открытие совершилось!..

— Такое, наверно, очень редко случается. Например, Нильс Бор работал у Резерфорда. Резерфорд открыл на опыте ядерную модель атома, Бор объяснил ее теоретически. Открытие типа «ньютоновского яблока», видимо, красивая легенда. Кстати, это дерево я видел. Когда был в Англии, то ездил посмотреть и домик Исаака Ньютона. Там сейчас музей...

Беседу вел Г. ШЕВАРОВ

Рисунки Е. Охотникова

ДЫМЫ над ГОРОЙ

Сергей ЗАДЕРЕЕВ

Лошадь белая в поле черном
Вскинет голову и заржет...

Н. РУБЦОВ

Зимой, рано утром, я всегда выхожу посмотреть на гору. Если там, над кладбищем, поднимается столб дыма, значит, вчера умер человек. А это отогревают землю, чтобы вырыть для него могилу.

Сегодня, еще засветло, я ушел на зайцев в курью. Проплазав по глубокому снегу до обеда, я, умаявшись, на обратном пути зашел на кладбище. Хотелось навестить Юрку, давно я не был у него.

С окраины доносилось покашливание, мужской говор. Невысокий крепкий мужик и совсем молодой (но по силе под стать ему) парень рыли могилу. Я закурил с ними. Заговорили о нынешних морозах и неожиданно появившихся в селе китайских яблоках. А снизу уже доносились пухлые траурные звуки похоронного марша. По Московскому тракту тянулась небольшая вереница людей. Солнце ярко играло в медных трубах оркестра и гасло в венках, придорожных кустах. А чья-то суевверная рука не переставая бросала из кузова под ноги процессии пушистые пихтовые ветки.

Я недоуменно глянул на мужиков.

— Это не к нам,— сплевывая обжеванный конец папиросы, сказал молодой.— Это дядя Вася,— он кивнул в сторону напарника,— вчера вырыл вон в том углу.

— Рак ее скрутил. И бабенка, говорят, молодая,— мужик стукнул черенком о камень, глубже насаживая лопату.— Мрут люди: год-то нынче високосный...

— Високосный, говоришь? — спросил я.

Последний год для Юрки тоже был високосный. Но не это. Нет...

Бредя по тонкому насту, запинаясь за кромки, я опять вспоминал, словно было это не пятнадцать лет назад, а совсем недавно. Какая-то случайная фраза вернула туда, и я уже не мог освободиться.

Вот и крест его заиндевший, будто изнутри идет неведомый жар. Я приложил ладонь, и холодное кружево влажно просело...

На окраине села, где сейчас вытянулась улица 9-й пятилетки, раньше стояла приземистая, со всех сторон обваленная кучами навоза конюшня.

Мальчишками мы проводили там почти все свободное время. Если Юрка был в настроении, он разрешал покататься не только на смирном мерине со странной кличкой Хвороба, но и выводил уросистого жеребца Ветерка. Пока Юрка держал его за уздечку, кто-нибудь из нас проворно прыгал в седло и делал несколько кругов у конюшни. По очереди катались все, пока Ветерок не начинал капризничать, подбрасывать задние ноги, недовольно крутить мордой.

— Все, робя, ему на простор надо,— говорил Юрка и уводил жеребца в стойло.

Весь день мы носились по улице, зимой гоняли глызку или строили снежные пещеры, летом купались или играли в лапту, а уже вечером опять собирались у Юрки. Зачастую он рассказывал нам о себе, вспоминал. В сумеречном свете конюшни мы быстро успокаивались, сидели притихшие. Юрка говорил медленно, словно старался, чтобы мы запомнили его:

— Это в колхозе еще. Работы жуть было. Конечно, и трактора пахали, и машины возили, но куда ж ты без коня. А вот отношение к нему совсем некудышное, не людское... Это раньше был тягловый транспорт, а теперь так, обузой конюшня стала. Им же, понимаешь, овес нужен, а он сам не растет,— Юрка бросал папиросу в банку с водой, сразу закуривал новую.— Вот и ушел я отсюда. Невмочь было смотреть...

Нам нравилось, что Юрка разговаривает так запросто, наравне, как со взрослыми. Он замолчит ненадолго, задумается, и слышно, как топчутся в стойлах лошади, пофыркивают, наверное, тоже переговариваются меж собой.

А однажды приехали к нему его друзья. Пришли они в конюшню вечером и только заговорили, засмеялись, стали чем-то очень похожи друг на друга. На вид такие разные, но все равно словно братья.

Юрка познакомил нас, правда, их просто по имени мы звать не могли, а добавляли почтительное «дядя».

Долго вспоминали друзья о своем совместном

житье-бытье. И нам, поднимавшимся под покровом родителей, было все необычно и забавно.

Вырос Юрка, как и его гости, в детском доме. Он не знал ни отца, ни матери и, может, поэтому тянулся ко всему живому, что не связано с человеческим миром. Еще пацаном он встретил на берегу реки подраненного журавля и принес в корпус. Пока бегал в кухню выпросить что-нибудь покормить птицу, воспитательница выбросила ее в окно. «Это не птицеферма, а спальня».

Юрка вбежал, прижимая к груди, словно драгоценности, кусок хлеба и банку с молоком. Он вбежал и сразу все понял. Со всего размаху плеснул белую жидкость в лицо воспитательницы и выскочил в окно.

Итогом этого стало наказание. Юрку неделю не выпускали на улицу, но журавль жил. Мальчишки миглом соорудили в лесу, благо он окружал детдом плотной стеной, балаган, и каждый оставлял для птицы часть своего ужина, обеда или завтрака. И даже игра у них новая появилась. Если, допустим, журавль сегодня не ел подношение у Митьки Скворца, значит, он не любит его, а вот у Васьки Ноздри он весь чай с хлебными крошками слопал — Васька хороший человек.

Все с нетерпением ждали Юркиного выхода на свободу, хотелось посмотреть, как птица примет его. Кое-кто из пацанов даже поспорил об этом. А когда Юрка пролез в узкое отверстие балагана, журавль впервые расправил черные крылья, захлопал ими и запританцовывал перед своим спасителем.

— Вот и срослись крылышки, — радостно прошептал Юрка. — Братик ты мой...

Так и осталось за журавлем это имя — Братик. Мальчишки ловили для него лягушек и собирали бруснику. Птица, хоть и выздоровела, не спешила покидать их.

Через три года (журавля Юрка давно отпустил, скоро и самому улетать, весной сдаст экзамены, и в ПТУ или техникум отправят) в детдом приехал инспектор.

Зима была морозная, все дороги перемело сыпучим, как соль, снегом, и инспектор из района добирался на лошади. Свой транспорт он доверил завхозу, а сам поселился у директора. Что он проверял-инспектировал — не известно, его и видели-то пацаны всего три раза. Когда прибыл, когда убыл и когда...

Лошадь инспектора Юрке понравилась с первого взгляда. У них в детдоме была гнедая кобыла Муха, но разве ее сравнишь с этим тонконогим, подтянутым, словно на картинке, пятнистым жеребцом. Каждый вечер Юрка клал на подушку валенки, накрывал их одеялом и смывался к завхозу. За пачку папирос старик впускал его в сарай

к жеребцу. Юрка протягивал ему на ладони корочки, моченные в молоке, сахар, но конь ничего не брал. Сгибал и, словно пружиной, зло выбрасывал передние ноги, мотал головой, завернув губу, скалил широкие желтые зубы. Юрка не унимался. В этот раз он принес пирожок с ливером, ими был отмечен в детдоме праздник — День конституции. Но жеребец фыркнул и, свесив с губы стеклянную нитку слюны, отвернул круглые с красным отливом глаза.

Юрка уже собрался уходить, но заметил нацеплявшиеся в хвост коня шишки репейника.

— Сейчас я тебе помогу, — ласково приговаривал он. — Тише, дружок, тише...

И только взялся за жесткий, как из проволоки, волос, задняя нога молнией проскочила между землей и Юркой. Слабо охнув, мальчишка упал.

Завхоз уже привык к Юркиным визитам и, выкурив папиросу, закемарил. Вскочил он от громких мужских голосов. В каморку зашли директор с инспектором.

— Сейчас я тебе покажу своего жеребца. Это же не человек, это же огонь. Красивый, собака.

Завхоз глянул на часы. Слава богу, полночь. Юрки уже нету. Он засветил лампу и первым вошел в сарай.

Юрка, согнувшись и от этого казавшийся совсем крошечным, лежал в темной луже. Первым делом завхоз хотел бросить на него охапку сена, и все сойдет, не заметят, под градусом ведь, но из-за плеча протянулась рука и взяла лампу.

— А это что? — инспектор показал ногой.

Директор молча нагнулся, повернул к свету Юркино лицо.

— Да наш это. Иваныч, как он сюда попал?

— Кто его знает, спросите у него, — завхоз недоуменно пожал плечами.

— Я у тебя спрашиваю! — закричал директор.

— Да соснул я немного, а он и пролез.

— Соснул... Что теперь с ним делать? Какого черта он сюда лез? — директор посмотрел на инспектора.

— А он у вас того, воровством не баловался? Может, угнать хотел.

— Пойми теперь, чего он хотел. Иваныч, беги за врачом, — директор поблуднел, лицо его в тусклом свете стало страшным, лоб покрылся тяжелыми, словно выросшими навсегда каплями пота. Он прислонился к стенке и вдруг задрожал весь, закричал, глядя на Юрку, но рукой тыкая в сторону инспектора: — Что ты стоишь, как чурка! Чего выпучил глаза? Неси его. В медкабинет. Не могу я, видишь?

А в корпусе пацаны уже беспокоились. Заметив, что к сараю прошла медсестра, тоже выбежали на улицу...

В детдом из больницы Юрка вернулся через неделю. Он кашлял, говорил тихо, лицо медленно, с подбородка, потом — щеки, принимало естественный цвет, только лоб долго оставался синим. Этот случай Юрка старался не вспоминать; уже весной, перед экзаменами, когда мальчишки договаривались, кто кем будет, когда и где им встретиться после детдома, он сказал, что станет конюхом.

— Ты уже был им раз, — ухмыльнулся Васька Ноздря.

— Что ты понимаешь? — тихо сказал Юрка. — Сейчас бы мне того жеребца.

— Это точно, — поддержал Митька. — С кем поведешься, от того и наберешься, а он с кем водился...

— А ловко его потом Евгений Палыч выгнал, а? — И они вспоминали, как утром директор под недоумевающие взгляды всего персонала детдома вынес на крыльцо чемоданчик инспектора, сверху бросил его шубу и на весь день заперся в своем кабинете. Изредка доносился его глухой, переходящий в рык голос, должно быть, звонил в райцентр...

Тишина над кладбищем и вокруг. Процессия поднимается в гору, и музыканты спрятали обляннанные мундштуки в теплое нутро карманов. У могильщиков, наверное, опять перекур, не стучит их железо о стылую землю. Затаившаяся, как зверек, тишина.

До этого дремавшая на черемухе сорока вдруг запричитала, суетливо вспорхнула и понесла свое черно-белое тело в село. Надо и мне топать. Вытряхнул из валенок снег, перемотал портянки, но так и не стронулся, словно что-то еще не додумал, что-то еще не вспомнил...

Юрка Гуляев. После всех передраг он перебрался в райцентр. Был уже лучшим конюхом. Его жеребца с краевой выставки закупил даже Московский конезавод. Но не это. Нет...

Проводы зимы. Со всего района съезжались на них люди посмотреть бега Юркиных лошадей. Ах, что это были за бега! Бубенцы, ленты. Смех бубенцов и веселых наездников. Девчата в сарафанах. Какие у них вкусные блины!

Кругом цветистая кутерьма.

Тот раз Юркин Красавчик, чисто-белый жеребец, побил все рекорды. Первый раз вывел хозяин его на соревнование. И Красавчик не сплосал. Как он ходил! Замерзший Кан, где проводили праздник, он с такой силой бил копытами, что снежный покров раздавался, и голубые блестящие льда веером летели за санями, застревали в косистой гриве, и от этого конь был еще сказочнее.

Неожиданно внимание людей перешло с жереб-

ца на крутой берег, по которому на тормозах скользил новенький «Москвич».

— Да это же Митрофанов! — крикнул кто-то.

Вначале думали все, что Митрофанов пьяный залетел на откос, но когда он, чуть вывернув руль, боком съехал на утрамбованный людьми, лошадами и санями Кан, поняли — специально, покрасоваться. Он за большой намолот зерна получил талон на покупку машины. И вот неделю назад прикатил ее с базы.

«Москвич», виляя задом и выбрасывая колесами струи снега, с трудом выбирался на дорогу. Мужики и мальчишки подбежали к поблескивающей машине, вытолкнули ее.

Митрофанов в летнем костюмчике, кожаной кепке, как заправский водитель, лихо хлопнул дверкой и, улыбаясь во всю ширину своего узкого лица, пошел к Юрке.

— Ну что, посоревнуемся? — еще издали крикнул он.

Юрка, словно не слыша, достал из кармана очередной кусочек сахара, подал Красавчику. Шлепнув губами, тот взял его с ладони и, не поворачивая головы, скосил взгляд на Митрофанова. Тогда обернулся и Юрка.

— Я говорю, посоревнуемся?

— Не получится. Глупо это.

— Чего глупого? — Митрофанов оглянулся на стоящих сзади мужиков. — Боишься, так и скажи. Двадцатый век, век скорости. Капут скоро твоим кобылам.

— Не бойся, жили и жить будут.

— Ага, в музеях или зверинцах. На смену вот что пришло, — Митрофанов ткнул в сторону «Москвича», — и давно уже. Сто двадцать км в час. Шестнадцать лошадиных сил. Табун...

— Табун, говоришь? А табунни, кто весной огороды пахал, — Юрка и не хотел, но как-то само получилось, что он ввязался в этот нелепый бестолковый спор.

— Хе-хе-хе, — хохотнул Митрофанов. — Это пережитки, консерватизм. Пройдет года три, и все. Вот ты, Семен, — он кивнул стоящему сзади остроносому, как птица, мужику, — сколько кулей накопал?

— Да накопал, — неуверенно, смахнув с дюбки настывшую каплю, буркнул Семен.

— Тридцать же, ты говорил.

— Ну.

— А ты, Петр Василыч, чего морщишься? Тебе то не я пахал, не трактор. Да ты ведь кое-как двадцать мешочков наскреб... Эх, деревня, пока дойдет.

До сих пор не пойму, что меня в ту минуту дернуло. То ли обидные слова Митрофанова, то ли хотелось как-то доказать этому самоуверенному

красавцу, что кони это тоже кое-что, хотя втайне и машины нам нравились. Я подбежал к Юрке, за мной потянулись мальчишки.

— Юр, попробуй. У него ничего не получится. Вот увидишь.

— Ты о чем? — Юрка удивленно посмотрел.

— Да гонки. Дорога-то узенькая, с поворотами, гладкая. Он юзить будет.

— Бросьте, робя.

— А чего он хвастается. Подумаешь...

— Дурак, вот и хвастается.

— Юр, да ты обгонишь его, — поддержал меня Саня Соломка. — А хошь, мы ему заднее колесо проколем.

— Это ты брось, по-честному надо.

Мы почувствовали, что Юрка сдается, и уже наперебой стали уговаривать.

— Ну давай, — тихо сказал он и погладил Красавчика по шее.

— Спорим на бутылку, да? — радостно сказал Митрофанов и протянул руку.

Руки Юрка не взял, но головой кивнул. Он подтянул влажную от пота подпругу, зачем-то отвязал с дуги колокольчик.

— Я готов.

— Тогда поперли, — уже из кабины сказал Митрофанов и резко взял с места.

«Москвич», крутанув плоским задом, на мгновение загородил Красавчику путь, но тут же выровнялся и резво побежал. Юрке спешить было некуда, впереди еще пять кругов. И точно, на повороте Митрофанов поздно вывернул руль, да и

скорость надо было чуть сбросить, «Москвич» вначале правым передним, потом всеми четырьмя влетел на целик, подняв холодное облако снега. И тут же мимо промелькнула увитая лентами кошевка. Митрофанов задним ходом опять вышел на круг и к следующему повороту, нагнав Юрку, нажал клаксон. Красавчик шарахнулся в сторону, а «Москвич», мигнув фарами, улетел далеко вперед.

— Ну, дружок, теперь надо показать, на что мы способны, — сквозь зубы сказал Юрка. Он легко прихлопнул вожжами раз, второй, третий — и жеребец, чуть оторвавшись от земли, почти не касаясь ее копытами, полетел.

Толпа зрителей загудела, мальчишки свистели, кричали, но Юрка ничего не замечал. Он чутко вслушивался в ритм хода и, только намечался сбой, легко прихлопывал вожжами, и Красавчик, взмывая почти невидимые ноги, на четвертом круге настиг «Москвича».

Митрофанов заметил это и, не сбавляя скорости, нервно заметался то вправо, то влево, но вперед не пропускал. И мне показалось тогда, что сейчас Юрка чуть привстанет — и послушные ему Красавчик и кошевка взлетят над «Москвичом» и уже в воздухе, словно это их стихия, продолжат гонку.

Но Юрка сделал еще рискованнее. Он направил сани одним полозом в целик, а вторым пошел вприставку с машиной. Одно бы неверное движение, и меж соперниками, будто вольтова дуга, вспыхнул сноп искр. Юрка понимал, что сейчас он Красавчику ничем не поможет, и держал вожжи ровно,

чуть внатяжку. Несколько мгновений, растянувшихся на четверть круга, они неслись бок о бок. На повороте жеребец выскочил всеми четырьмя копытами на дорогу и буквально в метре перед носом «Москвича» вынес кошевку. Юрка слышал, как снежные лепешки шлепали по корпусу не отстающей машины. Он хотел вздрогнуть вожжами, но что-то остановило его руки.

— Ну, миленький, ну, дружок, — скрипнула зубами Юрка, вытянулся вперед, словно хотел уменьшить часть своего веса. Снежная пыль колко хлестанула по щекам, забила глаза, и он не заметил, как пересек финиш.

— Ура! — закричала толпа, и Юрка понял, что все, конец, он устало откинулся на спинку кошевки, опустил вожжи. Снег на лице оттаивал и, ручейками катясь за воротник, приятно холодило тело.

А ведь весна уже, подумал Юрка, скоро настоящие ручьи, а потом и лето. Скорей бы. Покупаться с лошадьми в реке, покормить их свежей травкой.

Красавчик, лениво переступая копытами, вздрагивал, стряхивая липкие хлопья пены. Подошел Митрофанов.

— Не повезло. Ну ничего, вот летом мы с тобой попробуем, — и он протянул бутылку. Но Юрка по-прежнему будто спал с открытыми глазами, был где-то далеко, смотрел в небо и ничего не слышал.

— На, бери. Я ведь проспорил, — Митрофанов положил бутылку Юрке на колени и побежал к «Москвичу».

Никогда Юрка не пил на бегах, и мы с удивлением смотрели, что он будет делать со своим выигрышем. А он улыбался чему-то, и лицо его было жалким и потеряннным, мне даже показалось, что он вот-вот заплачет. «Что с ним?» Он же выиграл! Надо радоваться, надо сказать Митрофанову, ну ты, мол, не суйся больше со своей железкой против живой красоты... И Юрка, словно услышав наши переживания, резко встал, ухватил бутылку за горлышко и задурил ее с такой силой, что она скрылась где-то на противоположном берегу.

И это было как праздничный выстрел, как беззвучный салют. Мы не выдержали и закричали:

— Ур-ра!

А Юрка гикнул, звонко хлопнул вожжами по бокам Красавчика, и тот чуть ли не с ходу взял в галоп и понес...

Где сани, где конь, не различить. Встало снежное облако и понеслось по большому кругу. Лошади словно передался буйный азарт наездника...

— Чего это он, как чокнутый, — буркнул кто-то, но, замороженный необыкновенным бегом, замолчал.

Сколько оборотов сделал Красавчик, не знаю,

не считал. Но хорошо помню, как охнула толпа и побежала к другому берегу.

Красавчик лежал на взрыхленном снегу, напряженно вытянув ноги. Будто тянулся в еще один, невероятно последний скачок. У горла шкура билась, словно дно у выпрямленного таза. Из чуть приоткрытого рта шла кровавая пена и тут же впитывалась снегом.

Не хотелось верить, что это жеребец, который всех покорило. Белое, короткошерстое тело Красавчика местами сливалось со снежными рытвинами. И можно подумать, что это ветер выдул такую причудливую фигуру. Но кровавое пятно у рта не назовешь осенним листком...

Юрка сидел в кошевке и, закрыв лицо посиневшими ладонями, что-то бормотал. Он понимал: случилось непоправимое.

Я хотел подойти к нему, но что сказать, о чем просить? Его страшное, словно обуглившееся от невидимого жара, лицо до сих пор не дает мне покою. Зачем мы уговаривали его, что доказали?..

Кто-то уже принес нож перерезать горло лошади, «не зря же пропадать скотине». Но Юрка вскочил, отобрал его и забросил далеко в снег. Все так же приговаривая что-то, он разогнал толпу. Сходил за другим конем. Погрузил Красавчика на сани. И увез.

Над горой, недалеко от кладбища, встал высокий столб дыма...

Вскоре Юрка снял с книжки деньги и купил мотоцикл. Иногда он предлагал нам прокатиться, но мы не решались садиться к нему. Носился он как оглашенный, словно все еще продолжал с кем-то, уже невидимым, свою гонку.

Бывали у Юрки мы теперь редко. Возможно, стыдился того, что недавно уговаривали его на это дурацкое соревнование, а скорее всего боялись, что он нас упрекнет в этом, и мы с бездумной детской жестокостью порвем нашу дружбу. Того, что Юрка сейчас как никогда одинок, мы тогда не понимали и порой даже забывали махнуть ему рукой, когда он пролетал на мотоцикле, отчаянно сигналивая то ли нам, то ли просто от настроения.

Весна в наше таежное село ворвалась, как всегда, лихо, и, обрадовавшись теплу, мы совсем забыли о недавнем происшествии с Юркой. А перед майскими праздниками, съезжая с горы, он разбился. То ли тормоза отказали, то ли заюзило...

Громко и неожиданно заиграл оркестр. Я оглянулся. Процессия уже входила на кладбище. Солнце светило прямо в глаза, и я не мог разглядеть человеческих лиц. Темные силуэты переминались на месте, ждали, пока выйдет вперед кто-нибудь из родственников, чтобы провести к могиле.

«До свидания»,— сказал я Юрке и хотел отправляться, но кто-то окликнул.

— Слышь, мужик, спичек не найдется?

По снегу, стараясь попадать в промятые мной следы, шел один из могильщиков — Василий.

Я достал коробку, протянул.

— К родне заходил? — он кивнул на могилу.

— К другу, — ответил я.

— Молодой, наверно, — сказал он и, сощурившись, стал читать надпись. — И чего людям не живется? Вот я уже на пенсии, а меня еще и калачом не заманишь туда.

— Получилось у него так. Случай.

— Вот я и говорю: увидел случай, так и обойди его, не лезь.

— Не смог он обойти. А может, и не хотел.

— Ну посуди сам, что там есть, — могильщик кивнул в сторону бугорка. — Земля одна, да и та холодная. У меня вот внук растет, умнущий, шельма. Спрашивает как-то: «Ты, дед, могилы копаешь, а скажи, куда тепло человечье уходит?» Как, говорю, куда? Хоронят-то на третий день, человек всегда остыть успеет. «Я тебя не про то тепло спрашиваю, с которым живем. Они же там гниют, разлагаются, а это — реакция. Реакция всегда тепло выделяет...» Отмахнулся я, пошел спать, да не идет сон. Куда же тепло девается в самом деле? И ты знаешь, что подумал я: вот есть у океанов течения, значит, и у земли есть. Вот тепло от всех людей и пробивается там, собирается в океан подземный. Вот он и копится, пока не разгуляется... Через вулканы, может, и вылетает тепло человечье. И вообще земля греется. Или не так? — могильщик выжидательно посмотрел на меня.

— Откуда я знаю. Может, и так, — ответил я.

С тех пор утрами, когда вижу над горой столб дыма, встаю передо мной этот старик с вопросом. И в самом деле, а куда же девается тепло? Не вылетает же оно через звериную силу вулканов. А может, переходит в память, в энергию памяти... И опять вспоминаю Юрку и уже в который раз хочу понять, почему он тогда так сделал? Что его заставило пойти в этот губительный бег?

Не найти мне ответа, это я знаю точно. Не поддается душа человеческая расчету, потому что свою жизнь каждый для себя сам пишет.

Мишка, Яшка и Дуняшка

Завидным долголетием обладают герои приключенческой повести П. Бляхина «Красные дьяволята». Написанная в начале 20-х годов по горячим следам гражданской войны, повесть эта покорила сердца читателей пафосом революционной романтики, смелостью удачливых героев Мишки, Яшки и Дуняшки. Но особую популярность красным дьяволятам принес одноименный фильм, снятый в 1923 году режиссером И. Перестиани. Эта лента в течение двух десятилетий с неизменным успехом шла на экранах страны.

В 1943 году фильм озвучили специально для фронтовых кинопередвижек. А еще через четверть века по мотивам повести Бляхина заново была снята кинотрилогия о неуловимых мстителях.

Недавно на рекламных щитах Костромы снова появилось знакомое название. На этот раз Мишка, Яшка и Дуняшка предстали перед юными зрителями кукольного театра.

Костромичи знают Павла Андреевича Бляхина (1886—1961) не только как литератора. Член Коммунистической партии с 1903 года, он под именем Матвея Сафронова два предреволюционных года работал в костромском подполье, а после установления Советской власти возглавлял городской Совет рабочих и солдатских депутатов. Затем был избран секретарем Костромского губкома партии. В Костроме началась и литературная деятельность П. Бляхина. Здесь в 1920 году увидела свет его первая книга «Долой чертей, долой богов, долой монахов и попов». В Кремлевской библиотеке В. И. Ленина хранится эта книга. На ее титульном листе дарственная надпись: «Товарищу Ленину. Член IX съезда П. Бляхин. 30.03.20 г.»

В Костромском драмтеатре были поставлены его первые пьесы «Через победу к миру» и «Провозглашение коммуны». После успеха фильма «Красные дьяволята» П. Бляхин написал еще несколько сценариев («Большевик Мамед», «Иуда»). По ним были сняты кинокартины, но до популярности первого фильма им было далеко.

В 50-х годах П. Бляхин создает автобиографическую трилогию из времен первой русской революции 1905—1907 годов. В нее вошли повести «На рассвете», «Москва в огне» и «Дни мятежные».

В. ПАШИН

ЖЕНСКОЕ ЛИ ДЕЛО — ВОДИТЬ ТАНК?

Иван ЛЫЧАГИН

Лучше танка Т-34 не было от начала и до конца войны машины — это признавали и немецкие конструкторы. Приземист, небольших габаритов, с хорошей скоростью — он мог проходить где угодно. «Тридцатьчетверка» таранила вражеские машины, танки, дзоты, давила пушки.

Но водить его было нелегко. Мой однополчанин по 51-й гвардейской Фастовской бригаде свердловский слесарь-сборщик В. В. Костромин был на фронте механиком-водителем танка. Он говорил, что нагрузка на каждый рычаг танка Т-34 составляет 16 килограммов. Танк — боевая машина, не легковой автомобиль...

И все же во время Великой Отечественной войны за рычаги танков сажались и женщины, разумеется, не для романтики.

Дважды Герой Советского Союза маршал И. И. Якубовский в своих мемуарах пишет: «...Мужество мужчины — это, так сказать, явление обычное. Мужчикам, как говорят, положено быть такими. Но когда ты видишь, что в ряду мужественных никому ни слова упрёка не позволяет своим поведением сказать женщина, работающая на «мужской профессии», то это вдвойне, а вообще-то трудно измерить, во сколько крат превышает героизм человека. О нем говорят, что это — мужество особого порядка».

По некоторым данным, в войсках Красной Армии сугубо мужской специальностью механика-водителя владели четырнадцать женщин. Двух из них я знаю лично...

Комсомолка Мария Логунова работала электромонтером на свердловской фабрике «Уралобувь». Когда началась война, Мария неоднократно подавала заявления в райвоенкомат и райком комсомола с просьбой отправить ее в действующую армию. «Хочу бить врагов на танке», — писала она. Но ей отказывали. Наконец послали на курсы трактористов. В этом качестве она и попала на военный аэродром. Подвозила боеприпасы для самолетов, расчищала посадочные полосы.

Но трактор все-таки не танк.. Решила Мария написать письмо М. И. Калинин. Михаил Иванович собственноручно написал на ее заявление: «Не женское это дело — водить танк, но коли непреклонное Ваше стремление и воля — согласен!»

В учебном танковом полку на Урале Мария Ивановна успешно освоила программу и была направлена механиком-водителем в действующую армию. Участвовала в боях на Курской дуге, в освобождении Орла, а потом и Киева. Командир 56-й гвардейской танковой бригады, дважды Герой Советского Союза, гвардии генерал-лейтенант танковых войск З. К. Слюсаренко высоко оценил боевое мастерство танкистки М. Логуновой: «Машиной она управляла отлично, содержала ее всегда в образцовом порядке и в бою никогда не терялась. Слава о подвигах замечательного механика-водителя гвардии сержанта Марии Логуновой вскоре разнеслась по всему фронту. Девушку ставили в пример, ею гордились и, конечно, по возможности оберегали».

Но разве на войне уберечься... В бою под Киевом в сентябре 1943 года Мария была тяжело ранена. В госпитале ей ампутировали обе ноги: одну — ниже колена, другую — выше. Вместо ног стали протезы... Московский профессор В. М. Чаплин напутствовал свою нациентку: «Я не обещаю тебе легкую жизнь, Мария. Но ты пройдишь ее с честью, потому что ты мужественный человек».

От демобилизации она отказалась. Из полка писали: «Приезжай, ждем». Мария овладела новой специальностью — телеграфиста. А когда кто-нибудь из приезжавших не верил, что в полку есть «танковый Маресьев», Мария отбрасывала свой посошок, ловко взбиралась на танк, ныряла в башню и демонстрировала класс вождения грозной «тридцатьчетверки»...

После войны Мария Ивановна Логунова поселилась в городе Бровары под Киевом, где воевала и была ранена. Она почетный гражданин города, одна из улиц названа ее именем.

Екатерина Алексеевна Петлюк,

ныне заведующая одесским загсом, — участница боев за Сталинград, на Курской дуге и на Украине. Катя Петлюк была механиком-водителем танка Т-70 в 91-й отдельной гвардейской Фастовской танковой бригаде.

Недавно мне стало известно еще одно имя женщины механика-водителя танка. О ней рассказала ее однополчанка по 3-й гвардейской танковой армии Нина Павловна Моторина (девичья фамилия Девярых). С первых дней формирования в Свердловске 105-й танковой бригады Нина Девярых была медсестрой в одном из танковых батальонов. В бою за город Россошь в Воронежской области ранена. После госпиталя ее направили в учебный танковый полк, откуда она снова попала на фронт стрелком-радистом танка Т-34.

С маршевой ротой ехала Нина Девярых на 1-й Белорусский фронт. Еще в пути узнала, что в эшелоне едет со своим личным танком механик-водитель Мария Октябрьская. На фронте погиб ее муж, и она обратилась с письмом к И. В. Сталину, просила, чтобы ей разрешили приобрести на собственные сбереженные средства танк Т-34, овладеть специальностью механика-водителя и отправиться в действующую армию на своем танке.

Нина Девярых встретила Машу Октябрьскую в 26-й танковой бригаде. Это была 27-летняя женщина, невысокого роста, открытого, общительного нрава. Воевала она самоотверженно. Погибла на белорусской земле: ее «тридцатьчетверка» подорвалась на mine.

В Центральном музее Советских Вооруженных Сил хранится фотография этой женщины. В Смоленске, у Вечного огня, высечено ее имя: «Герой Советского Союза старший сержант Мария Октябрьская». А танк ее стоит теперь на пьедестале. И та же надпись на нем, как в дни войны — «Боевая подруга»...

Роман
РУГИН

НА БЕРЕГУ ХАРАСАВЭЯ

Здесь ветры,
Словно коршуны,
Со свистом
На жертву
Камнем
Падают с высот.
И волны в океане серебристом
О берег бьют
И бьют о небосвод.
А ветры вновь бросаются на волны,
Но волны убегают каждый раз.
— О, волны, волны! —
Я кричу невольно, —
Неистовству мы учимся у вас!
Вы, как белухи,
Мощными хвостами
У берега вздымаете прибой,
И брызги разлетаются над вами
Сверкающей холодной чешуей.
А позже вы солеными губами
Прибрежный нежно лижете песок.
И вдруг сравнитесь с ярыми волками,
Оленье стадо сбить пытаясь с ног.
О, как люблю я, волны, вас послушать,
Когда под солнцем весь Харасавэй:
Вы свежестью наполнили мне душу
И сердце —
Звучной песнею своей.
На ваших лбах,
Как будто ягель,
Белых
Не только мощь безмерная видна.
Я знаю, нужно тут упорство смелых,
Когда пряма дорога и честна!
И здесь, на полуострове Ямале,
Что вытянут медвежьей головой,
Хочу, чтоб люди шапки снимали
Перед стихией вашей штормовой.
А разговор ваш слушает со мною
Друг-буровик,
Он крепок, словно лось.
Он устоял пред бурей ледяною,
Когда сразиться с нею довелось.
Вы нравитесь ему... Он мой ровесник...
Вам, волны-птицы, руку подаю.
Пусть в голос ваш мои вольются песни,
А ваши —
В песню новую мою.

Перевел с хантыйского
Лев Сорокин

Роман Прокопьевич Ругин родился в 1939 году в поселке Питляр Тюменской области. Окончил педагогический институт и Высшую партийную школу. Живет и работает в Салехарде.

Опубликовал несколько сборников стихов и рассказов.

КОГДА

Николай
ДЕНИСОВ

ПОД ЮЖНЫМ КРЕСТОМ

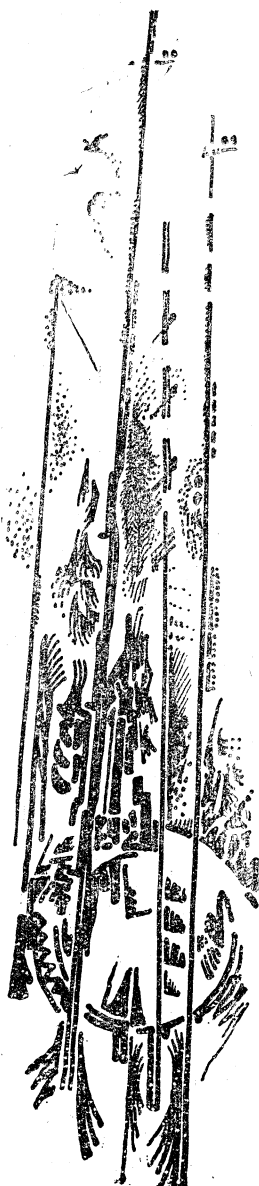
Южный Крест. И луна в полнеба.
Воды Индии. Дух парной.
Притерпелся и здесь.
Но мне бы
Хоть на ночку да в край родной.
Пешагал бы легко и ходко
Через Персию — на Баку,
Где поэты писали вот как:
«Луны плавают на боку...»
Вот и солнце прошло по кругу,
И желанной родной причал,
И жена прокляла разлуку:
Столько писем наполучал!
Пятый месяц по жарким весям,
То ль хвалить,
то ль хулить судьбу?
На своем испытал горбу,
Сколько Крест этот Южный весит...

ВСТРЕЧА

Сели ласточки на леера,
Притомились и рады опоре.
Сотни миль — ни стрехи, ни двора,
Только Южно-Китайское море.
И притих наш бывалый народ:
Пусть, мол, сил набирается стая!
Ведь на что уж силен теплоход,
А дрожит, против волн выгребая.
И припомнил я — детство, поля,
Наших ласточек в небе тревожном.
Вот где свиделись!
Это же я!
Неужели узнать невозможно?

В МАЛАКСКОМ ПРОЛИВЕ

Сколько мирных лодчонок и яхт!
Предлагают кокосы, бататы...
Говорят, будто в этих краях
Могут встретиться и пираты.
Говорят, что у них катера,
Чуть не лодки подводные даже!
Говорят, что они мастера
Неожиданного абордажа.
Это травит в курилке братва,
Ну а травля — веселое дело!
Мол, была бы цела голова
Да ждала бы прекрасная дева!
И подначки, и хохот до слез,
Будто вправду не жизнь, а малина!
Вот проплыл возле борта кокос...
Но кокос ли проплыл?
Может, мина?

ПРЯМА ДОРОГА И ЧЕСТНА

МАЛАЙЦЫ

Они грузили нам кокосы...
И вот кто где приткнулись, спят.
Горячей пыли свет белесый —
По спинам бронзовым до пят.
Лежат устало и помято,
Неприхотливы и волны.
А в общем — славные ребята
Самостоятельной страны.
Как будто братья на полянке,
Как пацаны российских мест.
Чуть-чуть неправильной огранки
Горит над ними Южный Крест.
Свистят тайфуны, зреют войны.
Подлодки рыщут в глубине.
Но как прекрасны и спокойны
Их лица детские во сне!..
Мы с ними общим делом жили
Недолгих семьдесят часов,
А помню всех: витые жилы
Да гул гортанных голосов!

ДЕЛЬФИНЫ

Справа по курсу
встречают дельфины, —
Диво, кого не спроси! —
Как субмарины, пронзают глубины,
Как бригантины — вблизи.
Знаю, мы издавна в мире и дружбе,
Вместе нам плыть-штормовать,
Ведь у Нептуна
на лоцманской службе
Вся их веселая рать.
Южная даль, штормовые широты,
Царство тропических див!
Крепко запомнит дельфинью работу
Тесный Малакский пролив.

Николай Васильевич Денисов родился в 1943 году в селе Окунево Бердюжского района Тюменской области. После окончания средней школы работал в совхозе разнорабочим, рыбаком Тобольского рыбозавода, окончил сельское профтехучилище, трудился трактористом.

Проходил службу в Военно-Морском Флоте. Заочно закончил Литературный институт им. Горького. Автор многих стихотворных сборников, книг повестей и рассказов. Член СП СССР. Лауреат премии Тюменского комсомола им. П. П. Ершова.

Предлагаемые стихи написаны Денисовым во время многомесячного заграничного плавания на торговом советском теплоходе в качестве третьего механика в 1984 году.

Помню и я, как в ненастные ночи,
Около малых глубин,
Сопровождал нас по-дружески
в Кочин

Опытный лоцман-дельфин.
Он проводил по фарватеру снава,
Как океан не шторми...
Если б вот так же
без умысла злого
Все было между людьми.

ПОПУГАЙ

Что за тварь!
Хоть из пушки пугай.
Говорит по-английски,
По-русски.
Попугай, он и есть попугай,
Но зачем же мешать
При погрузке!
Моряков отрывает от дел,
До команд капитана
Добрался.
Лучше б век в своих джунглях
Сидел,
Воспитаньем птенцов
Занимался!
Вира! Майна! —
В бомбейском порту.
«Вирра, вирра!» —
Он вторит, как эхо,
Как горошину катит во рту.
На борту толчея и потеха.
Ночью грянуло:
«Боцман — на бак!»
Встрепенулся от грозной
Побудки.
(Или вновь это попка-дурак?..)
Отплываем.
И — побокку шутки.

ОСТРОВ В ОКЕАНЕ

Берег, пальмы, песок,
Все на вечном приколе,
Да обломки досок —
Корабельные, что ли?
Кто здесь был — Магеллан
Иль сподвижники Кука?
Из прибрежных лиан —
Ни ответа, ни звука.
Нам бы тоже пристать! —
Собрались на спардеке.
Тишина, благодать,
Как в шестнадцатом веке.
Рай под каждым кустом!
Мы ж не видели рая:
Вот пронесся «Фантом»,
Мачты чуть не сбивая...

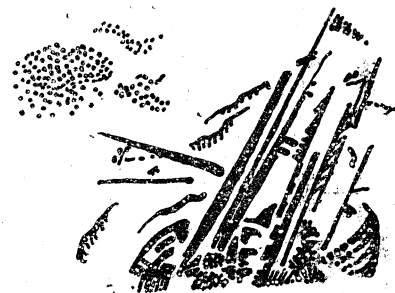
СНЫ

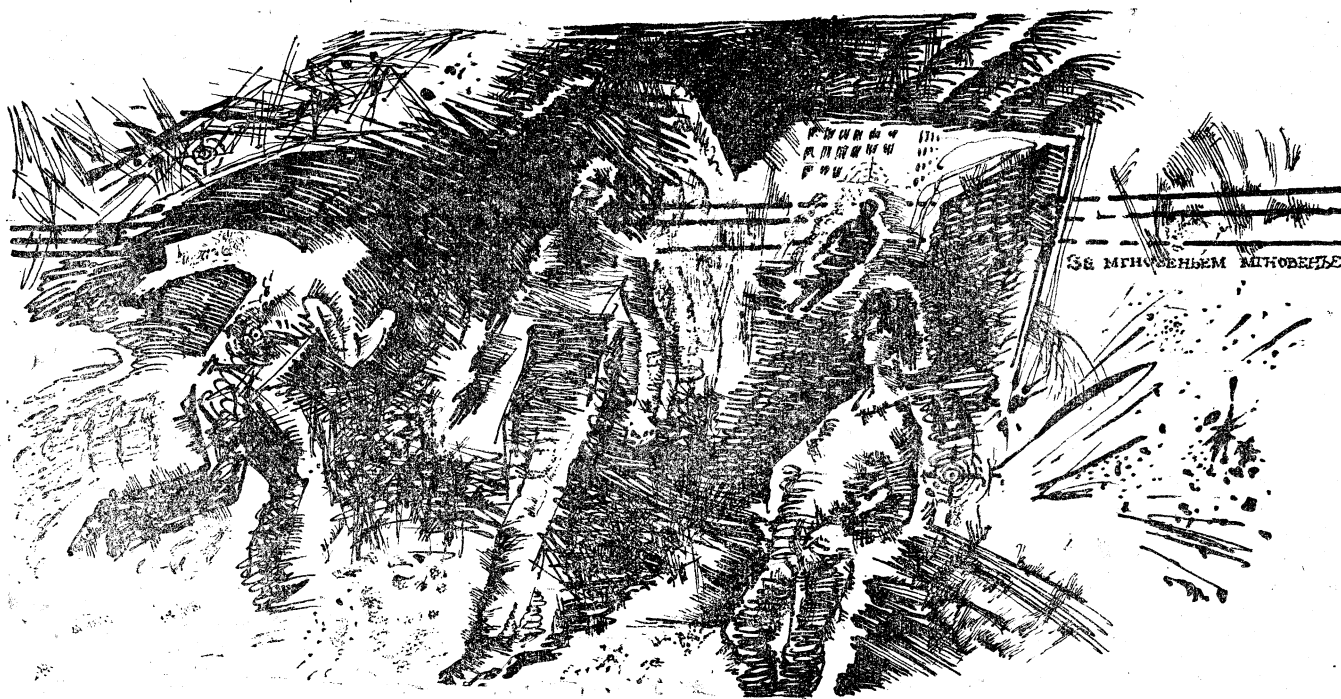
Ну а сны — все про родину, Русь!
Земляки там готовятся к встрече.
Так и будет — однажды вернусь
И на все их вопросы отвечу.
Как входили мы в город Рангун,
Где кокосы, как дыни. А травы!..
Расскажу, как трепал нас тайфун
Недалече от скал Окинавы.
Будут слушать меня, моряка,
Папиросы смоля по привычке:
— Что за остров такой Шри Ланка?
— Там мы брали немного водички...
— А экватор? Там вечно весна?
Там печет нестерпимо, слыхали...
— Да, форштевень почти докрасна
Накалялся... И рыбки летали!
И грустилось там, как никогда,
Но держали ажур и порядок.
Лишь морозно вскипала вода
От напора акул и касаток.
Да порою — а курс боевой! —
Заходили на нас бомбовозы...
Снился все же покой полевой
И трава, и березы, березы...

ВЕНЕЦ

Еще одна погрузка
И все — шабаш,
ито!
Встречай нас, остров Русский,
Качай Владивосток!
И курс последний —
прежний,
Привычный морякам:
Японским побережьем,
К сангарским маякам.
А там пройдем,
пробьемся,
Разлука так длинна!
Потом уж разберемся,
Что стоила она...

Рисунки В. Ганзина

ТЕНИ СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЫ

ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

С НЕБОЛЬШИМИ КОММЕНТАРИЯМИ И БЕЗ ЭПИЛОГА

«...любой поступок человека не пройдет бесследно...
Он отразится на нем самом, обязательно коснется людей,
которые рядом».

Из письма рядового Михаила Муллыва
своей бывшей учительнице

ПИСЬМА

От Михаила Муллыва — из армии:

«Здравствуйте, Валентина Амосовна!..

Расскажу немного о себе. Призвался я в армию через две недели после защиты дипломного проекта. Попал в войска ПВО. В ноябре отправили на Дальний Восток. И вот я здесь, в штабе части, в автомобильной службе. Недавно мне на День Советской Армии было присвоено звание сержанта.

Я хочу сказать ребятам, которые пришли после нас в техникум, чтобы они изучали все предметы одинаково хорошо. А то некоторые, наверное, думают: «Зачем мне экономика, автоперевозки, допуски и посадки?! Буду иметь

ЖИЛА-БЫЛА НА СВЕТЕ УЧИТЕЛЬНИЦА. ХОТЬ НАЗЫВАЛАСЬ ОНА ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ, ТАК КАК ПРЕПОДАВАЛА СВОЙ ПРЕДМЕТ В ТЕХНИКУМЕ, А НЕ В ШКОЛЕ, А ВСЕ РАВНО — УЧИТЕЛЬНИЦА. ПОТОМУ ЧТО НЕ ТОЛЬКО ДЕЛУ СВОЕМУ УЧИЛА, НО И ЖИЗНИ, ДОБРОЙ И СПРАВЕДЛИВОЙ. РАЗЪЕХАЛИСЬ БЫВШИЕ УЧЕНИКИ, КТО НА СТРОЙКУ, КТО В АРМИЮ, А КТО ОКАЗАЛСЯ ТАМ, ГДЕ И ДУМАТЬ НЕ ДУМАЛ ОКАЗАТЬСЯ (И НЕТ В ТОМ ВИНЫ УЧИТЕЛЬНИЦЫ, А ОДНА ТОЛЬКО ЕЕ БОЛЬ). ПИСЬМА ПИШУТ БЛИЗКОМУ ЧЕЛОВЕКУ. ЧАСТЬ ИЗ НИХ — ПИСЕМ-СУДЕБ, ПИСЕМ-ДРАМ — ПРИГЛАШАЕМ, С РАЗРЕШЕНИЯ АДРЕСАТА И АВТОРОВ, ПРОЧЕСТЬ ВМЕСТЕ С НАМИ ТЕБЯ, ЧИТАТЕЛЬ.

дело с машинками, а не с бумагами!» Все пригодится! Если, скажем, уставам и строевой в армии научат, то знать внутреннее устройство передвижных автомастерских и планировку военных автопарков должен сам. Эти знания мне очень помогли.

Ну, а пока я желаю ребятам жить полной и прекрасной, неповторимой, можно сказать, студенческой жизнью. Почаще быть вместе... Некоторые, может, и не поверят, но мне часто вспоминается наш техникум, наша группа, да, в общем, все, что было хорошего и плохого.

С приветом, Муллыев Михаил.

Р. С. Когда б скрижалю судьбы
мне вдруг подвластна стала,
Я все бы стер с нее и все б начал сначала,
Из мира я печаль изгнал бы навсегда,
Чтоб радость головой до неба доставала!»

От Алексея Н. — из колонии:

«Здравствуйте, Валентина Амосовна!»

Я несколько сменил свое местонахождение. Новый обратный адрес указан на конверте. Работаю я теперь в строительной бригаде и учусь в школе рабочей молодежи. Заставили меня все-таки закончить одиннадцатый класс. Большое спасибо Вам за справку, если б не она, меня бы зачислили в 9-й...

Можно ли будет после отбытия срока закончить техникум? Восстаноят ли меня, и если да, то на каких правах? Очень жду ответа. Приятно получать от Вас письма, чувствовать, что, хотя я наказан, меня не забывают. И главное, — не только родные, но и любимый классный руководитель...

Девушка, с которой я дружил в последнее время, постоянно мне пишет. От нее одной я получаю писем больше, чем от всех других, вместе взятых. Правда, прошло еще только 9 месяцев, а впереди еще очень много, но все равно я ей почему-то верю.

Валентина Амосовна, а еще у меня к Вам просьба: вышлите, пожалуйста, свою фотографию и, если есть, фотографии ребят из группы, — нашей любимой группы...

Да, чуть не забыл. Вы встречаете, наверное, в техникуме Васю Сурина. Узнайте у него, пожалуйста, адрес Сергея Сурина.

Всего доброго.

Алексей, Ваш бывший ученик,
так и не ставший автомехаником».

От Сергея Сурина — из колонии:

«Здравствуйте, уважаемая Валентина Амосовна!»

Вот уже полтора года как меня «изолировали от общества». Живу сейчас здесь, в колонии. Работаю в бригаде. Работа, конечно, нелегкая, связана с лесом, сколько прошло бревен через мои руки, даже подсчитать трудно, наверно, уже за второй миллион перевалило! Конечно, очень жаль прошлого, особенно то, что не закончил техникум.

Часто вспоминаю ребят из нашей группы, завидую им. Все сейчас уже механики, большинство, наверно, в армии. А мне приходится расплачиваться за один свой глупый поступок.

Жизнь здесь идет строго по распорядку. Режим, конечно, строгий, за малейшее нарушение — изолятор. Я пока держусь, нет еще ни одного нарушения, не знаю, как будет дальше...»

Они сидели в одной аудитории, слушали одних и тех же преподавателей, обучались одинаковым предметам, «балдели» на одних и тех же дискотеках, готовились к одной и той же профессии.

А жизнь распорядилась так, что дорожки вышли у них разные. Одни, их большинство, надели солдатскую форму и стали защитниками Родины, другие — всего несколько человек — натянули на себя арестантскую робу, оказались совсем в другой колонне, в другом строю.

«Жизнь распорядилась...» А жизнь ли? Не сами ли они причина того, что сложился их путь-дороженька так, а не этак? Не звучит ли это «жизнь распорядилась» столь же мелодраматически, как наколка на плече «нет счастья в жизни?»

Они знают, какие джинсы есть «фирма», а какие нет, какие ритмы в моде сегодня, какой преподаватель «зверь», а какой «свой», знают десятки других полезных и бесполезных вещей. Но в этом знании они, может быть, менее всего знают себя. Не отсюда ли — самоуверенность, громогласность, надменность в спорах, пренебрежение к опыту и авторитетам? «Сами знаем!» — чтобы самоутвердиться, ничего не свершив.

И подчас только взрыв, драма исторгнет из них нечто такое, чего в себе и не подозревали. И удивление, а то и отчаяние возникает в полупризнаниях: «Как?! И это произошло со мной?!»

Наступает момент, и жизнь открывает им себе их самих — истинных, подлинных, истовых, неисполненных.

От Саши Метелкина — из армии:

(Из учительской характеристики: «Учился легко. От скуки мог устроить на уроке «ералаш», похамить, вслух во время урока поговорить с молоденькими преподавательницами. За ребят стоял горой, помогал в учебе... По глупости искалечился, 3 месяца лежал неподвижно. Врачи обещали инвалидность и костыли... От костылей отказался, ушел в армию...»)

«Привет из солнечной Грузии!»

Здравствуйте, уважаемая Валентина Амосовна!

Получил от Вас письмо, большая радость. Сажу на дежурстве, на посту ВАИ, и пишу ответ. Начну с того, что в армию идти я не мечтал, но долг Родине, конечно, отдать необходимо. Вы спрашиваете, пригодилась ли начальная военная подготовка? Пригодилась строевая, и то только, когда... шагал по плацу вместе со всеми, и столько, сколько требовалось, чтобы каждый научился. Мне лично больше помогает то, что я жил в общежитии. Все-таки это огромное дело, ведь в общежитии учишься (сам того не понимая) различать людей не только по внешности, но и по внутреннему миру, по характеру. А знание людей, да хоть немного и жизни, больше нужны в армии. А то у нас, кто сидел дома, ходят затурканые, с вечно опущенной головой.

А я все-таки уже освоился, дали мне машину ЗИЛ-131, уже наездил по Кавказу 5000 километров, побывал в Армении, Азербайджане, а Грузию исколесил вдоль и поперек.

Ваш воин Саша».

От Рафика Якупова:

(Из учительской характеристики: «Сколько помню Рафаэля, он все старался: вначале старался догнать группу, потом старался не отстать... Все, о чем ни попросишь, выполнял безотказно».)

«...Пишет Вам лучший ученик вашей группы, думаете, кто, это я — Якупов Рафаэль З.

Побывал в самой южной точке ГДР, в старинном городе. В этом городе были все события, связанные с войной. Здесь было гестапо, я видел это здание. Жил гитлер с матерью, видел их особняк, для двоих «тесновато», я думаю. Скоро поедем в бывший концлагерь Бухенвальд, я вам подробно о нем напишу. Этот лагерь видно издалека, я видел и башню, где написано: «Каждому свое».

Жизнь и служба идут нормально, нарушений не имею — поведение отличное, если бы здесь, как в техникуме, ставили себе оценку за поведение, я бы смело ставил себе «пятерку».

Здоровье и настроение отличные.. Немного стараюсь говорить по-немецки... Есть тут хороший наряд — патруль по городу, многие на нас смотрят доброжелательно... Здесь много негров, японцев, те с нами чуть ли не целуются. Много туристов, видел туристов из Свердловска, от радости меня чуть столбняк не схватил. Завтра нашей части исполняется юбилей, она создана в годы войны. Наши праздники здесь проходят очень интересно...

С нетерпением жду вашего ответа.

С большим уважением к вам Рафик».

От Михаила Муллаева:

(Из учительской характеристики: «Аккуратный, скромный. Жил с отцом и тяжело больной матерью. Парень умный, знает цену деньгам. Надежный, учился ровно. Ни учеба, ни поведение за все четыре года забот не вызвали. Однажды в присутствии преподавательницы Э. К. я увидела его умным, обстоятельным письмом, на что Э. К. заметила: «Если бы ты знала, какие у него были сочинения!»)

«Адрес мой — постоянный, оставшийся год буду служить здесь. Работа, которой сейчас занимаюсь, мне нравится. Только вчера наша служба подготовила автомобильный взвод, который будет направлен на уборку урожая. Казалось бы, подготовить все к работе не составляет труда, но задача не простая. Пришлось собирать эти машины из автомобилей, отслуживших свой срок, чтобы не подрывать боевую готовность части...

Парням, сменившим нас на учебной скамье, желаю удачи при сдаче экзаменов...

То, что ребята шумные, по-моему, неплохо, главное, чтобы не зарывались и всега видели, где находится та критическая черта, которую не следует переступать. Когда я решаю что-нибудь очень важное в жизни, мне почему-то вспоминается всегда четверостишие узбекского поэта Ома-ра Хайяма:

За мгновеньем мгновенья — и жизнь промелькнет...

Как ее проведешь, так она и пройдет.

И еще:

Конечно, цель всего творенья — мы,
Источники знания и прозренья — мы,
Круг мироздания подобен перстню,
Алмаз в том перстне, без сомненья, — мы.

А смысл всех этих стихов, по-моему, в том, что любой поступок человека не пройдет бесследно. Если он не отразится на нем самом, то он обязательно коснется людей, которые находятся рядом.

Михаил».

Письма, приведенные выше, не нуждаются в особом комментарии. И все-таки позволим его себе.

Из колонии Алексей Н. напишет, что жил так, как большинство его сверстников. И добавит: в жизни чуть ли не каждого молодого человека можно найти уголовно наказуемый проступок: дерутся-де в его возрасте все и выпивают все.

Пожалуй, только чувством обиды и запальчивостью можно объяснить такое утверждение. Сказавший это и сам, должно быть, поймет, хотя бы в душе, что хватил через край.

Так-таки все?

Вот они ранним утром бегут веселой гурьбой к широкой парадной лестнице... Видели ли вы это одно из самых престижных на Урале, да, пожалуй, и в стране (попасть сюда стремятся отовсюду), учебных заведений? Всем своим обликом, обустройством, обещанием радостного учения и отдыха привлекает просторный дом. Уже само здание, построенное, к слову, еще в добрых традициях допанельной архитектуры, как бы говорит: вот вам все условия, учитесь, самоутверждайтесь! Мы попривыкли к этой фразе: «все условия». Жаль, что привыкли! Иначе каждый день свой начинали бы с озаренного удивления: неужели эти блестящие, насыщенные новой техникой и аппаратурой лаборатории, мастерские, эти умно и со вкусом оборудованные аудитории и залы, опыт, знания и квалификация живого многоликого коллектива преподавателей — все для нас? Для тех, кому по четырнадцать — восемнадцать, кто, по сути, еще ничего не сделал для себя и для других, кому пока еще дается на веру, в кредит все — от стипендии до общежития. Разбитные и застенчивые, очень способные и не очень, добродушные и сердитые, конопатые и белолицые — все без различия вы, переступившие порог этого дома, можете через четыре года вынести отсюда самое нужное для себя, для своей будущей жизни — образование, знания, диплом, а с ними одну из самых дефицитных в стране специальностей.

У всех — равные возможности. Все могут все.

Но, может быть, именно это и сбивает много с толку, вводит в сомнение? Как это — равные? А если мне во что бы то ни стало охота выделиться? А если я — особенный? Стушеваться среди прочих?..

К нашим, попавшим в беду ребятам, возможно, впрямую это и не относится. Но убеждение, что ты стал жертвой случая, что пьют и дерутся все, а не повезло тебе одному, — эта мысль не есть ли то же понимание себя как своей исключительности, особенности? Один, совершая ошибку, казнит себя за нее, другой утешается тем, что ошибки совершают все.

От Виталия Вахрушева:

«...Сегодня получили от вас письмо, за которое большое спасибо. У меня все нормально. Недавно ездил на юг ГДР, сопровождал колонну машин. Считайте, всю страну вдоль проехал. Заезжал в Потсдам, центр Европы — ничего, красивый город. Также проезжал по окрестности города Лейпцига, ездил и к морю... А самое главное — был на «Дружба». Ездили в немецкую школу, там выпускают комсомольских работников. Сначала были игры: волейбол, стрельба, теннис и т. д. Потом — ужины. Интересная картина была. Под конец была дискотека. Девушки у них все курят, как паровозы, дым столбом стоит, немцы курят Кое-как друг друга понимают, благодаря ей, хоть русский худо-бедно знает, а я ведь по-немецки и слова не знаю. Кстати, вроде не курящая, одна, правда, выкурила, наверно, показали, что она западная. В общем, девушка хорошая, простая, на мой взгляд... От них уехали в первую ночь, жалко было расставаться. На октябрьские праздники они должны к нам приехать... А служба идет своим чередом. Позавчера рота первый раз ходила в ка-раул...»

Город, где я служу, — небольшой. Недалеко от нас находится озеро, по величине с наш визовский пруд, даже, может, больше. А под ним был авиационный завод, на нем немцы во время войны выпускали самолеты «мессер-шимитты», в конце войны они его затопили... В общем, здесь истории хватает. Новый год встречали по московскому времени, покупали печенье, варенье и т. д.

Скоро будет ночное вождение по городу. Иногда выезжаем на работы в колхоз с немцами. В последний раз они даже нас покормили. Они, оказывается, за рабочий день раз по 5 едят. Нас накормили вторым завтраком своим. Есть, конечно, у них в тарелке для нас кечего. Сами едят без хлеба, для нас только специально положили. Дали ножи с вилками. Мы, конечно, поели потихоньку, стеснясь...

На этом у меня все. Передавайте привет преподавательскому составу. До свидания. Жду ответа!

Виталий».

От Виктора Василькова:

«...Пишет Вам матрос Черноморского флота Васильков Виктор».

Служить я попал по специальности, которой обучался в морской школе. Сейчас уже стою на вахте. Служба у меня хоть и трудновата, но интересная. Команда у нас небольшая. Ребята дружные... Я когда сюда пришел, меня удивляло, что тут у ребят стихов много. У каждого блок-нот записан, а то и два.

Вот хочу написать одно стихотворение для ребят группы, которую Вы сейчас ведете.

БУДЬ МУЖЧИНОЙ!

Чтоб стать мужичиной, мало им родиться,
Чтоб стать железом, мало быть рудой.
Ты должен переплавиться, разойтись
И, как руда, позергтовать собой.
Какие б бури твою душу не хлестнули,
Ты крепко стой и все сумеи принять,
От поцелуя женского до пули,
И научись в бою не отступать.
Презренье к смерти тоже ведь оружие,
И ты его однажды примени.
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в века они.

Я сейчас командир отряда. Должность эту занимаю внятно. Вначале было трудновато. Вернее сказать, непривычно. Раньше сам за себя отвечал, а сейчас еще и за других отвечать...

Сейчас приходится проводить занятия и тренировки по специальности. А чтобы их проводить, надо самому в первую очередь знать все до мелких подробностей. Вот я сейчас учу всю технику и аппаратуру. Теперь я понимаю, как трудно приходится преподавателям и учителям. Ладно, у меня в отделе не тридцать человек. Зная репутацию нашей группы, я могу представить, сколько нервов попортила наша группа преподавателям. Я бы ни на минуту не согласился, если бы даже и предложили, побывать на Вашем месте.

С уважением к Вам, Васильков Виктор».

От Алексея Н. — из колонии, преподавателю:

(Из учительской характеристики: «Очень способный; хорошо развито логическое мышление, память. Любит группу. Участвовал в КВН, олимпиадах, военноспортивных спартакиадах, писал стихи, пел, играл на гитаре... Везде я — лидер. В активе группы официально не значился. В школе изучал французский язык, в техникуме — немецкий. Один из лучших учащихся группы; занимался на «4» и «5»... Бабушка не замечала у внука недостатков. На замечания болезненно реагировала, считала их несправедливыми, обижалась».)

«Здравствуйте, Валентина Амосовна!

Вы как будто чувствуете, что интересует меня, и очень подробно обо всем пишете. Я бы тоже писал вам длинные письма, но вы понимаете, мы в разных условиях. У вас каждый день масса новостей, интересных встреч, разговоров, а у меня все они похожи один на другой, как две капли воды, поэтому и новостей никаких нет...

Часто вспоминаю наш техникум... и группу. Ведь это действительно редкий случай, чтобы такие прекрасные парни собрались в одну группу и так прекрасно поладили друг с другом и крепко подружались. Если все будет хорошо и сумею освободиться досрочно, то я с огромной радостью приду на вечер встречи, ну а к вам я зайду при первой же возможности.

...Все необходимое для любви у меня, наверно, было, но все это было очень глубоко скрыто и не проявлялось, потому что не было девчонки, которая пробудила бы все это во мне. Вот теперь она появилась. Это просто удивительно, как она походит на тот образ, который я для себя создавал в мыслях...
Привет всем нашим!

Алексей».

«Ваше письмо получил. Большое спасибо за фотографии. Я уже отвык от длинных волос, смотрю на фотографию и даже как-то непривычно видеть себя с такой прической. Здесь стригуся каждые три недели, так что голова постоянно без волос. А это даже лучше, и мыть легче, а вот когда учился в техникуме, постоянно из-за волос конфликты с преподавателем военной подготовки были.

...Да, вы правы, жизнь жестоко наказывает за вылитое. Ведь столько у нас в группе было разных недоразумений и тяжелых последствий из-за этих проклятых вьюшек. Если бы знать заранее, чем все это обернется, то не сидели бы теперь Сережа Сурин, Вася Трофимов, я, а Саша Метелкин не лежал бы в больнице. Но что теперь подделат, время назад уже не повернешь. За свои ошибки приходится расплачиваться самим, и порой очень дорогой ценой. Да, жизнь — штука очень серьезная, и мы, даже не вступив в нее как следует, уже познакомились с ее оборотной стороной. Пусть это будет уроком на будущее,

постоянным напоминанием, что за все в жизни надо платить, и игра часто не стоит свеч. Сейчас я это понял и стараюсь по возможности скорее отвязаться от мест лишения свободы. Вчера зачитывали приказ о поощрениях за III квартал, моя фамилия там тоже есть. Самое главное для меня теперь — это прожить как-нибудь эту зиму, а весна и лето все-таки идут быстрее и легче, и осенью меня могут отпустить на расконвойку возить зимой лес. Шоферов, говорят, здесь не так уж много, а права у меня находятся в деле, так что надежды есть. Благодарю судьбу за то, что хоть права в техникуме я успел получить, а то было бы совсем плохо. Ну, а если дело пойдет хорошо и у меня не будет нарушений, а я, конечно, всеми силами постараюсь их не получить, то, когда у меня пройдет половина срока, буду иметь право уйти в колонию-поселение, а это уже наполовину свободный.

Вы в том письме спрашиваете, как у меня успехи в школе, а я забыл вам ответить. В школе получаю, в основном, отличные оценки, четверок мало, других оценок вообще нет.

Алексей».

«Школу закончил без троек, а девушка моя вышла замуж.

Алексей».

«...Вы думаете, что я прощу свою девушку, но ведь я ее в общем-то и не виню ни в чем. Вот только кто мне теперь сможет вернуть веру в то, что вообще существуют девчонки, которым можно верить? Вы говорите, что я менял их каждый год. Да, и даже не по разу, но поверьте, ни разу инициатива разбега не принадлежала мне. Все это заставило меня утратить веру в то, что существуют девушки, у которых есть что-то святое. Своими частыми уходами они и у меня выработали какой-то иммунитет к этому, и я с каждым разом переживал все меньше и меньше. Может быть, вы забыли наш с вами разговор в трамвае? Тогда, в трамвае, я вам сказал, что боюсь за самого себя, потому что, видимо, уже не способен на какое-то глубокое чувство, но буквально через какой-то месяц с небольшим случай свел меня с этой девчонкой, хотя я знал ее, сколько себя помню. И вот тут-то я действительно понял, что такое любовь. Понимаете, я верил ей, как самому себе, я спорил один против всех везде: в техникуме, в КПЗ, в тюрьме и здесь, на зоне. Она для меня была не просто человеком, а чем-то гораздо большим, почти богиней, я чувствовал огромную радость только от одного ее вида... Так вот как я могу простить ее, если она убила не только любовь, она предала меня в самую тяжелую минуту, убила во мне веру в девчонок вообще, которую сама же когда-то воскресила. Вы извините, я тут разошелся, но для меня это самая волнующая тема. А как ваше мнение?..

Привет всем.

Алексей».

«...С отцом у нас ничего не произошло особенного, просто он всегда гордился своим словом, ну а на деле оказалось, что все его обещания остались только обещаниями, я в нем разочаровался и давно уже не пишу ему. А мать свою я не видел уже 8 или 10 лет, а та, что была на суде, — это жена отца, но не моя мать. С моей матерью они разошлись, когда мне было два года, и с тех пор я жил у бабушки. Сам себя пропащим я не считаю, но вот делать логические выводы по этому вопросу, честное слово, нет никакой охоты, слишком уж неприемлема эта система для моих жизненных принципов, но что делать, одному жизнь не перевернуть... Если бы вы только знали, как бывает порой тяжело...

Вот уже три года я не писал стихов, но вы пробудили во мне вдохновение, и теперь я отдаю вам на суд стихотворение, которое написано для вас. Пусть оно будет скромным подарком к прошедшему дню рождения и к празднику. Посвящается любимой учительнице.

...Готов написать для вас множество песен
И сотни стихов посвятить только вам,
Но как поступить, чтоб к глазам вашим милым
Не дать прикоснуться летящим годам...

До свидания.

Алексей».

Алексей Н. осужден по статье 206 за злостное хулиганство...

Случаются, обстоятельства складываются роковым образом, и нас бросает по их волнам, как щепку на воде. Но порой даже самые роковые обстоятельства оставляют возможность ВЫБОРА. И тогда только в нашей воле поступить так или этак.

«Самая лучшая группа» — вспоминают о своем классе авторы писем... Все тут странно. Если лучшие, то не много ли — трое осужденных на один класс? Если «самые лучшие», то не странно ли, что попал ты в беду, а тебе многие даже не пишут? Наконец, если действительно «лучшая», то почему ты не удержался на этом лучшем уровне, а поступил и поступил так, что магнитный потенциал хорошего не удержал тебя в поле своего притяжения, дал центробежным силам увлечь тебя на плохое?

Есть над чем подумать.

В том числе и над тем, как используем мы тяжкую, но и счастливую возможность выбора. Выбора поступка в сложных обстоятельствах.

От Сергея Сурина — из колонии:

«...Послезавтра мне исполнится 20 лет. Когда был на свободе, даже в мыслях не мог представить, что свое двадцатилетие встречу здесь. И вот пришлось.

Девушки мне не пишут. И сам я тоже никому из них не пишу. Кому я нужен, такой «бандит»? Ведь у меня впереди еще пять лет срока. Вообще-то на свободе я дружил с одной девчонкой. Но за месяц до того, как меня посадили, мы с ней расстались, поссорились из-за какого-то пустяка. Если бы я был на свободе, наверняка бы помирились. А сейчас она уже вышла замуж.

До свидания.

Сергей».

«...Лес плынет по реке, а наша работа заключается в том, чтобы вытащить его из воды и заштабеловать.

...Посылки нам положены только по отбытии половины срока наказания, два раза в год. Первая посылка мне будет положена не скоро еще. А пока мне положены только бандероли, тоже две штуки в год, т. е. одна в шесть месяцев. Книги посылать в посылках и бандеролях нам не разрешают, только определенные продукты питания и вещи.

...У меня еще есть одна новость. Три недели назад, в прошлом месяце, ходил на свиданку. Приезжала мать с сестрой. Встретились хорошо, поговорили обо всем. С отцом у меня все хуже и хуже. Увядает потихоньку...

Все переживает, что я здесь нахожусь... Порассказали мне, какая сейчас жизнь на свободе... Вышла Продовольственная программа...

У нас вчера все утро шел снег. Я первый раз в жизни видел снег в шоне.

На этом кончаю свое письмо.

Сергей».

«Пишу с нового местопребывания. С 20 ноября нахожусь на колонии поселения. Вывели за хорошее поведение, в общем, повезло мне — после одной трети отбытого срока вывели на поселение. Здесь жить, конечно, намного лучше, чем в зоне, все-таки немного чувствуешь себя вольным человеком. Поселок наш находится в восьмидесяти километрах от районного центра.

Кругом глухая тайга.

Работаю вальщиком.

Месяц учился, а с начала этого месяца валю самостоятельно. Правду сказать, получается неважно, еще не могу напилить нормы. Одежду здесь носим вольную, кто что хочет. С первого января запретили выдавать на руки заработанные деньги... Каждый месяц привозят автолавку, посылки разрешают получать в любом количестве. Сейчас сюда есть дорога — зимник, но ней ходят лесовозы, а летом, говорят, только вертолет прилетает два раза в месяц, кругом болота непроходимые. Нисколько не жалко, что сюда попал, время идет быстро. Работать, конечно, приходится много, но к этому я уже привык. Уже забыл, что такое выходной.

Скоро ребята из нашей группы уже начнут приходить из армии, завидую им. А мне еще сидеть четыре года, душа болит — так хочется домой (как в песне).

До свидания.

Сергей».

Их развело по разные стороны «демаркационной линии жизни». Товарищ Случай — и есть тот разводящий, как считают иные... «Кабы не случай...»

Одни — на солнечной стороне, другие — где тень. Да, оперялись они в одном гнезде. Потому думы и письма их так часто летят, словно аисты, к одной согрешившей их некогда обители, на круги своя. Только эхо этого лета разное, в одних — ликующий зов, в других — боль подранков.

И таким, родным и желанным, стал для них, разных, оставленный берег, где маячит на причале вселюбящая и всепрощающая фигура любимого учителя...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В редакцию — от Алексея Н:

«Как я понял из вашего письма, наибольший интерес у вас вызывает вопрос, почему же так разнятся судьбы людей, находящихся в одинаковых условиях, и что приводит людей на скамью подсудимых. Однозначно на этот вопрос, конечно, не ответить, но давайте попробуем поразмышлять на моем примере. Жизнь моя была вполне обычной, и ничто не предвещало беды. Но одним прекрасным днем ко мне подошла моя племянница, рассказала, что командировочные рабочие обидели ее подругу, и попросила восстановить справедливость. Это стоило мне пяти лет лишения свободы. Что это — закономерность, логиче-

ское завершение моей неправильной жизни? Я так не считаю. Напротив, логики тут я абсолютно никакой не вижу. Тогда что же это? Видимо, роковая случайность, другого объяснения я не нахожу. Но тут есть свои тонкости. Случайность эта, если можно так сказать, была не совсем случайной. Как уже говорил, жил я, как и большинство моих сверстников, т. е. курил, употреблял спиртное и никому не позволял ущемлять свою гордость и самолюбие. Естественно, неоднократно участвовал в разного рода драках...

Очень большую роль играет то, какую огласку получила драка и каковы ее последствия. Много преступлений совершается в нетрезвом состоянии, это один из важнейших факторов. А вообще-то, по этому поводу вот что могу вам сказать. Если взять и детально просмотреть жизнь любого молодого человека, то в 90 % случаев можно возбудить уголовное дело. Вот и вся причина резкого расхождения путей. Просто у одних преступление всплывает, а у других остается в тени, только и всего. Все очень просто. Только не подумайте, что это мнение возникло у меня потому, что я сам нахожусь здесь. Это не так. Я привык мыслить объективно и в результате долгих раздумий пришел к этому выводу. Пришел, проанализировав жизнь многочисленных своих знакомых...

До свидания, с уважением,

Алексей».

В редакцию — от Сергея Сурина:

«Здравствуйте!

Получил ваше письмо. С ответом немного задержался, думал, как ответить на ваш вопрос. Действительно, всех нас учат одинаково, а результаты почему-то бывают разные. За свой срок я здесь много повстречал людей, попавших сюда за разные преступления. Тех людей, что умышленно шли на совершение преступления, трезво оценивая будущее наказание, очень мало. В основном все преступления (90 %) совершаются в пьяном виде. Это первая и основная причина совершения преступления в настоящее время. Ну, а остальные причины, как мне кажется, зависят от обстоятельств, возраста. В каждом преступлении есть свои особенности. Хотя многие из них похожи и можно установить какую-то закономерность. Для примера возьму себя. Я попал сюда в 18 лет. Это такой возраст, когда хочется себя чем-то проявить, как-то выделиться среди сверстников. Это переживает каждый в свое время. В детстве я никогда не думал и не предполагал, что буду преступником, даже в мыслях такого не было. Мне казалось, что человек, получивший наказание, это уже не человек, а что-то вроде дикого зверя. И вот самому пришлось очутиться в этой шкуре.

Конечно, в какой-то мере мое преступление — это следствие одной нелепой случайности: не попади я на эти проводы в армию — ничего бы не было. Или позднее, когда я был уже в нетрезвом состоянии, я ушел провожать девчонку, и меня не позвали бы обратно, и если бы моему приятелю не разбили губу, и я не пошел бы за него отплатить...

Для того, чтобы все это вам объяснить, вам нужно знать мое преступление, мне не хочется его описывать, это длинная история...

Дома у меня, конечно, дела идут не лучшим образом. Мать живет одна с младшим братом, ему 15 лет.

А мне еще долго до освобождения.

До свидания.

Сергей».

Жили-были два подростка.

Одному посчастливилось расти в дружелюбной семье, у другого жизнь складывалась не гладко.

Отцу до сына не было дела, мать ушла из дома, мачеха не стала родной, единственно близкий человек — бабушка.

Волей случая оба оказались на скамье подсудимых.

На этом схожесть судеб исчерпывается. Даже отношение к тому, что случилось, неодинаковое.

Не родилась ли эта неодинаковость тогда, когда они, во многом разные, столкнулись с общим, «среднесдельным» подходом к себе воспитателей? Не станем гадать. И не для того, чтобы кого-то судить, а кого-то миловать, заметим здесь — в тысячный раз, наверное, — что в воспитании нарождающейся личности не может быть одинакового подхода к разным судьбам. Может быть, от этого одинакового подхода и получается, что разные люди совершают одинаковый проступок. Вспомним здесь об этом и для другого — чтобы спросить себя: раз одинаков проступок и одинаково наказание, то вроде бы естественно ожидать и сходной реакции? Увы! Один думает о том, что причинил боль и горе близким, себе поломал судьбу. Другой... должно быть, об этом тоже думает, но вспоминает и о том, например, что в деревне, где он жил, парни носили имя и номер... любимого канадского хоккеиста(!).

Конечно, всякому вольно выбирать для себя идеал по душе, кому мил хоккеист номер шестнадцать, кому — космонавт номер один... Но кто знает, может, уже в таком выборе обозначаются контуры дорог, которые мы выбираем в будущем?

«Дороги, которые выбираем...» Смысл этих слов переплелся с судьбами ребят. Все они обучались профессии, так или иначе связанной с дорогами. С теми, что ведут к хорошим целям — новым городам, неоткрытым краям, к зрелости и призыванию.

Можно было выбирать!

И, может быть, не было роковой неотвратимости в том, что кто-то из них выбрал не такую, не ту дорогу.

*«За мгновеньем мгновенье и жизнь промелькнет...
Пусть веселием это мгновенье блеснет!
Берегись, ибо жизнь — это сущность творенья,
Как ее проведешь, так она и пройдет».*

В конце стихотворения стоит точка.

Но, может быть, надо поставить здесь много-точие?

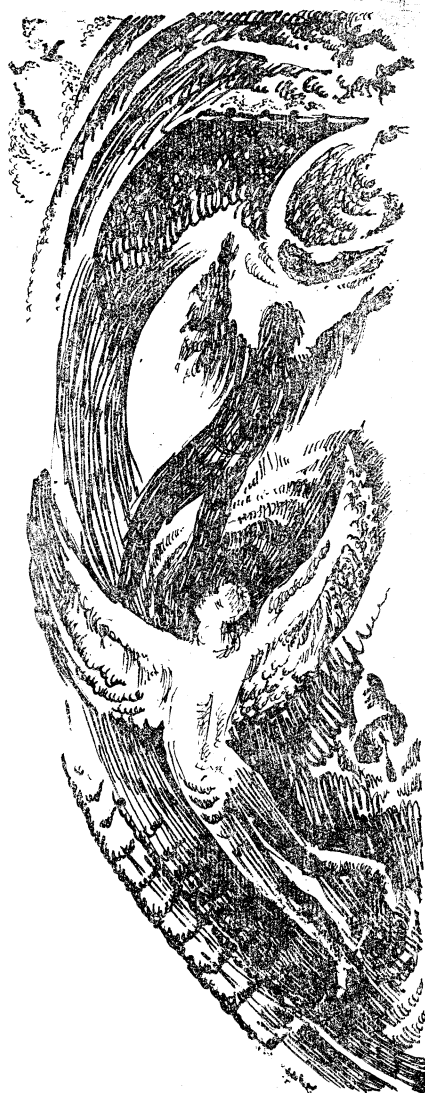
Ведь жизнь еще не кончилась.

И пока живешь — надеешься.

А надежды у всех людей одинаковые: на лучшее.

ПАРУСА

Письма подготовил и прокомментировал
Д. ЛИВШИЦ

«...Расскажите подробнее об отряде «Каравелла», о времени возникновения его, о ребятах и их делах.

А. РЯБКОВ (Челябинск)

Таких писем в редакцию приходит много. Мы выполняем просьбу наших читателей и рассказываем о «Каравелле» — вернее, сами воспитанники отряда рассказывают о себе. Тем более что к этому есть хороший повод: «Каравелле» нынче исполняется 25 лет.

И ШПАГИ «КАРАВЕЛЛЫ»

Рисунки В. Ганзина

Всякая история начинается с даты, зафиксированной в документе — в летописи, в статье, в письме ученого, в клинописи на гранитной таблице... Или в вахтенном журнале.

Но, конечно, несколько мальчишек и девчонок, собравшихся на чердаке деревянного дома 2 июля 1961 года и внесшие первую запись в предназначенной для этого конторской книге, не знали еще, что начинают писать свою историю... На фоне веков эта история — крошечная. Но для ребячьей организации четверть века — совсем не мало. Тем более что эти двадцать пять лет отряд «Каравелла» жил отнюдь не благополучной жизнью мирного дворового клуба.

Плавание пионерского кораблика, «построенного» на Уктусе, часто бывало бурным. Иногда главные силы приходилось тратить именно на «борьбу за плавучесть», то есть доказывать в ответ на заявления ретивых жалобщиков и блюстителей «педагогических норм», что «Каравелла» — это отряд, а не компания злоумышленников... Такова судьба многих ребячьих объединений, возникших без милостивой санкции педагогического начальства. Никто не сосчитает пошедших ко дну «Бригантин», «Романтиков», «Эврик», «Алых парусов», «Искателей» и других «корабликов», созданных мальчишками, девчонками и взрослыми энтузиастами с самыми лучшими намерениями...

«Каравелла» прошла через штормы, с пробоинами и дырами в парусах — но прошла! Правда, и сейчас ее иногда «забывают» приглашать на «круглые столы» и слеты, посвященные юнкорской работе; «не могут найти» адрес и телефон, когда приехавшие из других городов ребята и вожатые ищут «Каравеллу». Но это уже «выстрелы издали и ядра на излете»... Кто-то додумался даже до того, что каравелловцы «отказались от своих принципов, распустили отряд и демонстра-

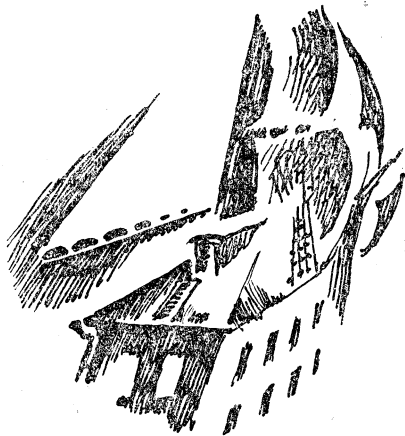
тивно сожгли в знак этого модель своего парусника»...

Этого никак не могло быть по трем причинам. Во-первых, жечь модель корабля не поднимется рука ни у кого, кто имеет отношение к парусному делу. Во-вторых, юные моряки и юнкоры «Каравеллы» — пресс-центра и парусной флотилии имени А. П. Гайдара — не так воспитаны, чтобы отказываться от своих принципов. В-третьих, самое главное, эти принципы — принципы пионерской и комсомольской организаций. А «Каравелла» все годы живет по законам пионерии и комсомола, всеми своими делами отстаивает и подтверждает их — и тогда, когда строит парусники для ребят; и тогда, когда выступает в журналах и газетах с публицистикой на школьные темы; и тогда, когда снимает в отрядной студии свои фильмы; и тогда, когда обнажает шпаги против серости, скуки, несправедливости.

В разных городах страны теми же делами заняты юнкоровские форпосты, пресс-центры и отряды, созданные по образу «Каравеллы». И в них, и в Артеке, и в «Орленке» поют придуманные в «Каравелле» песни: «Маленькие барабанщики», «Синий Краб», «В южных морях и у севера дальнего...».

И «Каравелла» живет! По-прежнему звенит она клинками. Юные рулевые выводят на воду свои яхты, где среди экипажей есть ребята из разных городов. Маленькие барабанщики играют сигналы тревог и сборов. Идет съемка фильма «Три мушкетера, или 20 лет спустя» (потому что именно 20 лет назад были сняты в «Каравелле» первые «Мушкетеры»). Юнкоры пишут статьи и репортажи и готовят к выпуску книгу «Барабанщики, вперед!». В ней ребята, нынешние и те, кто уже вырос, хотят поделиться опытом своей жизни.

Мы печатаем отрывки из этой книги.

ЧЕРДАК, ГДЕ БЫЛА „БАНДЕРИЛЬЯ„...

Ирина МЕЗЕНЦЕВА,
журналист, зав. отделом
коммунистического воспитания
«Учительской газеты»

Разве могли мы подумать, что через двадцать с лишним лет наш двухэтажный деревянный дом станет для кого-то историческим местом?..

Я приехала из Москвы и пришла сюда, в поселок Уктус на краю Свердловска, на улицу Прониной, навестить родственников. Ну, и, по правде говоря, вспомнить детство... Смотрю — у покосившихся зеленых ворот топчутся двое мальчишек. Небольшие, класса из четвертого: один смуглый и круглощекий, другой белокрысый и тоненький, на худой ше, на ремешке, болтается аппарат «Смена». Иду к каютке, а они на меня смотрят и будто чего-то ждут. Смуглый пацаненок спрашивает:

— Тетенька, а где здесь «Каравелла»?

Здрарсте... это я-то «тетенька»? Я, флагман «Каравеллы», которую ветераны отряда до сих пор зовут Иркой и Иринкой, которая здесь, на Уктусе, всегда чувствует себя девчонкой!.. А с другой стороны, куда денешься, если дома трое ребятшек, причем две дочки давно уже зачис-

лены в состав барабанщиков «Каравеллы»...

Вдохнула я:
— «Каравеллы» здесь нет, ребята... Давно уже. Она сейчас на улице Мира.

Тот, что с фотоаппаратом, помогал белокрысой головой:

— Да нет, это мы знаем. А нам чердак надо, где она начиналась. Ну, где «Бандерилья»... Мы в книжке «Чем крепче ветер...» читали. Это правда — что там написано?

Я завела их во двор, заросший травой и одуванчиками. Был август, краснели ягоды рябины. Когда-то мы сажали здесь тонкие рябинки, и Слава, будущий командор «Каравеллы», сажал — вон тот куст, против окна...

— А чердак — вот он...

Белокрысый фотограф деловито зашелкал «Сменой». Я спросила:

— А зачем это вам?

— В школе велели... Задание к сентябрю, по истории пионерии Урала.

Батюшки мои!.. Я почувствовала себя экспонатом в застекленной витрине...

Мальчишки умчались. А я смотрела, запрокинув голову, на нашу первую отрядную «кают-компанию» и «штурманскую рубку»... Скот железной крыши. Похожий на домок, вход на чердак. Оконце, из которого было видно далеко-далеко... Дом стоит на склоне поросших лесом Уктусских гор, недалеко от моста, у которого речка Патрушка впадает в Исеть. В шестьдесят первом году это была такая окраина!.. За Исетью еще не поднимались высокие кварталы, до самого горизонта голубели леса и, если немного постараться, можно было убедить себя и всех, кто рядом, что впереди раскинулось море.

Почему мы мечтали о море? Наверно, потому, что никогда его не видели. Нам его очень не хватало. И мы знали, мы твердо верили, что море — это приключения, тайны, открытия. А жизнь без приключений, тайн и открытий казалась нам совершенно бессмысленной.

Мне уже не раз приходилось писать об этом. О друзьях своего детства — Толике, Надьке, Олеге... О штурвале из велосипедного колеса, о корабельном колоколе из детского ведерка, о старой карте мира, украсившей стену рубки (сгибы карты были протерты насквозь, и она разваливалась на квадраты). И о голубой звезде, которая вставала над горизонтом за Исетью, и мы держали на нее курс.

Стихи тех лет помню до сих пор:

Иногда память детства

приходит ко мне

Среди северных гор и лесов:
Голубая звезда

в незамерзшем окне

И летящая тень парусов...

Стихи написал старший брат Олега — мы звали его Слава. Он в то лето окончил факультет журналистики, и мы часто бегали к газетному киоску на углу, чтобы купить «Вечерку», где под репортажами и очерками стояла подпись: «В. Крапивин».

Слава же придумал и название нашей чердачной бригадине — «Бандерилья». Бандерилья — это легкий дротик, который используют в корриде, бое матadors с быками. Испанское слово. Нам нравились звонкие испанские слова. В ту пору только что победила кубинская революция, по радио гремели речи молодого Фиделя, с газетных и журнальных снимков на нас смотрели отважные бородачи в беретках. «Патриа о муэрте!», «Венсеремос!», «Вива ла револуцион!», «Ню посаран!»...

Испанские названия, команды, лозунги так и остались в жизни отряда. Имя отряда мы по давней традиции до сих пор вышиваем на шевронах по-испански...

Но и это название, и вся история «Каравеллы» были впереди. А пока был только чердак и «вахтенный журнал бригадины «Бандерилья» — конторская книга, в которую записывались воображаемые приключения и плавания.

Слава придумал не только название нашему кораблю. Он помогал нам придумывать и жизнь этого корабля, жизнь его экипажа.

Каждый год в один и тот же день на мысу над Верх-Исетским озером выстраивается отрядная линейка. Гремит сигнальный колокол (не ведерко с цветочками, а настоящий, сверкающий и надраенный). Блестит золото шевронов и якорей на морских погончиках матросов и капитанов. Серебром отливают аксельбанты барабанщиков. Солнце сияет на боках высоких «суворовских» барабанов. Пламенем горят летние оранжевые рубашки.

— Внимание, на флаг... Флаг пошел!

И под раскатистую дробь взлетает под гафель базовой мачты ихлестанный ветрами заслуженный отрядный гюйс — голубой флаг с алой звездой в золотистой окаемке. А внизу, у пирса, трепещут белые крылья многочисленных яхт.

— Экипажи, внимание!.. — говорит

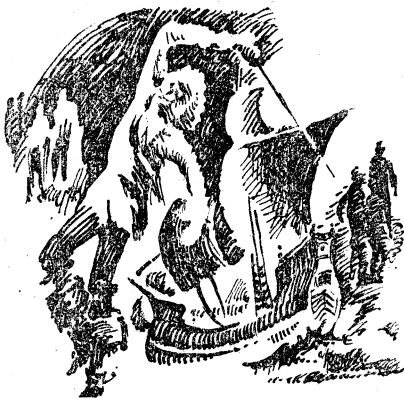
командор флотилии.— Давно-давно, в шестьдесят первом году, 2 июля, на чердаке двухэтажного уктусского дома группа ребят сделала в самодельном вахтенном журнале первую запись. Это было начало. Этот день мы считаем днем рождения нашего отряда.

...Когда мы готовились отметить двадцатилетие «Каравеллы», то «раскопали» в архиве старенький этот журнал, восстановили полустертые карандашные записи и весь текст отдельными главами, с продолжением, напечатали в отрядной стенгазете «Бейдевинд». А художник Евгений Иванович Пинаев — давний и верный друг «Каравеллы» — сделал иллюстрацию.

Вахтенный журнал «Бандерильи» — это целая повесть. Удивительные приключения юнги Джима, боцмана Боба Гарвея, штурмана Реда Вибара, матросов по имени Пепит и Боб Сухая Нога, хитрой обезьяны-капуцина, у которой не было имени... Все они, даже капуцин, отличались отвагой и всегда были готовы вступить в бой за справедливость. И вступали. Воевали со злой волшебницей по кличке Сгорбленная Колдунья, отправлялись в далекие и опасные плаванья, иногда теряли в жарких сражениях друзей.

Последний, очень жестокий бой произошёл на острове, где скала напоминала таинственное чудовище. Этот остров хранил какую-то тайну... Тайна осталась нераскрытой. Последняя запись сообщала, что уцелевшие мореплаватели готовятся к новому путешествию. Это путешествие мы будем вымывать уже не стали. Что-то изменилось в нашей компании, уже не хотелось просто сидеть и фантазировать... Но мы до сих пор вспоминаем героев первого вахтенного журнала, вспоминаем как давних товарищей по отряду.

И теперь мы знаем, какую тайну хранил наш фантастический остров: под скалой была зарыта большая стопа чистых вахтенных журналов, много десятков. Мы испишем их рассказами о настоящих, невыдуманных событиях из жизни наших экипажей. И, может быть, там же, под скалой, лежала старинная, запечатанная воском бутылка, в ней — свернутый в трубку пергамент с письмом-предсказанием. Добрый волшебник (или старый мудрый капитан) обещал нам в этом письме долгие годы плаваний, приключений и боевой интересной жизни...

КАК ЭТО НАЧИНАЕТСЯ

Я пришел в отряд недавно, и мне здесь все интересно. Когда нет у меня занятий, вахты или другого дела, я просто хожу и смотрю: кто чем занят и где какие морские экспонаты, фотографии, отрядные альбомы, картины...

Недавно я зашел в знаменную комнату (в ней хранятся наши знамена и стоят барабаны), там работала редакция еженедельной стенгазеты «Барабанчики». На столе, среди кучи бумаг, лежали две книги. Книжки новые и незнакомые. Одна называется «Несерьезные дети», другая — «Если бы я был учителем»; на обложке ребята в школьной форме нарисованы, летят по воздуху и хохочут. А писатель, который там указан, Н. Соломко, для меня незнакомый.

Сзади подошли ребята, заглянули через плечо:

— Ой, Наталья Соломко!.. Неужели это наша?

— Какая? — спрашиваю.

— Не помнишь, что ли?

Откуда мне помнить, я в отряде всего два месяца...

— Наш фильм «Остров сокровищ» видел? Так вот там эта самая Наташка пиратскую Бабушку играла...

— А! — вспомнил я. — Про нее еще кинохроника есть, да? Как она между яхтой и пирсом упала — брызги во весь экран...

— У нее куча рассказов в нашем альманахе «Синий краб» напечатана, — говорят ребята.

— В альманахе многие печатаются... — возразил кто-то. — А в то, что она настоящей писательницей станет, как-то не верилось. Тут сил много надо...

— Сил у нее много, — сказал я. — Вон как она в фильме на приступ крепости с лестницей бежала!

— При чем тут лестница?.. Мы про эти, про творческие силы...

В это время раздался веселый вопль. Мы кинулись к ребятам, сморщившим книгу «Несерьезные дети».

— Что, что вы там нашли?

— Во, смотрите — Алексей Усов и Сергей Языков!

— Это кто?

— Сергей инструктором в морской школе работает. Высокий такой...

— А говорили, он студент...

— Он заочный студент, в Литературном институте.

— Алексей тоже там учится, он прошлым летом на практику в «Уральский следопыт» приезжал, и женился.

— ...Это разве входит в практику?

— Да нет, это сверх программы.

— В классики выбивается народ, — сказал подошедший командор.

— Валю Чемезову на областном совещании молодых писателей хвалили, у Гали Цветковой — повесть в «Юности»...

— Старательный народ был... — как-то неопределенно сказал редактор «Барабанчиков». — А то бывают некоторые — ходят и ничего не делают...

Я начал быстренько продвигаться к двери. Эти трюки я знаю, сейчас редактор спросит: «Хочешь быть, как настоящий писатель?» — «Ну... вообще-то не против...» — начнет ничего не подозревающий новичок. И редактор, как опытный фехтовальщик при промахе противника, наносит укол: «Садись и пиши заметку в газету! Писатели с этого начинали! Давай, давай...»

Наверно, я слишком поспешно попятился, редактор меня заметил.

— Иди-ка сюда, Максим, — сказал он ласково.

...И вот я сижу над чистым листом бумаги. Нет, не совсем над чистым. Я уже сделал первый шаг в классики — написал заголовок заметки: «Как это начинается...»

Максим СЕДЫХ,
матрос яхты «Полюс»,
семиклассник

ЗДРАВСТВУЙТЕ, „ШТУРМАНЫ„!

Парус над морями не умрет —
Это я твержу сто раз подряд...
Далеко от всех морей живет
С парусным названием отряд.
Дом кирпичный ветры не
качают,

Но морская жизнь
не дремлет в нем
И всегда ребята там мечтают
Править настоящим кораблем.

Эти стихи написал юнкор отряда «Каравелла» Миша Выходец.

Да, мы живем вдали от большого моря. Но все же свое море у нас есть. Это широкое Верх-Исетское озеро на окраине Свердловска. Река Исеть соединяет его с другими озерами. Ветры над ними дуют крепкие, и волны бьют нешуточные. По этим озерам ходят уже много лет парусники отряда «Каравелла».

Чтобы ходить на кораблях, их сначала надо построить.

Осенью восемьдесят первого года мы решили строить сразу восемь «штурманов» — это яхты нашей собственной конструкции. Еще раньше, летом, мы построили за месяц и испытали самого первого «штурмана» — яхту «Экватор». А теперь взялись за целую флотилию и решили спустить ее на воду 18 мая — в день открытия XIX съезда комсомола и накануне 60-летия пионерии.

Инструкторы уговаривали ребят: — Для начала хватит и четыре, не справимся же... И фанеры мало... — Ничего, поспеем на полониках!

Инструкторы сдались. А что было делать? Решает-то общий сбор. Да и в самом деле яхт нужно много. Старые «крейсера» обветшали, экипажи растут, да еще на лето приезжают стажеры из других городов. К тому же у самих инструкторов тоже «чесались руки» — хоть и взрослые, а паруса любят не меньше: давно в «Каравелле», многие — с детства.

Сначала выпиливали детали, клеили их, потом стали закладывать яхты на стапеле. Делали по очереди, по жребью: командиры будущих судов тянули бумажки с названиями.

— Ура! Наш «Тропак» — следующий!.. — несolidно прыгает Тимка Губанов, один из рулевых.

— А когда же «Азимут»? — жалобно спрашивает Коля Боднар. — Последний, что ли?.. А если не хватит материала?

— Картоном обощем, — ехидно утешают более везучие экипажи.

Только самую первую, яхту мы закладывали без жребия. Это был «Пионер», мы назвали его так в честь главного детского журнала и в честь быстрогоходного «Пионера», который был флагманом нашей флотилии в начале семидесятых годов.

...Динь-дон! Динь-дон! — раздаётся звон корабельного колокола. Прыгая через корпус яхт, которые заняли все помещение, ребята бегут в наш маленький зал. Выстраиваются экипажи.

— Командирам судов проверить состав экипажей и доложить о готовности к работе! — требует вахтенный.

— В первой эскадре все!

— Во второй все!..

— Даже больше, чем все... Это что за фигура? — грозно вопрошает командор флотилии.

Он сегодня настроен сумрачно: во-первых, явно не хватает сурика для грунтовок судов; во-вторых, болит недавно сломанная нога — приходится прыгать со сколоченной здесь же клюшкой, изображать одноногого Сильвера. Это дает повод к остролюбию среди юных матросов и подшкиперов, некоторые предлагают сразу отпилить ногу, чтобы меньше было возни: «За чем тебе она? Ты же не ногой книжечки пишешь...» Авторитет писателя не спасает Владислава Крапивина от шуточек со стороны подчиненных.

Но сейчас, перед строем, командор есть командор. И «фигура», Матвей Пищальников, сияя невинными глазами, вытягивается в струнку:

— Явился добровольцем! Можно, я сегодня тоже поработаю?.. Ну, пожалуйста...

Когда строили «Экватор», Матвей екальвал каждый день и даже получил за это звание подшкипера.

— Мало тебе? — ворчит командор. — А кто уроки будет делать?

— Я уже! — заверяет Матвей и пробирается к верстаку. За ним просачиваются другие добровольцы.

На первый взгляд строительство яхт в «Каравелле» — это сплошной кавардак. Кто-то что-то тащит, приколачивает, устанавливает, кто-то сверлит, пилит... Кто-то мажет шпаклевкой шпангоуты и не забывает мазать себя. Звенит дисковая пила, воют дрели, шипят рубанки (в коридоре бригада Димы Стражникова строит мачты). Пахнет горячей олифой для пропитки фанерной обшивки.

— Кто дежурный по олифе?.. Дым уже идет!

— Кто мой молоток стащил?!

— Шурупы в обшивку, быстро! Не эти, а «пятерку»!

— Ура, братцы, «адмиралы» явились! Свежие силы!..

Это появились инструкторы. Ин-

женер Саша Больных бегом примчался после работы с завода. Шофер Игорь Тимофеев — из геологического треста. Журналист Сергей Казанцев — из редакции. Только Боря Грехов здесь уже давно, с утра: он работает в «Каравелле» педагогом-организатором.

— Эй, педагог-организатор, дрель давай, фанера не держится!

Боря не обижается на не очень «педагогичный» тон. Он в отряде с тринадцати лет, старше ребята помнят его еще «вот таким».

...Влетает вахтенный:

— Там опять соседка с третьего этажа звонит!

Соседка уверена: ребята собираются, чтобы безобразничать. Она уверяет, что они назвали ей отчаянно колотят по батарее отопления. На самом деле это невозможно хотя бы потому, что батарея завалена досками и деталями корпусов... Но соседку не убедить. За двадцать лет жизни «Каравелле» пришлось работать в разных помещениях, и обязательно находились такие соседки. И жаловались, жаловались...

Опять влетает вахтенный:

— Звонит мама Лариски Гостевских! Спрашивает, скоро ли домой придет!

Лариса придет не скоро. В тихом «корабельном» классе, где тренажер со штурвалом и компасом, якоря, корабельный прожектор, девочки шьют паруса.

Парусной бригадой командует Аножа Мясникова, но сейчас у нее сессия в университете, и работой руководит Лариса Коробицина, капитан эскадры «Агос».

Два наших юнкора, изображая настоящих (то есть ничего не понимающих в парусном деле) корреспондентов, пытаются взять у нее интервью:

— Скажите, пожалуйста, это очень трудно — шить паруса?

— Вы что, такие бестолковые, сами не знаете? Ах, для газеты...

Лариса, вздохнув, начинает объяснять, что сначала парус вычерчивают на полу, потом выкраивают множество деталей, потому что если парус сшить из одного полотна, он уродливо растянется. Потом детали надо правильно и аккуратно сшить, потому что если неаккуратно, то придется распаривать... Вот как сейчас, например... Потом надо искать в магазинах тесьму, кольца для люверсов, капроновый шнур. Потом ломается машинка... Потом...

Трах!

Все кидаются в зал. Это разлетелся на две половины в наборе очередной яхты продольный брус — стрингер.

— Опять... Ну и древесина! Из чего строим...

— А ты что, красное дерево захотел?

Стрингер надо склеивать — запасных нет. Морской отряд из Первоуральска «Алый парус» помог стройматериалами, но на «ломку» никто не рассчитывал. Обломок поднимают с кучи стружек. Из-под стружек ошалело выскакивает маленький вахтенный Сашка Брусницын, хватается веник и набрасывается на стружки, как ястреб на дылленка. У него свои заботы — вовремя убрать мусор. Недаром у нас говорят: «Половина работы — это уборка».

...Динь-дон! Сигнал.

— Стоп! Все выключить, всем тихо! Срочное сообщение!.. Звонили из журнала «Пионер», просят быстро подготовить коллективный материал на тему «Что такое творческий труд».

— У-у-у... А строить когда?

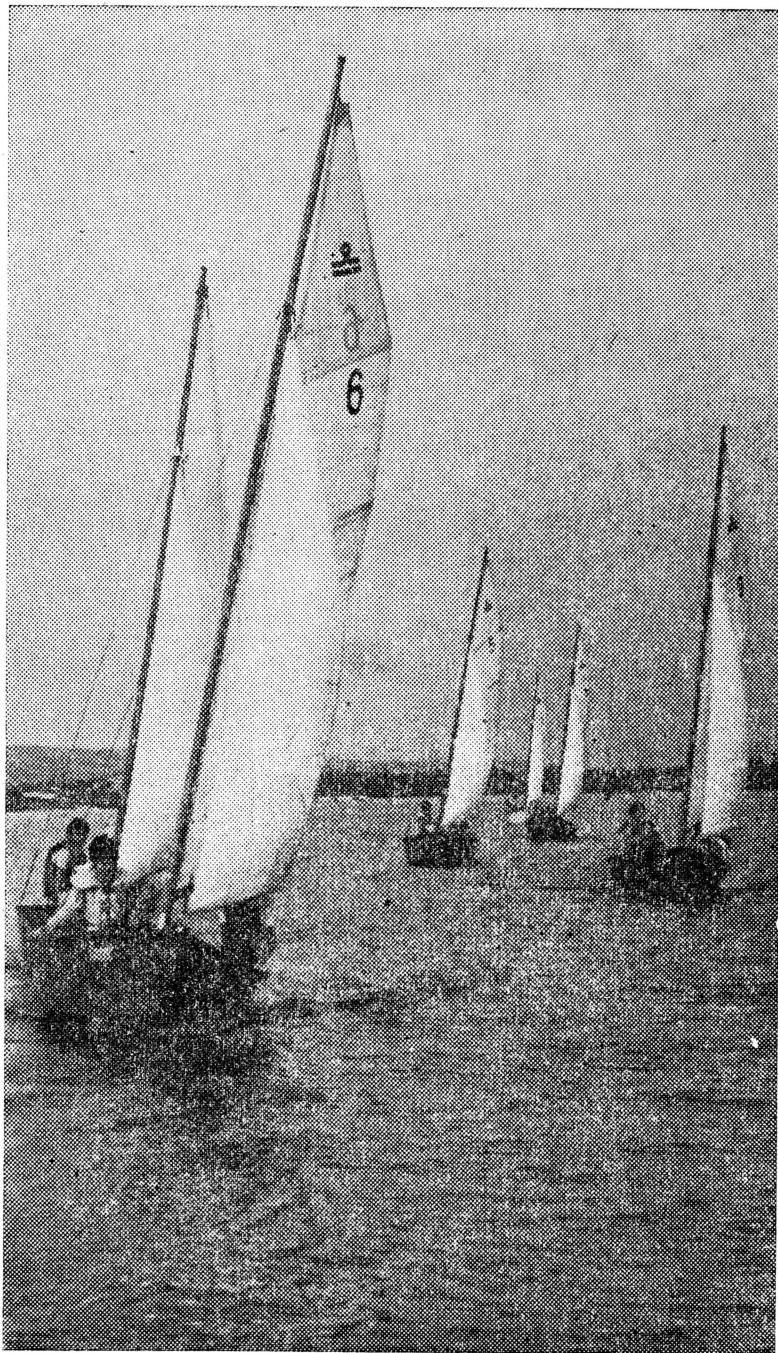
— А спать когда?

Экипажи поворачат и с завтрашнего дня возьмутся за юнкоровское задание. А пока снова включаются дрели, мелькают рубанки. И может быть всякое: заболит ангиной сразу весь экипаж, застрянут где-то обданные шефами доски, не окажется в магазинах нужной краски, сломаются во время фотосъемки для журнала аппараты, у кого-то потеряются листки с черновыми заметками... Но двух вещей не будет ни за что: срыва корреспондентского задания и задержек строительства. Материал уйдет в редакцию точно в срок, яхты встанут у пирса в назначенный день. Потому что так было с тех пор, как существует «Каравелла».

И опять стучат молотки, звенит пила, мелькают кисти с сурком. И вырастает на стапеле корпус еще одной яхты. Здравствуй, новорожденный «штурман»!

...А среди этого шума, суеты, споров, горячей работы, звонов «рынды», положив руки на эфес шпаги, строго и неподвижно стоит у мачты с отрядным флагом часовой. Флаг поднят, жизнь идет.

Рефертаж подготовила группа под руководством Жени Лезитина для рукописной книги, которая создавалась в «Артеке» в подарок XIX съезду комсомола

Флотилия в походе

НИЧЕГО СЕБЕ „ЛУЖА„!

Знакомые мальчишки говорили:
— На ВИЗе плаваешь? Подумаешь... лужа!

А взрослые вежливо спрашивали:
— Значит, ваша база на Верх-Исетском пруду?

Меня не столько «лужа» злила, сколько этот самый «пруд»... Если плотина — значит, обязательно прудом обзывать?! Так можно считать прудом, например, Рыбинское водохранилище...

Наше озеро, конечно, поменьше. Но чтобы узнать, пруд это или нет, надо пройти его несколько раз из конца в конец при хорошем-хорошем ветре.

Я вспоминаю свое первое плавание... Погода была ветреная. Наши яхточки — все девять — прыгали на волнах у пирса. «Ничего себе «лужа»...» — подумал я. Стало как-то не по себе, но я попытался внушить себе уверенность. И внушил. Но тут же вспомнил, что я на берегу, и уверенность как-то сразу поуменьшилась...

Ну, ладно, от пирса отошли нормально. Конечно, качало и слегка брызгало. Но скоро выскочили за Баран, и тут как-ак даст шквал!

Мы мчались сквозь гребни. Яхты чуть не ложились парусами на воду, но шли уверенно. Когда яхта взлетала носом на волну, нас окатывало с ног до головы.

Прошли по середине озера, между островами Плоский и Шабур, потом мимо Каменного и взяли курс на устье мимо полуострова Гамаюн.

И тут... увидели большие суда. Два старинных корабля!.. Они прикнулись к каменному берегу, и ветер трепал на мачтах подобранные к реям паруса и обрывки снастей.

Ничего не скажешь, большие парусники у берега придавали пейзажу совершенно морской вид. Да еще чайки носились над волнами, совсем как где-нибудь над Балтийским морем...

Потом мы узнали, что эти старинные корабли построены в Ленинграде для съемок фильма про Петра Первого, а к нам их привезли тоже для кино: Свердловская студия снимала фильм «Семен Дежнев».

...Если бы у нас не было похоже на море — кто бы стал снимать здесь кино про мореходов?

Гена ХОДЖАЕВ,
подшипкер «Каравеллы»,
барабанщик, шестиклассник

ВНИМАНИЕ, СЪЕМКА!..

Я пришел в отряд в сентябре 1979 года. Я тогда был еще третьеклассником, октябренок. В начале сентября мой брат Сашка (он был тогда в пятом) прибежал домой, надел какую-то незнакомую мне рубашку с якорями и сказал, что он пошел на базу.

Часов в одиннадцать утра я уже начал ждать его обратно, но его не было целый день. Часов в десять вечера мы с мамой пошли к мальчику, с которым Сашка ушел на эту самую базу, но того тоже не было дома. Его мама, однако, не волновалась. Она сказала, что ребята просто задержались на спортивной базе и что это бывает. А я подумал, что хорошо бы так жить: каждый день в десять вечера приходишь! Можно попасть в разные интересные приключения...

Наконец наш Санечка явился. С каким-то бородатым дядькой. Я подумал, что, видимо, братец и в самом деле «попал в приключение». Но я не угадал. Саня сказал, что это инструктор отряда Игорь. Мама спросила: почему Саня так поздно вернулся? Игорь объяснил, что сперва были парусные занятия, а потом совет отряда.

— Но мы всех провожаем по домам, если поздно, — добавила оп. — Особенно новичков...

Игорь попрощался и ушел, а Саня стал показывать на новой форме пуговицы и якоря. От этого у меня разыгрался азарт, и в следующий раз в отряд с Саней пошел и я. Меня приняли.

Через неделю мне предложили роль маленького барабанщика в от-

рядном фильме. Я согласился. С тех пор у меня появилось важное дело — репетиции.

Однажды отряд выступил с концертом на швейной фабрике. После выступления ко мне подошел Владислав Петрович Крапивин и сказал:

— Вова, хочешь быть настоящим барабанщиком?

— А как же! — сказал я.

Через неделю меня начали учить барабанным маршам, а барабан я получил на линейке.

...Я хочу рассказать, как мы тогда жили. Помещение было крошечное, подвальное, без окон. Да и то не наше. Нас пустил к себе детский клуб «Восток». Они к нам очень хорошо относились, помогали во всем, но работать было трудно: заниматься фехтованием негде, линейку выстроить невозможно, большую группу не собрать. Но ребята говорили, что все-таки теперь лучше, чем раньше, когда жили в комнате полуразвалившегося особняка на улице Добролюбова вместе с отрядом «Всадники». А до того времени у нас целый год вообще не было своего помещения. Да и отряда, можно сказать, не было — оставалась только небольшая группа барабанщиков. Она потом снова и собралась экипажи...

Я не раз слышал от старших ребят:

— Если бы не барабанщики, отряда больше бы не выдать...

Барабанов сперва не хватало. Потому что старые, когда отряд был распущен, передали другим отрядам или просто друзьям. Пришлось делать новые — для себя, а заодно и для других юнкоровских отрядов, с которыми мы дружили. Я тогда впервые увидел, как делают эти большие барабаны: как выгибают из фанеры цилиндры, надевают на них размоленную кожу, натягивают шнуры, которые называются по-морскому талрепы.

Цилиндры надо было красить, а краски в отряде не было. И денег тоже. Под рукой оказался только черный нитролак да немного синей эмали. Ну, вот мы и покрасили барабаны черным блестящим лаком. С никелированными ободами и золотистыми шнурами это выглядело совсем неплохо. И с нашей морской формой, с золотыми якорями и нашивками очень даже сочеталось. А на бока барабанов мы синей эмалью нанесли нашу морскую эмблему — веселого синего краба (про него у нас в отряде есть давняя песенка).

Старшие ребята про барабаны говорили:

— Ну, и ладно, что такие. Не для карнавала ведь!.. Пороховой цвет — самый подходящий.

...Эти ребята — барабанщики 1978 года — сейчас часто бывают в отряде. Паша Полюхов и Митя Кононов — студенты горного института, Паша Крапивин — студент университета. Инна Депутатова учится в педагогическом. Алеша Васильев в «Каравелле» так увлекся кораблями, что теперь учится в Ленинградском кораблестроительном институте (он приезжает к нам на каждую парусную практику). Теперь все они большие... Хорошо, что они оказались такие крепкие ребята. Хорошо, что отряд есть до сих пор...

В 1979 году снова начала работу отрядная киностудия. Сперва сняли сказку про говорящего лягушонка — «Вратаренок Чип». Но это был фильм так себе, пробный. Потом начали другой — по фантастической повести «В ночь большого прилива», но он оказался очень сложным, мы его отложили на долгое время и закончили только в 1984 году. А расставаться с темой про барабанщиков никому не хотелось, поэтому мы придумали новый сценарий, фильм-сказку «Жили-были барабанщики...». Хотя это и сказка, но посвятили его мы нашим ребятам, от которых недавно получили барабаны. Поэтому в начале фильма есть такой кадр — стоит мальчик со звездой в руке, а звезда освещает надпись: «Барабанщикам «Каравеллы», сохранившим и отстоявшим отряд в 1978 году».

Перед началом съемок Слава мне сказал:

— Вова, тебе, наверно, придется играть главную роль в фильме, роль Володьки, который попал в сказку.

«Ну, что ж, — подумал я, — если подожду на эту роль, то пожалуй ста». И согласился. Сначала мне казалось, что сниматься в кино будет легко и даже романтично.

Позже мое мнение о романтике изменилось. Например, когда мы ходили на яхтах в поход по Исети, на Макуш-Камень и ночевали в лесу, Слава разбудил меня в пять утра.

— Давай поднимайся, Вовка. Надо снять один эпизод на восходе солнца, так что вставай и пошли.

Что делать, пошли... А кругом холодная роса, колючки, да еще комары набросились, как я только выбрался из палатки. От многих я вскоре избавился, но часть, уцелевшая, так и сопровождала меня во время съемок...

По сценарию на этой скале меня должны были подстрелить. Решил я сыграть как можно лучше. Когда в меня выстрелили, я не просто упал, а сделал пару оборотов под горку, а дальше — обрыв метров двадцать. Слава бросил камеру и ухватил меня за пятки... Теперь он любит расска-

зывать этот случай и говорит, что было очень забавно. Но посмотрели бы вы на него тогда. Я, например, долго не решался...

А на обратном пути мы наступили на гнездо шмелей. Тоже было очень смешно...

Как получился фильм, мне сказать трудно, я к нему очень привык. Но кое-кто говорил, что, когда его показывали родителям, у некоторых мам были мокрые глаза. Но я не знаю, сам не видел. Кто очень интересуется, может прийти в отряд — мы эту кинокартину часто показываем гостям.

Володя ШАРДАКОВ,
капитан «Каравеллы»,
командир 3-й эскадры,
командир барабанщиков
в 1982—1984 годах

ВОТ МЫ И ВЫРОСЛИ...

Вместо эпилога

В барабанщики у нас берут тех, кто поменьше. Такая традиция. «Мальши» — надежный, крепкий народ. Хорошие в группе барабанщиков правила и законы. Только один закон грустный... Подросток — передай барабан тому, кто помладше.

Недавно пришлось подчиниться этому закону и мне. Что поделаешь, если уже семиклассник...

Передача барабана — это все торжественно и красиво, но, по правде говоря, невесело. Ведь у каждого барабанщика очень много связано со своим барабаном...

Когда-то и мне, как сейчас Антошке Богомолу, Наташе Ломоносовой, Толику Свечникову, вручили барабан. Черный, лакированный, с большим синим крабом на боку... В голове была одна мысль: «Неужели теперь и я барабанщик?! Неужели и я теперь смогу вместе с пятнадцатью друзьями стоять в первой шеренге, весело бить палочками по упругой коже, созывать ребят на линейки и сборы?..»

Честно говоря, я тогда и барабанить-то не умел как следует. Но мне сказали: не это главное. Научиться играть на барабане не так уж сложно. А вот быть барабанщиком... Мы учились и тому, и другому.

В отряде почти ни одно дело не обходится без барабанщиков: линейки, сборы, начало и конец соревнований, походы... А дел таких было множество, и барабан мой был со мной всегда.

Всю жизнь в отряде я был неразлучен с ним, и вот настал момент, когда приходится расставаться...

Толик надевает на плечо широкую лямку и становится в шеренгу на мое место. Когда-нибудь придет время, и ему тоже станет так же грустно. Но это будет еще не скоро. И я очень хочу, чтобы он, пока он барабанщик, берег наш барабан и звание свое берег, ну и вообще... Чтобы барабанщиком оставался всегда, если даже очень нелегко...

Андрей НАХРАТОВ,
капитан флотилии,
командир 2-й эскадры

ПРОЩАНИЕ БАРАБАНЩИКОВ

Песня из отрядного фильма «Пятнадцатая навигация»

*Мне раньше казалось, что день этот очень далек,
Мне даже казалось, что он не придет никогда.
Но был парусов так стремителен белый полет,
И следом за ними промчались года...*

*Стоят экипажи, в шеренгах закончен расчет,
И тенью молчанье скользнуло по сжатым губам...
Подходит мальчишка — мне ростом всего по плечо,
И я ему свой отдаю барабан.*

*Он, сжав нетерпенье, спокойно стоит и глядит,
Как медленно-медленно лямку тяну я с плеча;
Он ждет — у него еще все впереди,
Ему не понять еще эту печаль.*

*Ему не до грусти, все мысли его о другом.
Я знаю — в душе его звонкая радость поет.
И он, повернувшись «налево кругом»,
Уходит и детство уносит мое.*

*...Но сколько бы лет после этого дня не прошло,
Каких бы далеких дорог я потом не узнал —
Пусть дождь грозовой мне стучит в ветровое
стекло —*

Знакомый, знакомый, знакомый сигнал!..

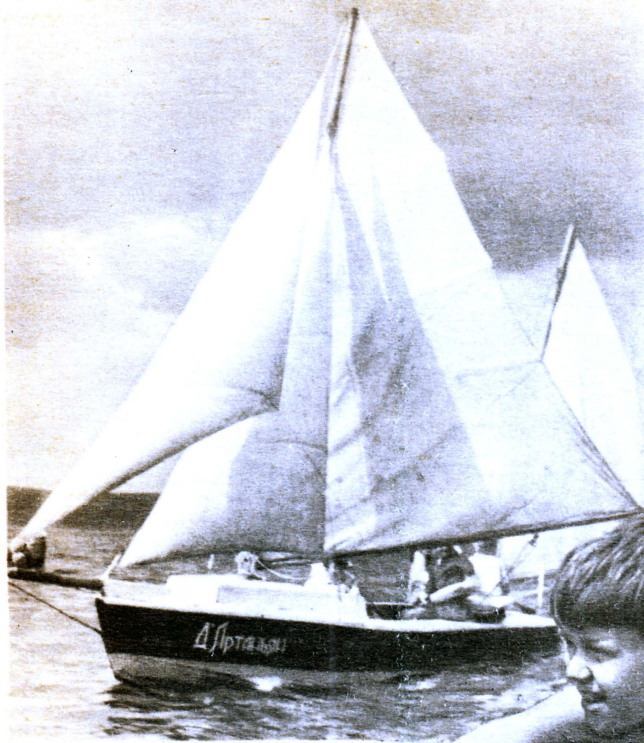
*И вновь я услышу, как ветер шкаторины рвет,
Сменяются друзья и гремит штормовая вода.
Что было со мною, то было, и это — мое,
И это со мной навсегда,*

навсегда.

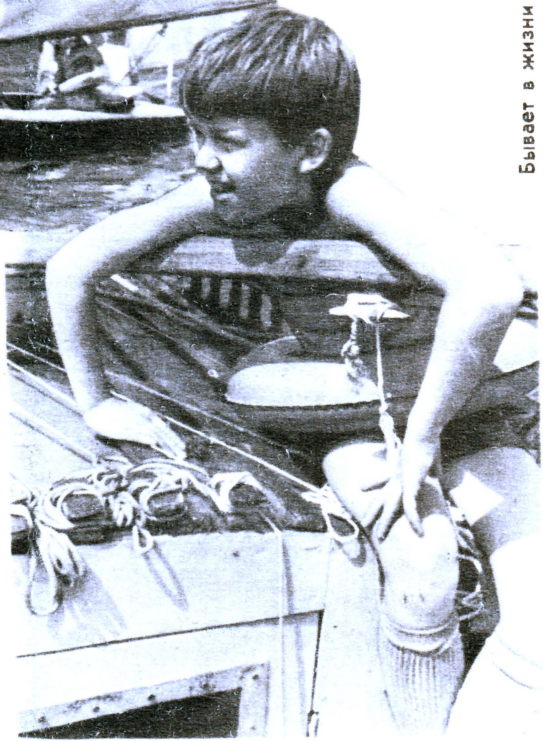

Возвращение из похода

Снимки из архива отряда «Каравелла», слайды И. Горячева

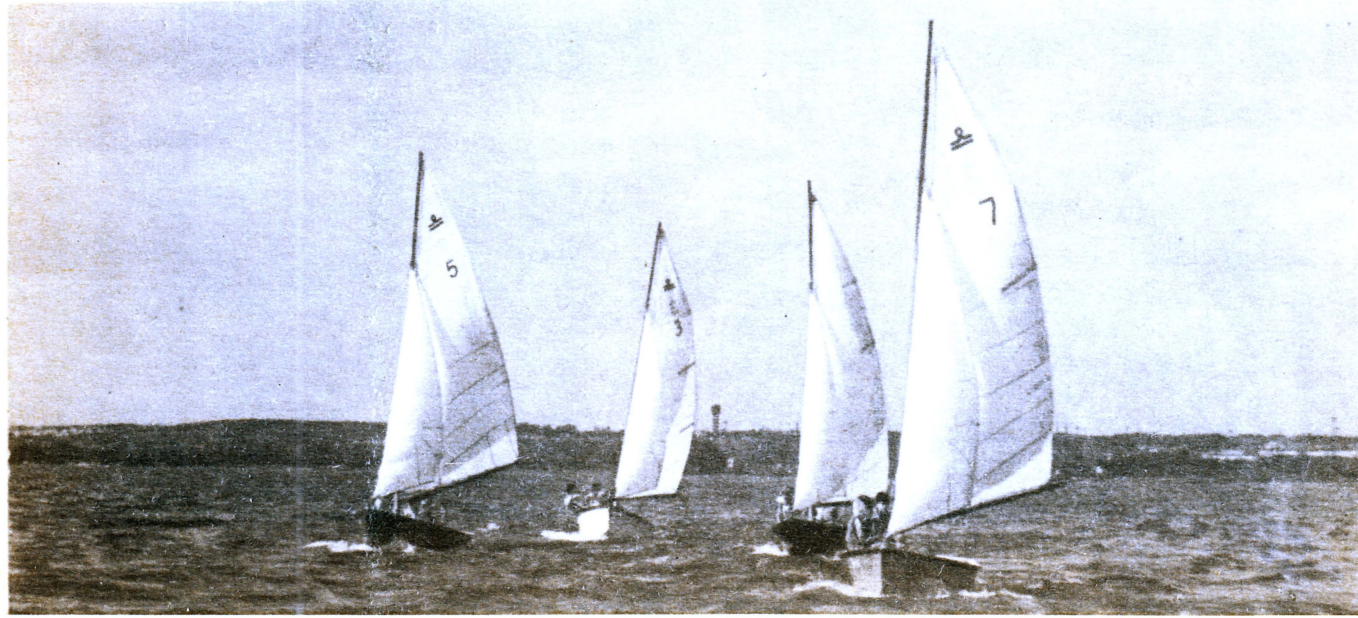
Флагман «мушкетеров» и матрос Митька

Бывает в жизни отряда и так

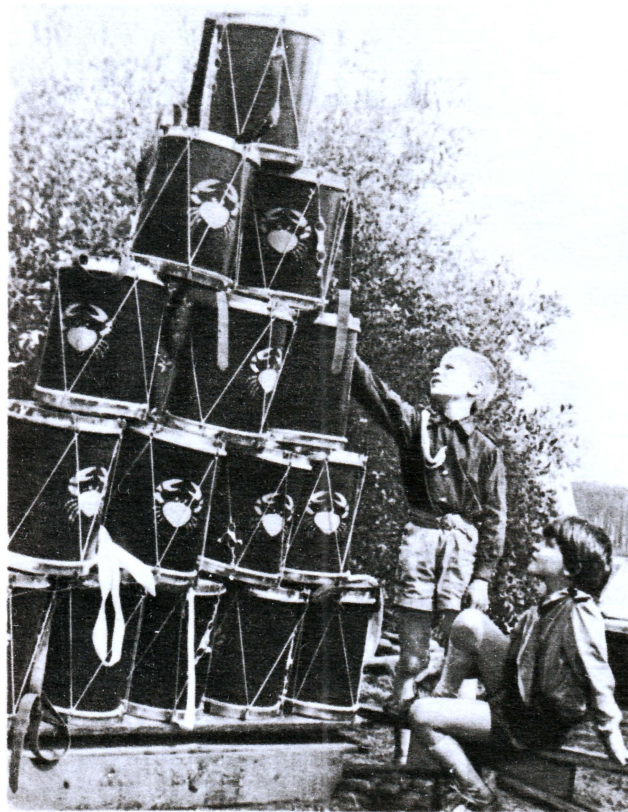

На вахте

Сказка о барабанах

«ТРИ МУШКЕТЕРА, ИЛИ 20 ЛЕТ СПУСТЯ».
Кадр из нового фильма отрядной студии

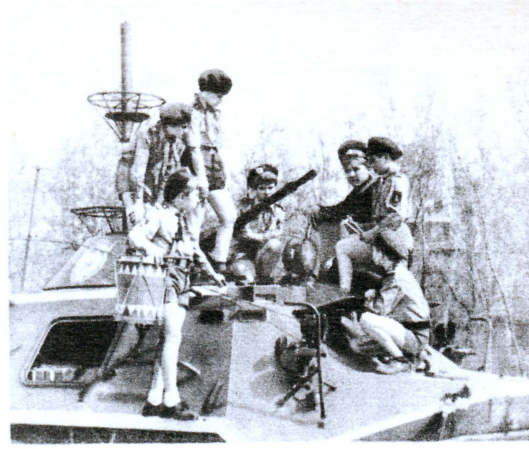
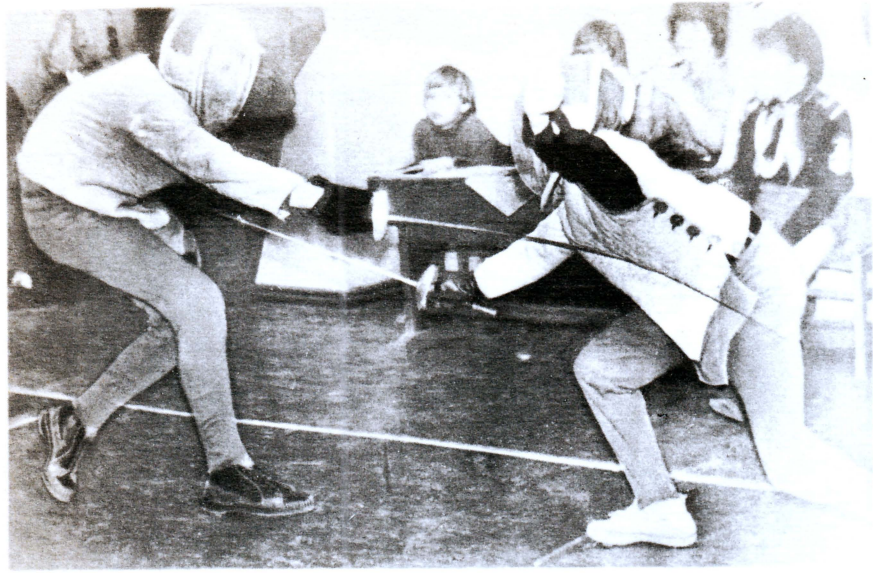
Мачта для яхты «Горизонт»
Настилается палуба...

На гонках

Свежий ветер

Отрядная книга На турнире фехтовальщиков

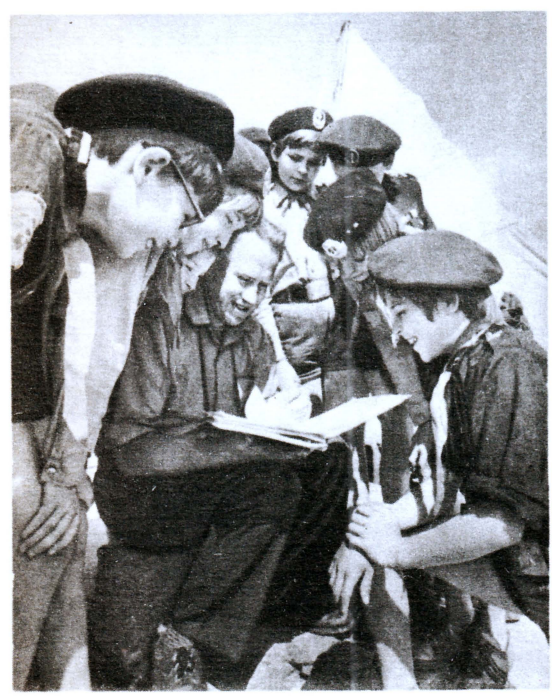

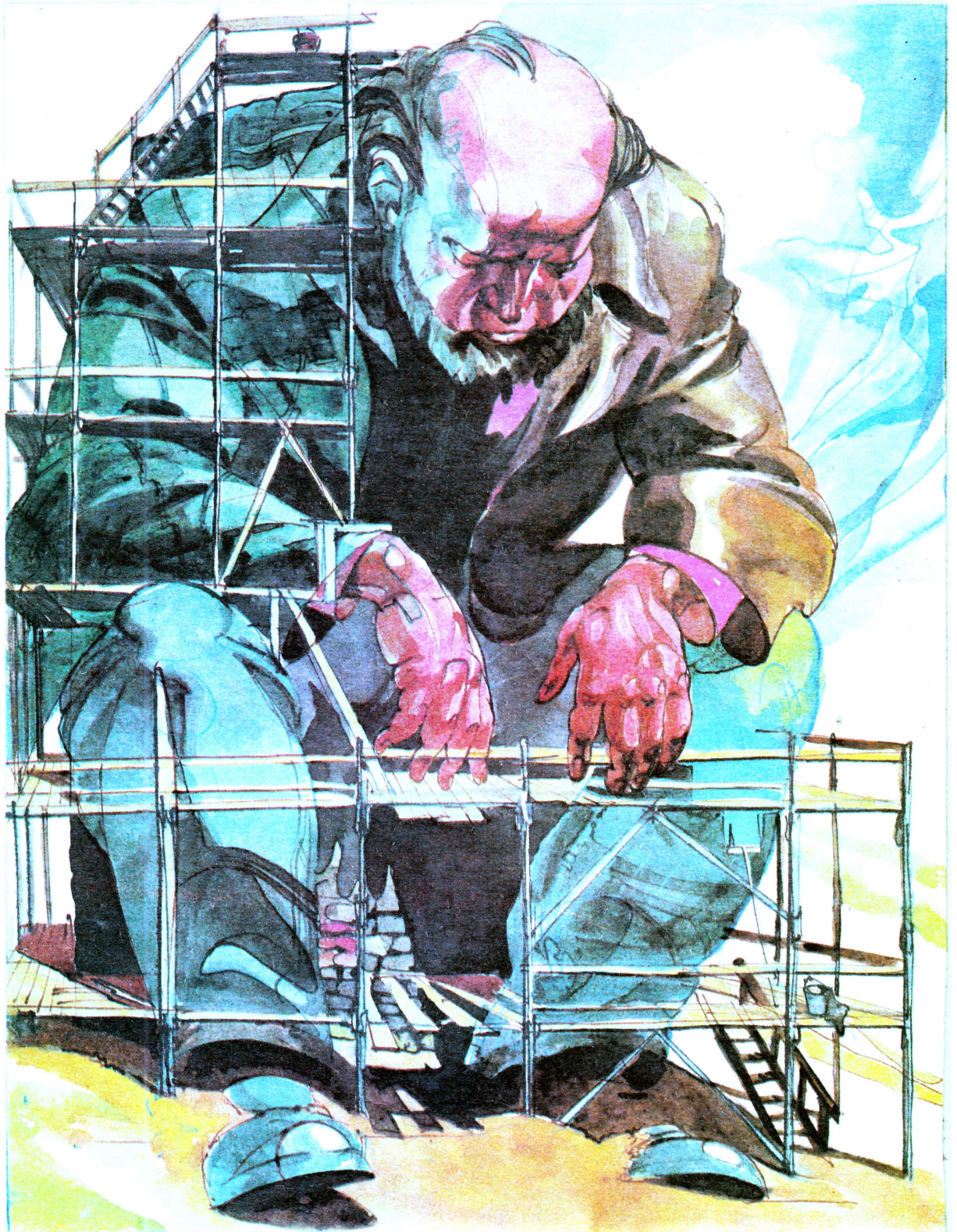
«ДВАТНАЦЬ И КОРОЛЬ», кадр из нового фильма

«Мушкетеры» первых лет отряда
Сигнал «Марш-атаки»

Скоро военный парад

ЛИЦОМ

Фантазия

на тему судьбы

Эрнст БУТИН

Рисунки О. Шапкина

К ЛИЦУ

«И похоже это на правду! Все похоже на правду, все может случиться с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собой в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собой все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!»

Н. В. Гоголь. «Мертвые души»

1.

Перед тем как покончить с собой, решил Юрий Иванович съездить на родину, туда, где прошло детство и отрочество, где закончил он школу и отсюда самоуверенно отправился покорять жизнь. Мысль о поездке лениво шевельнулась уже тогда, когда Юрий Иванович, сгорбившись перед печкой, равнодушно рвал накопившийся за долгие месяцы и годы бумажный хлам — всю ту макулатуру, которую еще недавно называл многозначительно рассказами, незаконченными повестями, набросками романов и сценариев. Иногда начинал было читать случайно подвернувшийся на глаза текст, и тогда одутловатое, с всклокоченной бородой лицо застывало в надежде, а в заплывших потухших глазках появлялось ожидание, но тут же ожидание это сменялось досадой и отвращением, щеки покрывались свекольным румянцем стыда, губы складывались в брезгливую усмешку. «Черт, какая дурь!.. Надо же было писать такую бодягу!» Юрий Иванович тяжело ворочался, сгребал обеими руками ворох своих творений, запихивал в топку. Он торопливо и с удовольствием поджег газетный лист со своим рассказом, в котором взгляд успел выхватить «...заиграл желваками, и лицо прораба исказилось гневом...». Сунул растопку в печь, подумал злорадно: «Играй теперь желваками, искажайся гневом, товарищ прораб!»

В этот теплый летний день тяга в трубе была никудашной, огонек, попорхав синей прозрачной бабочкой по упрессованной бумаге, умер, оставив лишь черные обугленные дорожки. «Сгнишь, миленькая, сгнишь, собака», — Юрий Иванович щелкнул зажигалкой, ткнул ее в печь. Не-

хотя ожило пламя, нехотя облизнуло бумагу, нехотя вильнуло влево-вправо и зарезвилось, разрастаясь. Заворочались лохмотья рукописей, заизвивались, выгибаясь, вспучиваясь, скручиваясь в раскаленные жгуты. Что-то ухнуло, точно выстрелило, вышвырнуло в лицо пригоршню веселых искр, мотыльковую стайку хлопьев саж, обгорелых листков, и печка загудела, сплошь заполнилась плотным желто-голубым полыханием. Юрий Иванович смотрел, как корчатся его работы, и не шевелился.

Только когда огонь зачих, превратившись в судорожные проблески, изредка скользившие по шевелящимся ломким пластам черной золы, он отвел глаза от топки. Поднял с пола обуглившуюся страницу из тетрадки в линейку. Хотел было смять ее и швырнуть догорать, но узнал свой, еще юношеский, крупный и неустоявшийся почерк. Прочел со снисходительно-презрительной улыбкой: «...истончившиеся посредине мраморные ступени. Сколько ног прошло по ним, сколько выпускников, полных надежд на яркое и неповторимое будущее, ушло отсюда в жизнь. Сначала это были гимназисты, которые мечтали стать гвардейскими офицерами, крупными чиновниками, фабрикантами и заводчиками. Но стали они онегинскими и печоринскими, ионычами и белогвардейцами, чтобы закончить свой жизненный путь или на тихом провинциальном кладбище, или, презираемые трудовым народом, быть убитыми в гражданскую войну, или, превратившись в эмигрантское отребье, умереть от нищеты в каком-нибудь Париже. Социально-классовая ограниченность, эгоизм, нежелание жить подлинными интересами народа, неумение работать и презрение к труду сделали этих людей «лишними», «прорехами на человечестве».

Совсем другой стала школа в советское время. Сотни ее выпускников самоотверженно трудятся на заводах и стройках, колхозных и совхозных полях, внося весомый вклад в развитие народного хозяйства. У нас нет и не может быть «лишних» людей, потому что ясные цели, высокий смысл жизни наполняют оптимизмом сегодняшних школьников, перед которыми открыты все дороги. Выбирай любую и на любом попр-

щё тебя ожидает радость труда, яркая, наполненная жизнь, стоит только...»

— Гляди, какой шустрый я был,— буркнул Юрий Иванович.— «Яркая, наполненная жизнь...» Борзописец.

Он вспомнил этот текст. «Что нам дала школа?»— последнее домашнее сочинение десятого класса. Вспомнил, как, почти не задумываясь, строчил его на уроке географии, вгоняя в гладкие предложения то содержание, которое требовалось. Вспомнил, как, получив традиционную пятерку за это сочинение, выслушивал такие же традиционные похвалы и, притворяясь смущенным, посматривал исподтишка — покровительственно и горделиво — на соучеников. И сразу же Юрий Иванович увидел свой класс: с геранями на подоконниках, с неуклюжими партами, толстенные столешницы которых были окрашены черным лаком, но лак этот не мог скрыть, а лишь сглаживал глубоко вырезанные рисунки и инициалы; увидел коридоры школы со стенами салатного цвета, потемневшими и засаленными к концу учебного года; увидел и лестницу с ее перилами ядовито-вишневого цвета, с мраморными серыми ступенями.

И вдруг Юрий Иванович сразу, целиком представил тихий и сонный Староновск с его дореволюционно-провинциальными широкими улицами,

с беленькой церковкой на необъятной площади, поросшей жесткой, точно проволочной, травкой, с гомоном и драками галок в тополино-липовом Дурасовом Саду на берегу неподвижной речки Нелеты. Юрий Иванович зажмурился и чуть не застонал: неожиданно показалось ему, что он на веранде своего староновского дома — маленького, казенного коттеджика, обшитого окрашенными золотистой охрой досками, и даже увидел веселое, как пестрый ситец, калейдоскопное множество цветов под ногами. Как уж мать умудрялась, бог весть, но, сколько помнит себя Юрий Иванович, каждый год перед крыльцом и далеко в огород алели, синели, желтели с ранней весны до первого снега какие-то неведомые цветы; летом, в жужжании пчел, гудении шмелей, стрекоте кузнечиков, стояло над ними невидимое облачко аромата, особенно пряного и расслабляющего в теплых сумерках, когда раскрывались ночные фиалки. С этим запахом у Юрия Ивановича навсегда слилось представление о детстве.

— Так. Галлюцинации на почве ностальгии,— он наморщил лоб, поскреб ногтем переносицу.— Это уж совсем ни к чему.

Опираясь на табуретку, с трудом поднялся. Захлопнул дверцу печки, закрыл трубу, смахнул веником пепел в угол и побрел в свою комнату,

держа двумя пальцами, на отлете, словно мокрую тряпку, листок сочинения.

— Развязать, что ли, по такому случаю? Что-то уж совсем тоскливо стало.

Он опустил на железную койку, отчего пружины под его грузным телом взвизгнули. Оглядел с отвращением жилье с выцветшими обоями на стенах, с обшарпанным столом, покрытым замазюканными газетами, с фанерным ящиком в углу, час назад набитым рукописями, а сейчас пустым, похожим на огромную квадратную пасть.

— Может, взять маленькую? — Юрий Иванович раздумчиво посмотрел в пыльное окно и, поразмышляв, вздохнул. — Не... Не стоит. Загребут опять, и поедешь ты, Юрий Иванович, как тунядец, на стройки народного хозяйства, а не к морю.

У него давно, еще когда жил с последней женой, появилась привычка разговаривать с самим собой. Закрепилась эта привычка уже здесь. Проснувшись до зари, он часами слушал, как хозяйка — застенчивая, глухая старушка — беседовала с таким же престарелым котом: «Ишь, барин какой, макароны он, гляди-ко, не хочет. Мяса ему подавай. А мышей ловить тебя и нетути. Вот ловил бы, тут тебе и мясо. Ох ты, озорной мальчишка...» Иногда жирный и ленивый кот забредал, пошатываясь, в комнату жильца, равнодушно смотрел на человека желтыми стеклянными глазами. Юрий Иванович подхватывал его, тяжело и апатично свисающего на руках, клал на колени. «Ну что, Илья Ильич, не хочешь ловить мышей? Или уже не можешь? Я тоже что-то, брат, давно не ловлю... Ух ты, Обломов, ух ты, озорной мальчишка, не стыдно? Совсем обленился, сибаритствуешь. Нехорошо, берешь пример с меня...» Юрий Иванович почесывал кота за ухом, тот жмурился, астматически всхрипывал мурлыкал, и из беззубой пасти его выползал симпатичный язычок, розовый и совершенный, точно лепесток.

Но с неделю назад кот исчез — закончился, видно, его земной путь. Хозяйка убивалась, всхлипывала по утрам в коридоре, и Юрий Иванович, к своему удивлению, обнаружил, что тоже огорчен, подавлен: полезли в голову дурацкие мысли о том, что все проходит, все прошло. Но он прикрикнул на себя: «Чего рассиропился? Делом занимайся!» — и сел к столу. Писать большой, главный роман. И опять почему-то не писалось. И опять Юрий Иванович, твердо решив, что завтра-то уж обязательно начнет, а пока нужно обдумать завязку, композицию, плелся к магазину, где его уж знали, покупал с каким-нибудь мужиком «Кара-еры» или «Агдам», а если по-

везет, то и «Лучистое», выпивал свою порцию и, уже повеселевший, ехал в центр, в кафе Дома работников искусств или в забегаловку «Дружба». Там его, в кожаном, белом на складках пиджаке, в вылинявших джинсах, в темных очках, тоже уже знали, и Юрий Иванович, подсев к кому-нибудь из знакомых, полужаных и вообще незнакомых, витийствовал, болтал о Фолкнере, Маркесе, «мовизме» Катаева, делился своими грандиозными замыслами, рассуждал, презрительно оттопырив мизинец, о «деревенщиках», которых пренебрежительно называл «кантири», туманно обещал закончить вскоре своего «Бескрылого Икара», тогда, дескать, увидите, что такое настоящая проза.

Над ним посмеивались, но поддакивали, покачивали понимающе головами, потому что зверел Юрий Иванович мгновенно и, хотя обрюзг, был массивен, кулаки имел внушительные. Когда в темноте собутыльники разбредались по домам, Юрий Иванович ехал к себе и, забившись в свою каморку, торопливо записывал, угрожающе бормоча, гримасничая, пришедшие в голову великие мысли — крупницы, крохи, фрагменты будущей гениальной книги. Днем он их не читал: боялся, что накатит вдохновение и придется, не отрываясь, писать нечто из середины романа, когда нет еще начала. А так не годится, непорядок это. Юрий Иванович сдвигал исписанную бумагу, брал чистый лист и минут двадцать — тридцать вымуштровывал план повествования, каждый раз новый, намечал героев, разрабатывал сюжетные ходы. И, довольный собой, отправлялся из дому, уверенный, что с завтрашнего дня засядет за работу.

Дни приходили и уходили; растаяли деньги, вырученные за продажу имущества, которое досталось Юрию Ивановичу после развода; неудержимо исчезали книги, любовно и долго собираемые в прежние, лучшие, времена; ворохи бумаг с набросками, медленно увеличиваясь, разрастаясь, все так же сиротливо топорщились на столе, на подоконнике, на полу и уже начали желтеть.

Но вот, когда похмелье не особенно мучило, а за окном пробуждалось такое чистенькое, такое ясное утро, что хотелось, если уж не писать стихи, то хотя бы читать их, Юрий Иванович решительно сел за работу. Самодовольно улыбаясь, он принялся разбирать свои каракули, но улыбка постепенно гасла, истаявала, превращаясь сначала в удивленный, потом в возмущенный оскал. Прочитав записи, Юрий Иванович, цепенея от стыда, ошалело уставился в угол — все, что он считал мудрыми мыслями, стенограммами озарения, был бред: манерный, тре-

скучий, глупый и безграмотный. Отупело сидел Юрий Иванович, чувствуя, как весь, до последней клеточки парализованного страхом тела, наполняется, точно промокашка чернилами, ужасом. Он не видел ни грязной комнаты, ни замызганного стола; перед глазами беззвучно и не спеша, будто в замедленной проекции, рассыпались, распадались, расползались светлые сияющие плоскости, ажурные конструкции, радужные переплетения немыслимо ярких, многоцветных узоров, стекали, оплывая, искрящиеся замысловатые фигуры, открывая нечто черное, страшное. И это черное шевелилось, росло, приближалось, окружая со всех сторон.

И вот уже повсюду — и слева, и справа, и сзади, а главное, впереди — мрак, сплошной, плотный, непроглядный мрак. Рухнуло все, ради чего жил, ради чего, ухмыляясь, сносил и насмешки, и издевки, и оскорбления; ради чего, не задумываясь, менял работы, друзей, жен, знакомых, ради чего остался одиноким, прославился вздорным, капризным, эгоистичным, тщеславным, глупым, самоуверенным и еще черт знает каким. То, что он лелеял в себе, берег для звездного часа, то, что заставляло снисходительно и иронично посматривать на прочих людей, считать их обывателями, потребителями, бездуховными млекопитающими, то, что он считал единственно безусловным в себе, имманентным — талант, и даже гениальность, — оказалось ерундой и чушью собачьей.

«Не может быть! Не может этого быть!!» Юрий Иванович рывком подтащил к себе ящик с рукописями, выхватил наугад сколотую скрепками пачку. Либретто сценария. Прочел, морщась словно от боли: БАМ, «трудный», но в душе чистый мальчик едет на стройку, вливается в коллектив мужественных парней, предотвращает крушение поезда — откуда он там взялся? — исправляется трудом, едет на совещание передовиков, едет вместе с девушкой, которая одна верила в него. Москва, беломраморные залы, поцелуй в финале... Юрий Иванович скинул писанину на пол. Достал пухлую папку. Повесть: нефтяники — молодой специалист, пошел работать помбуром, мастер участка зазнался, думает только о плане, молодой специалист предлагает новый способ бурения... Юрий Иванович ощерился, спихнул папку со стола. Раскрыл другую. Рассказы. Полистал, выхватывая взглядом абзацы. «Новатор-консерватор... Маменькин сынок едет в Нечерноземье... Консерватор-новатор... Новый «человек со стороны»... Так, горят сроки монтажа, мужик сутками в цехе, жена уходит. Неужто не вернулась? Не может быть. Ага, вот она: «Прости меня, Коля, прости меня глупую»...

А вот и крестьяне... Комплекс. Корма. Бесперспективные деревни... личные коровы, приусадебные участки, новое отношение к торговле на рынке... А это что? А-а, ясно, «хлеб — всему голова»... Мысли-то верные, но как холодно, как расчетливо написано. Ни боли, ни свежего слова...

Полдня, с желчной ухмылкой, перечитывал Юрий Иванович свою халтуру, потом стало вообще уж немоготу. Он тихонько поднялся и, поглядывая испуганно на кучу бумаги, завалившей стол, пол, прошел на цыпочках к кровати, осторожно присел на край ее. «Полная бездарность. Воинствующая, самовлюбленная, напыщенная бездарность», — сказал шепотом Юрий Иванович. И ему стало жутко.

В этот день Юрий Иванович напился до безобразия. Проснулся в вытрезвителе. Угрюмо выслушал торжествующего начальника, его уничижительно-радостное: «Так-так, Бодров. Все еще не работаешь? Роман пишешь? Носом на асфальте? Мы тебя научим настоящему делу, а не глупостями заниматься. Для начала — штраф десять рублей, а если к концу недели не принесешь справку о трудоустройстве, будем оформлять по двести девятой как тунеядца. Плюс шестьдесят вторая — принудление». Майор поднял окаменевшее в неприязни лицо, посмотрел безжалостно, чтобы окриком оборвать Бодрова, когда тот, как уже бывало, начнет возмущаться, объяснять что-то о сложности творческого процесса, но наткнулся на пустой, равнодушный взгляд Юрия Ивановича и удивился.

Домой Юрий Иванович вернулся решительный. Устраиваться на работу он не собирался. Идти куда-нибудь вахтером, дворником, сторожем? Для чего? Чтобы жить в этой конуре, жрать, спать, пить, а потом — годом раньше, годом позже — околеть, скорчившись на этих серых и драных простынях под этим серым и драным одеялом? Он уже решил, еще утром, когда лежал на койке в вытрезвителе, решил, твердо решил: Черное море, солнце, пляж, забитый шоколадными, бронзовыми, пахнущими летом и загаром, отдыхающими, ласковые теплые волны и... несчастный случай — неизвестный утопленник.

Совсем не веря в чудо, но все же с робкой, хиленькой надеждой, Юрий Иванович перелистал тонкие ведомственные журналы, в которых были опубликованы его «сатирические» новеллы — о сантехнике, об официанте, о таксисте. Детектив, примитивный и жуткий, как сплетня кумушки. Просмотрел рассказы, напечатанные в газете по милости бывшего тестя, — НОТ, наставничество, АСУ, бригадный подряд, газопровод. Решимость Юрия Ивановича уехать к морю и там... крепла

с каждой прочитанной строкой. Чуда не произошло. Встретились, особенно в ранних работах, с полдюжины неплохих описаний, словно светлячки в ночи, и погасли в потоке безликих, неживых слов. И пришла успокоенность. Потому что еще вчера, садясь к столу за честный, как мыслилось, мудрый роман, Юрий Иванович, приходясь бодрим и радостным, почувствовал беспокойство, схожее с тоской — надо будет днями и ночами писать, а к чему, зачем? Тогда Юрий Иванович отогнал эту мысль, но сейчас она всплыла снова, прямая и бесхитростная, как штык: а зачем все это?

Даже если бы обнаружился, пусть не талант, а маломальские способности, Юрий Иванович понял, что написать ничего не сможет: не было желаний, не хотелось высиживать — какой уж там роман! — повестушку, которая затеряется среди сотен других и которая ничего ни в жизни вообще, ни в его, Юрия Ивановича, жизни не изменит. Давно уж забылись давние, детские, мечты о школьных хрестоматиях с отрывками из книг Ю. И. Бодрова, о портретах в учебниках, и более поздние — об интервью и статьях о своем творчестве, о заседаниях, совещаниях, на которых председательствует товарищ Бодров, о днях литературы и делегациях за рубеж, руководителем которых имеет честь быть лауреат писатель Бодров Ю. И., о каких-то личных кабинетах с полированными деревянными панелями, о квартире с камином, о личной «Волге»... Все забылось, почти забылось, осталось лишь одно — вера в свою одаренность, а значит, и то, что рано или поздно будет написана хорошая, крепкая, искренняя книга. Юрий Иванович холил, лелеял эту уверенность в своем будущем триумфе, любил мечтать о нем, потому что больше ему любить в себе было нечего, и погасни этот тускленький огонек надежды, нечем и незачем будет жить. И огонек погас.

— Финита ля комедия, — громко сказал Юрий Иванович и разозлился на себя за дешевую реплику.

Даже оставаясь один, он всегда играл какую-нибудь роль: непризнанного гения, стойка, циника, аскета, и сейчас, по инерции, изобразил нечто устало-героическо-трагическое. Эта фальшь покоробила, но Юрий Иванович, усмехнувшись, закончил тем же тоном, не выходя из образа:

— Какой великий актер умирает!

Он деловито сгреб бумагу, прижал ее к груди, точно ворох опавших листьев, покачал слегка, как бы взвешивая, и сбросил в ящик. Закончил уборку в комнате. Потом выволок из-под кровати чемодан с теми книгами, последними книгами, которые поклялся никогда не прода-

вать. Без уважения и трепета сунул в рюкзак черные томики сочинений Хемингуэя, зеленые — Есенина, сиреневые — Джека Лондона.

— Лжепророки, — бормотал Юрий Иванович, встряхивая рюкзак, чтобы книги поплотнее улеглись. — Сильные личности, путеводные звезды... Дурите теперь другому голову...

Посмотрел с сожалением на пять вишневых томиков Маяковского, которые сиротливо лежали на дне чемодана. «Зачем они-то останутся, все равно бабка отдаст кому-нибудь». Собрал и их.

— Вот так, Владим Владимыч, в этой жизни умереть не трудно, сделать жизнь значительно трудней, говорите? Согласен.

Туго, будто петлю на шее врага, затянул шнурок на рюкзаке с книгами.

Около букинистического магазина Юрий Иванович наметанным взглядом отыскал будущего покупателя. Это был модно одетый, сытый парень с тем особенным, сонным, выражением лица, какое бывает у людей убежденных, что на них закончилась эволюция, и мать-природа успокоилась, создав такую совершенную особь. «Нэпман, — оценил его Юрий Иванович. — Приемщик стеклотары или автослесарь. Нажрался, нахапал дубленок, мохера, перстней-печаток, теперь решил интерьер в своем бунгало украсить». Отозвал парня, увел его в дальний сквер и там продал книги. Маяковского покупатель взял, не задумываясь. «Мало ли кто придет, — подмигнул он, — страждеделегат, участковый мент... Пусть видят, что мы читаем». Есенину обрадовался, даже промурлыкал, неизвестно к чему: «Из какого же вы, не родного ль мне, края прилетели сюда на ночлег, журавли?» Юрий Иванович, рассвирепев, но сдержавшись, подтвердил, что это лучшие стихи поэта. Хемингуэя парень тоже купил сразу: видел его портрет у знакомых, и те много говорили про этого писателя. А вот Джека Лондона, к удивлению Юрия Ивановича, хотел забраковать. Не понравился зачитанный томик с «Мартин Иденом» и «Морским волком» — «нэпман» хотел иметь собрания сочинений хорошего товарного вида. Юрий Иванович, презирая его, заявил, что книгу эту не отдаст, а продаст кому-нибудь отдельно за цену всего Есенина, потому что и «Мартин Иден» и «Морской волк» — это катехизис, евангелие каждого сильного человека, оттого и зачитаны. Торговался Юрий Иванович зло, расчетливо и беспощадно; в итоге выцыганил за томик двадцать пять рублей.

Уплатив и штраф, и за вытрезвитель, он пришел в свою комнатку, завалился, не раздеваясь, на койку и неожиданно уснул. И увидел Джека

Лондона. Даже во сне Юрий Иванович завидовал ему, может, еще более люто, чем наяву. Но сейчас к этому чувству примешивалась еще и злоба на писателя за то, что он заставил своего Мартина Идена работать и голодать, голодать и работать, прежде, чем тот получил признание. Будто все дело в трудолюбии и лишениях — ерунда это! И Юрий Иванович тянулся к Джеку Лондону, чтобы придушить его; но вдруг, в какой-то миг, осознал, что он, Юрий Иванович, и есть Мартин Иден, но тянется не к своему автору-создателю, а втискивается в иллюминатор, обмирая от страха, что не пролезет живот. Когда, проскользнув из душной каюты наружу, он начал медленно, плавно покачиваясь, опуститься в успокаивающую ласковую воду, то обнаружил с изумлением, что стал Мармеладовым, и еще подумал, что это глупо, так как героя этого никогда не уважал, и что лучше бы уж превратиться в Раскольниковца. От сильного огорчения оказался он не в море, а на берегу. Была южная теплая ночь, внизу мерно и лениво поднималась невидимая волна, уверенно, но мягко накачивая ее на бетон, и тогда белой лохматой гусеницей выростала под ногами седая пена гребня, приближалась с шумом, и шум этот, возникая из ничего, поднимался до гула, до резкого удара, заглушал на время чистый и экзотически звонкий стрекот цикад. Юрий Иванович, все еще оставаясь и Мартином Иденом и Мармеладовым, узнал на сне и бетон набережной, и цикад, и кипарисы, похожие на черные языки пламени, которые угадывались в сплошной тьме ночи, — так было, когда он с будущей первой, еще студенческой, женой приехал в Крым и сразу побежал на встречу с морем. Во сне Юрию Ивановичу стало легко, радостно, безмятежно, как было радостно и безмятежно в те две счастливые курортные недели, беззаботность и счастье дней которых никогда уж больше не повторялись. Он спал, улыбаясь, и не знал, что по щекам текут слезы.

От них он и проснулся. Первые секунды все еще продолжал улыбаться, но тут же вспомнил все; вскочил, вытер щеки, опухшие глаза, пригладил встопорщившуюся бороду. Чтобы не дать думам обезвоить себя, прошел деловито в коридор, на кухню. Хозяйки не было дома. Юрий Иванович стаскал к печке рукописи, публикации и сжег их...

— Да, бойкий писака я был, — повторил он, прочитав еще раз листок сочинения.

Аккуратно сложил его, сунул в задний карман брюк и задумался. Опять увидел Староновск, беспредельную площадь базара, пологий берег напротив Дурасова Сада — место, где всегда купались в детстве; школу, вычурную,

точно кирпичный торт; свой дом, красивый, будто на открытке.

— Съездить, что ли, на прощанье? — задумчиво спросил себя Юрий Иванович, и мысль эта понравилась.

Опрокинулся навзничь, подsunул ладони под голову и закрыл глаза. Не спеша шел он пацаном по улицам городка, ощущая босыми ступнями горячую пыль, которая цвиркала фонтанчиками меж пальцев, и, поворачивая за очередной угол, с радостью узнавал то замысловатый, с башенками, с арочными и полукруглыми окнами, весь в потемневших деревянных кружевах дом купца Дурасова, то затейливо выложенный из кирпича Дом культуры — бывшее купеческое собрание, то Дворец пионеров, с его ажурной чугунной решеткой и облупившимся гипсовым горнистом у входа. Воспоминания, которые смаковал Юрий Иванович, наплывали, теснились, наполнялись подробностями, четкими деталями, но все они были светлые, трогательные в своей чистоте и какой-то целомудренности.

Юрий Иванович вздохнул, достал сигарету. Но прикурить не успел.

Кто-то неуверенно постучал во входную дверь.

«Ну и бабуля, — огорчился Юрий Иванович. — Ключ забыла! А если бы я ушел?» Он с криком слез с постели, пошел, отдуваясь, в сени. Открыл дверь, зажмурился от яркого солнца, посмотрелся и остолбенел.

На крыльце стоял интеллигентный, в солидных очках, в светлом костюме, широкоплечий, как атлет, и стройный, точно грузинский танцор, Владька Борзенков — одноклассник, приятель детства, не ставший другом. Юрий Иванович сразу узнал его.

— Здравствуйте, — Владька неуверенно улыбнулся. — Мне сказали, что здесь живет Бодров... Юрий Иванович.

Тот хотел было рывкнуть, что никакой Бодров тут не живет, но передумал: чего ему прятаться, когда собрался уходить из жизни?

— Не узнал, что ли?

— Вы? — заморгал Владька и недоверчиво оглядел его сверху вниз.

— Я, я, — ворчливо подтвердил Юрий Иванович. — Только давай без этих «вы». — Отступил в сторону, пропуская гостя. — Проходи. И не удивляйся тому, что увидишь. «Праздник, который всегда с тобой», так сказать.

Владька проскользнул в сени между его животом и косяком, и Юрий Иванович провел гостя к себе. Тот изо всех старался выглядеть невозмутимым и не пораженным.

— На, подстели, — Юрий Иванович сорвал со

стола газетку, протянул ее, — а то брюки испачкаешь.

Но Владька, обиженно передернув плечами, храбро уселся на черную щелястую табуретку. Юрий Иванович усмехнулся, завалился на койку. Прикурил.

— Как ты нашел меня? — спросил без интереса. — Ведь столько лет — батюшки! — с выпуском не виделись.

— Через справочное, — приятель старательно избегал смотреть по сторонам. Сидел прямой, развернув, как солдат на параде, плечи. — Дали адрес прописки. Зашел к твоей жене.

— Мы с ней больше года не живем, — зевнул Юрий Иванович и вдруг испуганно повернул голову. — Неужто она знает, где я?

— В общих чертах. Приблизительно... А тут я прохожих поспрашивал. А-а, писатель, говорят. Ну и указали.

— Популярность, — Юрий Иванович засмеялся, закашлялся, отчего тело заколыхалось, пружины кровати застонали.

— А ты правда писатель? — Владька все-таки решил, быстро оглядел пустую, как келья монаха, комнату, задержал взгляд на столе, где ни бумажки, ни книжки, ни карандаша, ни ручки.

— Только сегодня роман закончил. Поставил последнюю точку, — Юрий Иванович, все еще всхлипывая от смеха, вытер кулаком глаза. — А ты кто? Доктор наук? Профессор?

— Ага, — равнодушно подтвердил приятель.

— Ну! — обрадовался Юрий Иванович. Сел на кровати. — Молодец. И в какой же области?

— Закончил физтех, работал в институте высоких энергий, — Владька снял очки. Сморщившись, сдвинул большим и указательным пальцами переносицу. — Сейчас работаю над темой: пространство — время.

— Понимаю, понимаю. Эйнштейн, искривление пространства, е равняется эм цэ квадрат, — Юрий Иванович, раздвинув ноги, уперся ладонями в колени. Опустил голову. — Я всегда считал, что ты далеко пойдешь. Тебя еще в младших классах звали «профессором»... — он вспомнил того, давнишнего, Владьку: тоненького, сутуловатого, большелобого. Правда, никакой вундеркиндовской анемичности в нем не было, первым озорником и выдумщиком признавали будущего доктора наук пацаны.

— Не говори ерунды, — перебил приятель. — Самый способный среди нас был ты, — без лести, буднично добавил он. Надел очки. — Я жене своей все уши прожужжал про тебя. И вот видишь, прав — пи-са-тель! — Поднял указательный палец, прислушиваясь с уважением к этому слову.

— Давай не будем играть в «кукушка хвалит

петуха», — оборвал Юрий Иванович. Поплевал на окурки, швырнул его в ящик из-под рукописей. Встал, надел свой единственный, кожаный, пиджак. — Пойдем, посидим где-нибудь, поболтаем. Я тут... гонорар получил, — отвернулся, достал деньги, прикинул, можно ли рассчитывать на ресторан, чтобы и на билет в Крым хватило, или придется приглашать приятеля в пивнушку. — В моей берлоге свежеему человеку тужко, — покосился на гостя, поджал обиженно губы. — Чего рассматриваешь? Изменился?

Владька добродушно глядел на него. Пошевелил неопределенно пальцами в воздухе.

— Есть маленько: живот, лысина, борода. И вообще...

— Зато ты, вижу, спортсмен-олимпиец, Здоровый дух в здоровом теле, — беззлобно проворчал Юрий Иванович.

— Держу форму: гимнастика, бассейн, лыжи... — начал было не без гордости гость, но хозяин насмешливо фыркнул.

— Образцово-показательный, значит? Ну, — он язвительно глянул на приятеля, заметил, что тот обиделся. Улыбнулся виновато, с деланной скорбью. — А я вот, как видишь, подизносился. Почки пошаливают, печень барахлит, мотор вразнос пошел... Потопали? — Сунул деньги в карман: Владька, вроде, не кутила, не выпивоха, значит, можно обойтись бутылочкой в кафе. — Обмоем где-нибудь встречу.

— Обмоем, конечно. Но в другой раз. Извини, я на машине, — приятель развел руки и вдруг, радостно хлопнув в ладоши, вскрикнул: — Слушай, есть отличная идея! Ты действительно не занят, действительно закончил работу, действительно сейчас свободен?

— Как горный орел, — Юрий Иванович потянулся, выкинул в стороны крепко сжатые кулаки. — Наконец-то отдохну от такой жизни! — Задрал бороду к потолку, зажмурился. — Сегодня или завтра уезжаю к морю.

— Может, подождешь с морем? — весело попросил приятель. — Отложи, а? Хочешь, через неделю вместе махнем, я отпуск возьму. А сейчас давай отправимся-ка в Староновск.

— В Староновск? — Юрий Иванович приоткрыл один глаз, медленно опустил руки. — С чего бы вдруг?

— Да не вдруг, не вдруг, — торопливо принялся объяснять Владька. — Я там часто бываю. У нас в Староновске база — не база, нечто вроде лаборатории. Аномалия в нашем городишке оказалась уникальная... Ну, это сложно и долго объяснять. Говори — едешь?

— Вообще-то заманчиво, — неуверенно заулыбался Юрий Иванович. Тоска, сжимавшая два

дня сердце, поослабла с приходом одноклассника, а после приглашения на родину и вовсе, кажется, исчезла.— А что? Можно,— он задумчиво смотрел в окно.— Время для меня цены теперь не имеет. Неделей раньше — неделей позже...

— Вот и отлично! — Владька сорвался с табуретки, запетлял по комнате.— Ты после школы хоть раз был в Староновске?.. Вот видишь. Это же свинство! — Он с силой опустился на кровать, подскочил разок-другой на пружинах.— Я еще вчера хотел уехать, но вдруг, не знаю, с чего, вспомнил тебя. И так мне паршиво стало, не поверишь. Да что же это такое, думаю, в детстве чуть ли не друзьями были, живем в одном городе и не видимся... Да не бери ты ничего,— взмолился, увидев, что Юрий Иванович сдернул с гвоздя серое вафельное полотенце,— у меня все есть!

Юрий Иванович с сомнением рассматривал полотенце. Скомкал его, швырнул в угол.

Подошел к столу, отыскал в ящике клочок бумаги. Не слушая одноклассника, написал, сосредоточенно сдвинув брови: «Ольга Никитична! Я уехал. Спасибо Вам за все. Оставляю плату за комнату. И еще немного. Может, хватит, пока жилья найдете. Вещами моими (пальто, шапка, свитер и пр.) распоряжайтесь, как хотите. Не поминайте лихом, простите, если что было не так. Юр. Ив.». Задумавшись, нарисовал жирную точку. Очнулся, вынул деньги. Отсчитал три десятки. Поразмышлял. Добавил еще одну и положил их под записку.

— Так, кажется, все.

Владька бодро вскочил, одернул пиджак, повел плечами.

— Идем,— Юрий Иванович подтолкнул его в спину.

Вышел вслед за гостем. Но в дверях, зная, что все кончено, что впереди — Черное море, что возврата нет, еще раз оглянулся и увидел вдруг комнатенку свежими глазами, глазами человека, не замороженного бреднями, глазами Владьки, например, и поразился, похолодел от стыда за нищету и убожество своего жилья, покраснел от вида грязи, пыли, запущенности этой ночлежки, в которой хозяйка первые дни пыталась наводить порядок, но была напугана резким заявлением жильца не вмешиваться в его дела, и отступилась. Лицо Юрия Ивановича болезненно сморщилось, отчего, мясистое, опухшее, стало плаксивым.

— Ну и хлев,— прошептал Юрий Иванович и, неожиданно для себя, плюнул в сторону письменного стола.

Развернулся, быстро вышел из дома.

На крыльце он с вызовом взглянул на приятеля, ожидая найти на лице профессора сочувствие, сострадание, но тот улыбался безмятежно и счастливо, не было ни самодовольства, ни жалости к неудачнику. Юрий Иванович запер дверь и, подбрасывая ключ на ладони, спустился по ступенькам. Владька, опережая, шмыгнул мимо, зашагал молодцевато к калитке, сквозь редкие корявые кольца которой синели «Жигули». Юрий Иванович остановился, обернулся, обвел цепким прощальным взглядом огород с правильными рядами невысокой сочно-зеленой ботвы, избушку, тяжело и кособоко присевшую на угол. Посмотрел на маленькое черное окно своей комнаты и, широко размахнувшись, запустил ключ в заросли малины, приютившейся около забора.

2.

— Завидую все-таки вам, литераторам, художникам,— без всякой зависти сказал Владька.— Мы, простые смертные, проживаем одну жизнь, вы — десятки. Мы вскрываем в природе уже существующее, имеющееся как факт, как данность, вы создаете новое и оригинальное. Не открой Ньютон закон тяготения, его открыл бы кто-нибудь другой, тот же Гук, не выведи Эйнштейн теорию относительности, ее вывел бы со временем ну хотя бы Фридрих или кто-то еще. А не напиши ты, Бодров, роман, его никто не напишет. Вот в чем вся штука. Напишут хуже или лучше, но не этот. Твоего, бодровского, никогда не будет, и это самое поразительное. В вас, писателях, целый мир, неисследованный, непознанный, пока вы сами не захотите его показать...

«Повело физика-теоретика», — подавил вздох Юрий Иванович, и ему стало скучно: надоели банальности, которые Владька изрекал с видом первооткрывателя. А может, они для него были действительно откровением, но ему-то, Юрию Ивановичу, и собственная болтовня о творчестве, которой он пичкал собутыльников, ох как надоела.

Оживленный, радостный Владька не закрывал рта с той самой минуты, как бывший соученик сел в машину. Сейчас уже и сумерки незаметно подкрались, неуловимо, но уверенно переходя в ночь, а бодряк-профессор все говорил и говорил. Сначала он домогался, чтобы Юрий Иванович дал почитать что-нибудь свое, тот шевельнулся, буркнул, что обязательно, мол, как только выйдет роман, так как это главная книга, а все остальное — ерунда, мелочь, подход к теме, и, чтобы уйти от разговора, хотел было

спросить Владьку о его работе, но испугался, что товарищ Борзенков влезет в такие дебри релятивизма, в которых он, Юрий Иванович, уснет, как муха в хлороформе. Поэтому поинтересовался, вполне искренне, впрочем, что известно о судьбе одноклассников. Владька встрепенулся и поведал с подробностями почти обо всех: тот стал слесарем, этот врачом, та домохозяйкой, эта учительницей. Оказалось, что Лидка Матофонова — «которая, помнишь, влюблена была в тебя?» — закончила сельхозтехникум, работает агрономом, нарожала около десятка детей, располнела; Витька Лазарев разбил на мотоцикле; Ленька Шеломов стал металлургом, в газетах о нем пишут; Генка Сазонов — «на одной парте с тобой сидел» — в горисполкоме, заведует коммунальным хозяйством, стал важный, неприступный; Лариска Божицкая — «правда, она не из нашего класса», — тут Владька кашлянул, посмотрел искоса на приятеля, заведует магазином, сменила двух или трех мужей, постарела, но все еще симпатичная и на жизнь, кажется, не жалуется... Из прежних учителей никого в школе не осталось, кроме Саида, физрука. Большинство на пенсии, кое-кто уехал, а Синус — «математик, помнишь?» — умер года три назад то ли от инфаркта, то ли от инсульта: пришел в учительскую и умер...

— Самое же удивительное, — продолжал изрекать Владька, откидывая назад голову, чтобы размять затекшую шею, — это разница в реакции после того, как достигнут результат. Мы, техники, физики, счастливы, мы испытываем страшный подъем сил, а вы — я читал о психологии творчества — опустошены, выпотрошены. И это естественно. Ведь ваши выдуманные герои были для вас живыми людьми. Их беды, радости, огорчения были вашими бедами, радостями, огорчениями; вы умирали и воскресали вместе с персонажами. Но вот поставлена последняя точка. Все! Ваши фантомы ушли, и с ними ушла часть жизни. И стало пусто, одиноко, верно? Ты испытывал это, когда закончил роман?

Юрий Иванович, думая о другом, медленно кивнул. Он, не мигая, глядел на жидкое пятно света, которое, не удаляясь, скользило, переливалось на черном, слившемся с чернотой вечера, асфальте, а видел Генку Сазонова, единственного своего школьного друга, худощавого, кадыкастого парнишку с пшеничным казачьим чубом, и не мог представить его солидным исполкомовцем; не мог представить обабившейся Лидку Матофонову, веснушчатую, тонкошеюю, с наивными, всегда вытарашченными зелеными глазами; не мог представить за прилавком Лариску Божицкую и усмехнулся, вспомнив, каким

неуклюжим, косноязычным, тупым становился когда-то рядом с ней. А вот разбитного Витьку Лазарева, аккордеониста и двоечника, взрослым представил легко, но тут же вздохнул: вспомнил, что тот погиб. И сразу же, как подумал о смерти, увидел учителя математики — жилистого, высокого, с красивым нервным лицом; вспомнил, как вместе играли в баскетбол и волейбол и как мгновенно вспыхивала улыбка на лице Синуса при удачном броске или ударе, как болезненно морщился он, чуть ли не стонал, при промахе.

— Хорошо умер Синус, — громко сказал Юрий Иванович. — Мне бы такую смерть.

Владька оборвал свои рассуждения о какой-то экстраполяции образа из будущего в настоящее. Коротко и удивленно глянул на пассажира.

— Ты случайно не декадент? — засмеялся натянута. — Нашел о чем думать.

— А ты разве об этом не думал? — резко спросил Юрий Иванович.

— О смерти-то? Нет, не думал, — беззаботно ответил Владька, но сразу торопливо поправился: — Раньше иногда приходили всякие мысли в голову, а сейчас — нет. Некогда об этом думать... Мы люди сухие, рацию, так сказать. Расчеты, формулы, опыты, опыты, формулы, расчеты. Нам не до этих душевных сложностей, не до гамлетовских «быть или не быть», — тон у него был насмешливый, нарочито шутовской. Юрий Иванович поморщился, и Владька заметил это. Помолчал, добавил серьезно: — Иногда, конечно, навалются неприятности, неудачи. Бьешься, бьешься и — тупик. Хоть в петлю лезь, но, — и снова засмеялся, — не лезем. Потому что минусы жизни, неудачи неизбежны. Заложены изначально в самую оптимальную модель бытия человека, чтобы были борьба и преодоление, а значит, и развитие, движение вперед. Вот почему негативное, отрицательное, на мой взгляд, запрограммировано уже генетически...

— Вот как! — удивился Юрий Иванович. Развернулся боком. — Лихая теория. Неудачи, значит, запрограммированы, — он угрожающе зашарил. — А удачи? Удачи запрограммированы? Или их надо подстерегать и хватать за шкуру? — И, словно цапнув что-то в воздухе, сжал пальцы, сунул руку под нос приятелю.

— Не понимаю, — Владька отвел голову от огромного волосатого кулака.

— Не понима-аешь, — презрительно протянул Юрий Иванович. Откинулся на сиденье, закрыл глаза. — Что один — неудачник, другой — счастливчик — это тоже запрограммировано, заложено с младых ногтей? Вот ты, к примеру, доктор наук, профессор, а Лариска — продавщица, Ген-

ка — чиновник. Это как же, а? — приоткрыл глаз, посмотрел пытливо.

Владька обиделся было, нахохлился. Поднял недоуменно плечи и застыл в такой позе.

— Не знаю, не думал об этом, — вяло начал он. — Наверно, каждый выбирал то, что ему нравилось, чего душа требовала, — и оживился: — Конечно, так оно и есть. Лариске хотелось быть первой красавицей, она любила тряпки, побрякушки. Генка — вечный активист — то звеньевой, то председатель совета отряда, то еще какой-то общественный начальник. С чего ты взял, что они неудачники? Может, им ничего другого и не надо, может, они довольны и собой, и жизнью. Ведь ты-то живешь... — помялся, подбирая слово, — спартански, как Диоген в бочке, и счастлив. Не захочешь, я думаю, ни с Генкой, ни со мной местами поменяться? — он обрадовался, что так удачно ответил, посмотрел торжествующе на пассажира.

— Я?! — Юрий Иванович засмеялся и опять закашлялся, захрипел. Сплюнул в окно. — Много ты обо мне знаешь... — Вытер глаза ладонью. Сказал мрачно: — Платон предлагал всех художников гнать к чертям собачьим из городов-полисов. Неважно почему и за что, не в этом суть, главное — гнать... Проклинаю тот день, когда мне пришла в голову идиотская мысль, что я писатель.

Отвернулся к окну, всматриваясь в густую ночь, в которой иногда проплывали, словно ворочаясь, какие-то черные тени на обочине.

— Ты устал, — неуверенно решил Владька. — Ты написал большой роман, выдохся, и все тебе кажется в мрачном свете. Я же говорил про психологию творчества...

— Пошел ты со своей психологией, — лениво огрызнулся Юрий Иванович. — Нет никакой психологии, никакого творчества, — он нервно, мучительно зевнул. Пробубнил, прикрыв рот рукой: — И романа никакого нет... Ты на дорогу смотри, не на меня, — прикрикнул, когда Владька медленно повернул к нему вытянувшееся лицо.

Машина резко сбавила скорость, вильнула к краю шоссе и остановилась.

— Надо отдохнуть, — Владька потряс кистями рук. На приятеля старался не смотреть. — Почему ты считаешь, что роман у тебя не получился?

— Потому что я его и не писал, — снова, на этот раз притворно, зевнул Юрий Иванович. Отстегнул ремень безопасности, открыл дверцу. Высунулся наполовину, но опять втянул голову в машину. Пояснил, посмеиваясь: — Знаешь, кто я?.. Клим Самгин, только порядка на три пониже. Понял? — и выбрался наружу.

Потер поясницу, покрутил головой, присел, вытянув руки.

Владька тоже вылез из машины, обогнул ее, остановился рядом.

— И что же ты собираешься делать? — спросил потерянно.

— А ничего, — Юрий Иванович, тяжело отдуваясь, выпрямился. — Поеду к морю и там... там видно будет. — Достал сигарету, закурил, но, затянувшись два раза, бросил ее. Растоптал. Сказал с кривой усмешечкой: — Эх, встретиться мне сейчас я сам, семнадцатилетний, все бы уши себе оборвал: не выпендривайся, не воображай, будь проще!

Свет приближающихся фар все резче и резче выделял из темноты белое, с остановившимися глазами, лицо Владьки. Сверкнули очки; тени носа, глазниц ползли стремительно, и казалось, что профессор гримасничает; на секунду лицо стало плоским, как маска, и тут же нырнуло в ночь — грузовик промчался. И опять начало выплывать, точно на фотобумаге в проявителе, когда, в нарастающем реве, показалась другая машина. И опять исчезло.

— Ты думаешь, это что-нибудь изменило бы? — спросил из темноты Владька.

— А как же, — Юрий Иванович снова закурил. Лениво, скучающим голосом принялся фантазировать. — Представь меня семнадцатилетним, но с нынешним жизненным опытом, с моими взглядами и так далее. Нет, давай по-другому. Представь, что я, семнадцатилетний, знал бы, что меня ждет. Разве я повторил бы свои ошибки, заблуждения? Да никогда! — замахал энергично рукой, отчего красный огонек сигареты заметался, словно зачеркивая, затухевшая что-то.

— Ладно, поехали, — сухо приказал Владька. — Скоро Староновск.

— Поехали, — согласился Юрий Иванович. Выщелкнул сигарету на середину шоссе. Посмотрел, как она затухает, точно немигающий красный глаз прикрывался сонно, и забрался в машину.

— Ну, а что бы ты стал делать, окажись семнадцатилетним, но с нынешним жизненным опытом? — не повернув головы, поинтересовался Владька.

Он сидел за рулем прямой, строгий, и слабый ответ приборного щитка делал его лицо жестко-чеканным.

— Не знаю, — Юрий Иванович пыхтел, застегивая ремень. — Я ведь в школе порядочной дрянью был. Постарался бы вести себя по-другому, — щелкнул замком. — Ну, приковался, наконец. Трогай, профессор.

— Не замечал, чтобы ты был дрянью, —

Владька, поглядывая в зеркальце заднего обзора, вывел машину на шоссе.— Наоборот, считал тебя...

— Считал, считал. Все считали,— ворчливо оборвал Юрий Иванович. Устроился поудобнее.— А ты никогда не задумывался, почему мы с тобой не были друзьями?— Прислушался, но приятель пробурчал что-то невнятное.— Поясню. Я завидовал тебе, твоим способностям. Боялся тебя, боялся, что рядом с тобой окажусь в тени.

— Это ты-то?! Ну уж...

— Я, я,— деловито заверил Юрий Иванович.— И не только завидовал, но еще и гадил тебе. Вспомни историю с Цыпой и его кодлой. Без меня не обошлось. А комсомольское собрание, когда тебя чуть не исключили? Как я тогда изгалялся...

Машина дернулась в сторону, свет фар широко, слева направо, полоснул по асфальту.

Юрий Иванович повел глазами в сторону водителя, придавил вздох. Уткнул бороду в жирную грудь, сцепил на животе руки, прикрыл глаза: вспомнил то, давнее, комсомольское собрание.

В конце урока зоологии Владька спросил у учительницы: почему у кошки рождается кошка, а не щенок, допустим, и как получается, что из маленького семени вырастает, предположим,

слон — что же, в этом самом семени заложены, что ли, все данные о будущем слоне, и если да, то как они тогда там выглядят? Юрка Бодров насторожился, как охотничий пес, почуявший дичь. Учительница, молодая и застенчивая, краснела, бледнела, усмотрев в вопросе Владьки нездоровый интерес к половой жизни, и, не зная, что ответить, предложила с натянутой улыбкой классу: «Ну, кто хочет объяснить Борзенкову столь очевидные истины?» Столь очевидные истины захотел объяснить, выметнувшись из-за парты, отличник Бодров. Он язвительно и безжалостно обвинил Борзенкова в витализме, вейсманизме-морганизме, заявил, что Владислав склонен, видимо, к идеализму, допускает, судя по всему, существование души, если предполагает, что... Закончить обличение не дал звонок.

Класс зашумел, загалдел: никому ни до наследственности, ни до души не было никакого дела.

Юрка, предчувствуя будущее свое торжество, перехватил учительницу у двери и настоял, чтобы на следующем уроке ему разрешили продолжить выступление. Хорошо, если бы и Борзенков подготовился, почетче изложил бы свои мысли: пусть будет нечто вроде диспута. Юная учительница, еще не забывшая институтские лекции о работе с детьми, восторженно закивала:

«Да, да, диспут это хорошо, это свежо, это не формально... Ты согласен, Владик?»

Через три дня в класс нагрянули директор, завуч Синус, ботаничка, анатомичка, и Владьку вызвали к доске. Начал он уныло, казенно, лишь бы отделаться, но потом, словно размышляя вслух, стал сам себе задавать вопросы и оживился. Заявил, что в семени должна быть заложена какая-то информация о наследуемых признаках, раз вид сохраняется исторически и каждая особь повторяет устойчивые характеристики родителей; скорей всего, информация эта заложена в молекулах, сцепленных определенным образом, и если точно так же сцепить в лаборатории те же молекулы, то можно и в колбе вывести любое существо, вплоть до человека, а значит, не так глупы были алхимики со своей идеей гомункулуса. Тут Владька почувствовал, что заговорился, испугался и с отчаяния обрушился зачем-то на Мичурину, намекнув, что он чудак и самоучка, который слепо тыкался, не понимая, что делает и что получится, так как нет научной теории наследственности. Учителя за столом оцепенели с окаменевшими лицами, лишь Синус ерзал, поглядывая оживленно то на выступающего, то в класс, да анатомичка поинтересовалась ехидно: «А как же Дарвин? Он что же, не авторитет для тебя?» Владька угас, сник, но все же осмелился промямлить, что Дарвин, конечно, великий ученый, но он только указал на естественный отбор, а как это происходит на зародышевом уровне, не объяснил. И сел на место.

Оппонент Бодров бойко вышел к доске. Популярно изложил основы материалистической, мичуринской — тут он многозначительно посмотрел на Борзенкова — биологии, охарактеризовал вейсманизм-морганизм, вскрыл его реакционную сущность и подошел к выводу, что Владислав Борзенков стихийный последователь Менделя — недаром оппонент Бодров два вечера подряд изучал «Краткий философский словарь», — если оспаривает материалистическое объяснение наследственности. Хотя, честно говоря, оппонент Бодров шибко сомневался в своих обвинениях: ведь Владька говорил о молекулах, а что может быть материальней? Мало того, возмущенно объявил классу, а в особенности учителям, четырнадцатилетний начетчик, Борзенков-де считает кибернетику не буржуазной лженаукой, а делом интересным; он же, Борзенков, говорил как-то, что Вселенная когда-то была сосредоточена в точке, а после некоего взрыва стала расширяться. «Кто же устроил этот взрыв? Бог, что ли? — гневно вопрошал Юрка. — Что же получается, Вселенная имеет начало, предел, а зна-

чит, конечно в пространстве и времени?» И предложил урок прервать, а сейчас же открыть комсомольское собрание, чтобы обсудить взгляды Борзенкова.

Соученикам надоел спор двух отличников, в котором никто ничего не понял; класс привычно шушукался, хихикал, шелестел бумажками, а тут мгновенно притих, словно его прихлопнули огромной ладонью. Директор предложение принял и серьезно оглядел всех... На суровые расспросы комсомольца Бодрова комсомолец Борзенков совсем уж еле слышно пояснил, что о кибернетике и Вселенной читал материалы — «правда, дискуссионные» — в журналах «Знание — сила» и «Наука и жизнь», были еще статьи в «Комсомольской правде». «Комсомольская правда» да Синус, который, выступив, назвал ученика Борзенкова умным, ищущим мальчиком с неординарным аналитическим мышлением, с поразительной для такого возраста эрудицией и любовью к знаниям, спасли Владьку. Ему хотели объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку, почему-то с формулировкой «за мелкобуржуазный индивидуализм и космополитизм», но ограничились выговором...

— Извини меня за то собрание, — отирая лицо, будто снимая с него паутину, попросил Юрий Иванович. — Хоть и поздновато, но... Лучше поздно, чем никогда, верно?

— Лучше никогда, чем поздно, — желчно ответил Владька и, устыдившись тона, добавил примирительно: — Чего теперь вспоминать... — Откинулся, уперевшись руками в руль, и выдохнул радостно: — Ну вот! Считаю, приехали.

Машина, долго взбегавшая на затяжной уклон, одолела, наконец, его, и Юрий Иванович увидел внизу, в темноте, огромное черное пятно, искрапленное светлыми прямоугольничками окон, прошитое и перечеркнутое пунктирами сверкающих точек. «Жигули» нырнули вниз, покатали по длинному пологому спуску; огоньки города поползли вверх, потом исчезли, заслоненные чем-то большим, бесформенным. «Дурасов Сад», — догадался Юрий Иванович. Он занервничал, зашевелился, пригнулся к стеклу. Машина прошуршала по бетонному мосту, которого раньше не было — блеснула внизу на удивление узкая, точное ручеек, речка детства, — и «Жигули» вывернули на залитую светом фонарей площадь. Юрий Иванович увидел огромное белокаменное, со стеклянными стенами, здание — по фронтому его зеленела неоновая надпись: «Кинотеатр «Космос»; гранитного солдата, скорбно склонившего голову у вечного огня; воздушный и легкий павильон с алой буквой «А».

— Остановить? — спросил Владька.

— Не надо,— Юрий Иванович выпрямился. Это был не его Староновск.— Посмотрю завтра,— и заметил обиженно:— Ничего не узнаю.

— Я хотел предупредить тебя, но не решался...— Владька смущенно откашлялся.— Вашего дома тоже нет.

— Зря не сказал. Я бы не поехал,— Юрий Иванович пожевал губами, поинтересовался брюзгливо:— Чем же он помешал?

— Там построили учебный центр: филиал сельхозинститута, техникум механизации, медучилище и прочее. Ну и нашей лаборатории место отвели.

— Понятно. Больше нигде построить было нельзя.

Юрий Иванович без интереса смотрел на пронесившиеся мимо старые, нетронутые здания улицы Ленина; узнал изощренно-причудливый кирпичный Дом культуры; увидел Дворец пионеров с его вычурной чугунной решеткой и все с тем же облупившимся горнистом за ней, но остался равнодушным. Машина свернула в переулок, повернула еще раз и оказалась на улице его, Юрия Ивановича, детства. Промелькнул тяжелый, еще дореволюционной постройки амбар— раньше здесь была пимокатная артель имени Седова, проехали особняк купца Дурасова: с башенками, мансардами, резными флюгерами, кокошниками над окнами, и Юрий Иванович резко повернул голову налево— сейчас будет квартал, где стоял дом матери. И увидел вольготно разбросанные параллелепипеды и призмы построек стандартно-панельной архитектуры, меж которыми зеленели в свете фонарей лужайки, газоны, куртины.

Владька подрулил к символическим— две бетонные стелы— воротам, попетлял по асфальтовым дорожкам и остановил машину перед приземистым кубическим зданием с ажурной чашей антенны наверху.

— Узнаешь место?— он выключил двигатель, дернул рукоятку тормоза.— Именно здесь вы когда-то жили.

— Обрадовал!— раздраженно проворчал Юрий Иванович осевшим голосом. Отстегнул ремень, выбрался наружу.

Осмотрелся. Прочитал сверкающую— золотом по черному— табличку: «Староновская лаборатория института физики полей АН СССР».

— Солидная контора,— хмыкнул неуважительно.— И ради нее сломали наш дом?

— Нет, почему же. Мы ни при чем. Когда тут стали все сносить, я настоял, чтобы нам выделили непременно этот участок,— Владька с деловитой заботливостью поглядел по сторонам.

— Безграмотно написано,— с удовольствием

заметил Юрий Иванович.— Что имеется в виду, сельхозполей академии наук? Почему тогда не физика лугов? Или пашен, например?

— Ага,— рассеянно согласился приятель.— А помнишь, у вас здесь цветы росли?— показал на асфальтовую площадку, где остановились «Жигули».— Пахли по вечерам— с ума сойти можно. Я своему завхозу все время говорю, чтобы посадил. Не слушается, фыркает... А на этом месте у вас сарай был, летом ты в нем спал,— повел рукой в сторону светлого длинного здания, состоящего, казалось, из сплошных окон.— Сейчас тут сотрудники живут, а мы в том сарае когда-то однажды всю ночь в «дурачка» проиграли. Помнишь?

Юрий Иванович не помнил этого.

— М-да,— он глубоко всунул руки в карманы пиджака, повернулся на каблуках.— Все чужое. Все... Школа-то хоть цела?

— Цела,— Владька тронул его за плечо.— Пойдем. Надо выспаться. У меня в семь эксперимент.

— Ты ступай, а я попозже,— Юрий Иванович достал сигареты, закурил. Присел на спинку скамейки, сделанной из половины расколотого вдоль бревна.— Только покажи, в какое окно постучать. Или у вас там дежурят?— выпустил струйку дыма в сторону жилого корпуса.

— Тогда и я не пойду. С тобой останусь,— Владька тоже всунул руки в карманы, сел на скамейку, вытянул ноги.

— Это еще зачем?— вяло и снисходительно поинтересовался Юрий Иванович.— Я— понятно. Приехал на родное пепелище, хочу поразмышлять, повспоминать. Может, я сентиментальный,— он усмехнулся.— Вот докурю, пойду шляться по городу, слезы из себя выжимать.

— А я не пуццу,— серьезно ответил Владька.— Или с тобой пойду.

— Не выдумывай. Спать я не хочу, а тебе надо. Эксперимент-то важный?

— Важный.

— Вот видишь. Иди отдыхай,— Юрий Иванович встал, бросил окурочек в урну, направился было прочь, но Владька вскочил, вцепился ему в рукав.

— Да что с тобой?— возмутился Юрий Иванович и расвирепел.— Я один побыть хочу. Понял? Один! Неужели ты такой бестолковый?!

— Хорошо. Будь по-твоему,— приятель нехотя разжал пальцы.— Но дай слово, что ты без меня не поедешь... к морю.

— Однако манеры у вас, профессоров,— покрутил головой Юрий Иванович.— Никогда, никому, никаких слов не давал и не собираюсь!

— Что ж... В таком случае, прошу только об

одном: вернись, пожалуйста, к семи,— взгляд профессора стал требовательным.

— А как я узнаю время? — Юрий Иванович, слегка сдвинув рукав к локтю, насмешливо сунул руку под нос приятелю.

— Возьми,— тот снял свои часы, быстро защелкнул металлический браслет на запястье Юрия Ивановича. Точно наручники клацнули.— Обязательно вернись до семи. По многим причинам эксперимент можно провести только в это время, поэтому отменить его никак нельзя.

— Ну-у, меня ваши физические проблемы не волнуют,— Юрий Иванович подчеркнуто пренебрежительно поморщился, опять сунул руки в карманы, качнулся с пяток на носки.

— Зато меня волнуют,— сухо и деловито отрезал Владька.— Очень волнуют. Поэтому не подведи, будь другом. Времени, чтобы повспоминать, у тебя достаточно.

— Ладно, договорились. Спи спокойно,— Юрий Иванович не спеша, вразвалку отошел. Обернулся, взмахнул бодренько рукой.— Удачной аннигиляции, профессор!

Владька переполошился, даже ладошкой слабо, как от нечистой силы, отмахнулся.

— Покаркай еще! — выкрикнул возмущенно.— Ты хоть знаешь, что это такое?!

Юрий Иванович захохотал и свернул за угол лаборатории. Часы и браслет прохладным тяжелым ободком давили на кисть руки; Юрий Иванович машинально глянул на циферблат; не вдумываясь, который час, понаблюдал, как выскакивают секунды на электронном табло. «Надо будет вернуться вовремя. Очень уж дорогой товарищ Борзенков просит». Не хотелось уходить из жизни с сознанием, что подвел последнего приятеля.

Юрий Иванович с мучительной остротой понял, как непоправимо одинок, поэтому неприятно было думать, что Владька хоть и помянет когда-нибудь, при случае, Бодрова, не нарушая традиций, добрым словом, но про себя добавит, что подложил ему свинью этот самый Бодров в день ответственного эксперимента. «Хотя, зачем я ему?» Юрий Иванович решил было пригрустнуть, представив, как поедет в Крым, чтобы холить и лелеять мысли о своем скором конце, но вызвать нужный настрой не удалось — в груди уже сладко ныло, уже складывались в улыбку губы, потому что десять лет то вприпрыжку, то понуро, то важно ходил Юрка, потом Юрий Бодров этой дорогой в школу.

Обогнув длинный барак, в котором прежде был детский сад, Юрий Иванович почувствовал, что улыбка стала еще шире — увидел школьный стадион: так же белели стойки футбольных во-

рот, на том же месте была яма для прыжков и высокая П-образная конструкция, на которой висели канаты, гимнастические кольца, шест. Но около школы Юрий Иванович чуть не сплюнул, увидев приземистый крупнопанельный пристрой. Однако тут же успокоился и даже немного позабавился нынешним ученикам — догадался, что перед ним спортзал. Хороший, судя по всему. А им-то, школьникам прошлого, приходилось заниматься в бывшем актовом зале гимназии. Правда, грех жаловаться, довольны были, даже в волейбол и баскетбол там играли.

— Ах ты, старенькая альма-матер,— Юрий Иванович потрогал шершавые, пористые кирпичи школы.

Обошел здание кругом, отыскал взглядом место, где угадывались окна его класса, крайние справа на втором этаже. Закурил, сел на прохладный мрамор парадного крыльца, прислушался к тишине и, подняв голову, засмотрелся на высокий, словно отлитый из густо-синего стекла, свод неба. На его фоне ровно и чисто светились объемные, если присмотреться, крупинки звезд в немыслимом отдалении, а за ними чувствовалась, подозревалась вовсе уж невообразимая даль.

— Две вещи наполняют меня все большим удивлением: это звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас,— поэтически-манерно взметнув руку, продекламировал, слегка подвывая, Юрий Иванович и вспомнил, как поразился, впервые услышав эти слова.

В ту осень школьников впервые послали в колхоз. До этого учеников никогда ни на какие уборочные не направляли, и что они будут делать в деревне — не знал никто, в том числе и сельское начальство, поэтому оно ахнуло, крикнуло, когда из города прикатили два грузовика с ребятами, поэтому же восьмой «Б», потолкавшись часа полтора возле правления, снова погрузился в трехтонный «ЗИС» и очутился в степи, такой белой от ковыля, что казалось, будто на землю опустились усталые перистые облака.

Под вечер одеревеневший и онемевший от тряски восьмой «Б» прибыл к трем полуразвалившимся кошарам и, постанывая, сполз на землю около крохотной черной избенки. Никто их здесь, конечно, не ждал. Пастухи с отарами были где-то на дальнем пастбище. Хозяйка избушки, морщинистая и коричневая, будто копченая, потерялась, раскричалась: зачем нагнали сюда мелюзги-дармоедов?! «Чистить, ремонтировать кошары», — начал объяснять Синус, но женщина замахала руками и рассердилась не на шутку. Потом немного поостыла, но ворчать не перестала. Ворча, развела костер, ворча, вскипятила

чай в огромном казане, ворча, выкинула несколько кисло пахнущих кошм, какие-то липкие на ощупь стеганные одеяла, ворча, пустила девчонок ночевать в помещение. Парни, расхватав постели, уползли за избушку в темноту, подальше от учителя, и сразу же оттуда послышались шепот, возня, хихиканье, довольное гоготание. А Владька, Юрка Бодров, Синус остались у костра, и Юрка, опрокинувшись спиной на кошму, увидел вдруг небо — необъятное, безмерное, бездонное, увидел крупные звезды, похожие на раскатившиеся шарики ртути, увидел и великую бесчисленность мелких, сливающихся в полосы смазанных пятен, напоминающих белую наждачную пыль. От притаившегося в темноте ручья тянуло сырой прохладой; слабо пахло дымком, овцами, конями, какими-то горьковатыми и пыльными травами, гуннами, скифами; мерно и печально звала кого-то вдаль неведомая ночная птица; что-то шуршало, шелестело, попискивало вокруг — а надо всем этим черное небо, надо всем этим — звезды, гипнотизирующие, равнодушные, чужие. И, словно погружаясь в убаюкивающие волны, Юрка почувствовал себя одновременно и ничтожным, крохотной частицей живого в этой бесконечной, беспредельной ночи, и великим — он ощутил грандиозность мира, в холодной пустоте которого вековечно плывет маленькая Земля, и словно бы увидел ее со стороны — сверкающие льды Арктики и Антарктики, ярко-желтые пустыни, густо-зеленые джунгли, голубые реки, синие моря, океаны, серокаменные города с их небоскребами, дворцами, трущобами; увидел умопомрачительное множество людей: черных, белых, желтых, молодых и старых, мужчин и женщин, детей, пастухов, охотников, нищих, капиталистов, ученых, отдыхающих бездельников, шахтеров, крестьян, матросов, которые сейчас работают, спят, ссорятся, смеются, болеют, и горделиво подумал, что, вот, есть среди них и он — Юрий Бодров, — единственная реальность, потому что все иное где-то там, далеко, оно бесплотно, тенеподобно, — и есть ли вообще? — а он, Юрка, материальный, осязаемый, может даже себя ущипнуть, он способен представить себе любые края, картины, сцены, может, как только что, удалившись в воображении, увидеть издалека крохотную Землю, может, оказавшись еще дальше, совсем не увидеть ее, затерявшуюся среди мириад других точек на небе, и, значит, в нем, Бодрове, сосредоточено все — исчезнет он, все исчезнет.

Синус улегся рядом и вот тут-то, разглядывая небо, сказал задумчиво, что две вещи наполняют его все большим удивлением: это звездное небо над нами и нравственный закон внутри

нас. Юрка не знал, что такое «нравственный закон», но спросить не решился, побоялся выглядеть глупым, поэтому лишь мудро и многозначительно вздохнул, чтобы было ясно: о да, да, он, Бодров, полностью согласен. Владька поинтересовался, кто так красиво сказал о звездах и нравственности? Синус ответил: Кант. Юрка насторожился, посмотрел сбоку на классного руководителя — не шутит ли он? — но лицо учителя, смутно белевшее в темноте, было серьезным и немного торжественным. И тогда Бодров встревоженно удивился: Кант? Как же так? Ведь он идеалист! Синус поднял голову, посмотрел внимательно на Юрку и согласился, не скрывая раздражения, что да, Кант — идеалист, но он-то, Евгений Петрович, учитель математики и завуч, убежденный материалист, поэтому, дескать, у Бодрова не должно быть причин для беспокойства. Владька приглушил смехок, Юрка огорченно и испуганно сжался — понял, что чем-то обидел любимого преподавателя, но чем? Чем? И Синус, видно, почувствовал неловкость. Помолчав, он поинтересовался деловито, что думают Бодров и Борзенков о «Туманности Андромеды», которая как раз в это время печаталась с продолжением в «Пионерской правде». Юрка, чтобы реабилитироваться, принялся с жаром рассуждать о нейтронных звездах, гравитации, антивеществе, Владька поддакивал, ерзал, пытался вставить хоть слово и, когда умудрился вклиниться, выпалил, что самое невероятное, самое удивительное — парадокс времени, которре, ну прямо в голове не укладывается, может, оказывается, ускоряться, замедляться и даже остановиться...

— М-да, нравственный закон, — Юрий Иванович, кряхтя, поднялся с крыльца. Восток уже налился прозрачной зеленью, переходящей внизу в яркое свечение; небо над головой опустилось, вылиняло, звезды, прилипнув к нему, стали плоскими, поблекли.

Юрий Иванович медленно направился вдоль стены. Остановился около пришкольного участка, навалился животом на заборчик. В младших классах они каждый год высаживали на этом огороде какие-то кустики, каждый год те не приживались, а вот у нынешней малышни дело, видать, наладилось: плотной стеной по периметру, рядками в центре, стояли крепенькие, бодрые малины-смородины.

Рядом со школой была площадь, казавшаяся в детстве бескрайней, но Юрий Иванович не удивился, когда, выйдя на нее, увидел, что площадь оказалась обыкновенной, хотя и уютно-травянистой, поляной. Обошел церковку, прежде огромную, с высоченной колокольней, а теперь

съежившуюся, точно старушка на исходе дней; прочитал у входа: «Краеведческий музей г. Староновска», с уважением посмотрел сперва на табличку «Памятник архитектуры XVII в. Охраняется государством», потом на облупившиеся стены, окна-щели, заколоченные дощатыми щитами.

Близ неуклюжего и нелепого строения — полуподвал каменный, верх, накренившийся к дороге, наполовину кирпичный, наполовину из бревен — опять остановился. Теперь здесь гортоп, а раньше была почта. Отсюда Ю. Бодров отправлял письма со стихами и заметками сначала в «Пионерскую правду», потом в «Комсомольскую правду». Стихи не печатали: книжные, мол, живого чувства нет, да и форма хромает. Заметку одну опубликовали. В «Пионерке». О сборе металлолома. Да и то старшая пионервожатая рассердилась — с нее в райкоме комсомола потребовали те тонны «ценного вторичного сырья для металлургии», о которых писал юнкор Бодров, а во дворе школы сиротливо мокла под дождем, раскалялась на солнце, прижатая ржавой койкой, кучка дырявых ведер, помятых тазов и корыт.

Юрий Иванович прошел мимо веселого, с кирпичными розетками, длинного здания. В нем была редакция районной газеты и типография — а может, и сейчас они тут? — но сюда Ю. Бодров со своим творчеством не совался: стеснялся, думал, что осмеют — вот, дескать, посмотрите, писака нашелся, да и несolidной считал он, в глубине души, газетку. То ли дело получать фирменный, пусть даже с отказом, конверт из Москвы.

Свернул в переулочек, побрел, пугая сонных кур, мимо серых изгородей, серых поленниц с пересохшими дровами и внезапно остановился — вот куда, гляди-ка, занесло! Веселое, яркое солнце, поднявшись над крышами, кинуло через улицу длинные тени, осветило громоздкий, без ставней, дом, заиграло, растеклось сверкающими пятнами по его стеклам. Здесь когда-то жила первая любовь Юрия Бодрова.

Влюблялся Юрка Бодров и раньше: то в пепельноволосую, «типичную представительницу», как ее называли ученики, учительницу литературы, то в итальянскую кинозвезду Джину Лоллобриджиду, то в рыжую продавщицу киоска «Союзпечать», но чувство, которое обрушилось на него, когда увидел на сцене Дома культуры Лариску Божицкую, оказалось ни с чем ни сравнимым, неожиданным, удивительным, невыносимо мучительным, окрыляющим и оглупляющим одновременно.

Был смотр школьной самодеятельности, и Ла-

риска исполняла монолог из какого-то водевиля. В широкополой соломенной шляпке, с чем-то розовым на плечах, она жеманничала, кокетничала, лукаво прикрывала лицо веером, и ее черные глаза блестели, то щурились, то распахивались изумленно, а Юрка сидел в первом ряду, обмирал, готов был от счастья шпынять локтями соседей, хватать их за руки, но не шелохнулся, окаменел и, чувствуя, что краснеет, с радостью и испугом прислушивался к себе — кружилась голова, хотелось смеяться, орать от восторга. Совсем забыл, что это та же самая Лариска — второгодница из девятого «А», которую, как ответственный за учебный сектор, отчитывал он на бюро, вернее, не забыл, а не хотел об этом думать: та была двоечница в коричневом платье, в черном переднике, школьница с настороженными, недобрыми глазами, а эта, на сцене, другая — веселая, соблазнительная, праздничная. И ему тоже стало весело, легко, празднично. В этом состоянии «телячьего восторга», как тогда говорили, он отыграл во втором отделении сцену из «Машеньки» Афиногенова и улыбался во весь рот, даже когда, изображая якобы уставшего жить Виктора, должен был ныть: «Как тяжело ходить среди людей и притворяться непогибшим», даже когда поцеловал в щеку заранее съежившуюся от смущенья Машеньку — Лидку Матофонову, потому что видел вместо этой бездарной партнерши, с ее неуклюжими движениями, с ее шарнирными руками, воздушную, порхающую Ларису.

С этого дня началась для него жизнь, полная страдания и восторга: он, встретив Божицкую, или вышагивал мимо ходульной, солдафонской походкой, или, обомлев, говорил и себе-то противным то писклявым, то хриплым голосом, а на бюро, когда Ларису опять ругали за двойки, Бодров, который и троечников-то презирал, страдал из-за нее, убежденный, что она умница, что скрывает свои редкостные способности по каким-то ей одной ведомым причинам, и изнывал от умиления и этими тонкими, в чернильных пятнах, пальцами, и этими спиральными кудряшками на висках, и кружевным воротничком на форменном, но таком симпатичном платье.

Он отчаянно завидовал Генке Сазонову, который мог без робости болтать с Божицкой и даже — подумать только! — ходил с ней в кино. А однажды чуть не задохнулся, чуть не закричал от обиды и оскорбления, когда увидел Ларису рядом с Цыпой. Этого шпаненыша с косою сальной челкой и всегда приоткрытым ртом Юрка панически боялся и ненавидел, как боялся и ненавидел, содрогаясь от брезгливости, мокрицы, пиявок, мохнатых пауков. Но даже еще не раз

встретив Ларису с Цыпой, уходил по-прежнему почти каждый вечер к дому Божицких, потому что не мог избавиться от наваждения — ее лица, ее глаз, ее улыбки. До поздней ночи, в снег ли, в метель ли, иногда и в дождь, прятался Юрка Бодров в тени на другой стороне улицы и, презирая себя за пошлость и литературность такого бдения, смотрел на окна Ларисы, где, если повезет, мелькал изредка на белом стекле стремительный гибкий силуэт.

Так длилось почти год. Но потом все кончилось. К очередному смотру самодеятельности драмкружок Дома культуры решил поставить «Свои люди — сочтемся». Подхалюзина должен был играть Бодров, а роль Олимпиады, Липочки, дали медсестре, которую все мужчины звали Тонечкой. Юрка, как увидел ее, заскучал. Крепенькая, пышногрудая, румяная Тонечка была, конечно же, похожа на купеческую дочь, но... перед глазами стояла Лариса: в соломенной шляпке, в розовой накидке, обаятельная, веселая, милая. Юра представил, как было бы отлично работать с ней на сцене, а потом вместе идти после репетиции домой...

И он решил. В воскресенье отправился к Божицким. Прошагал с независимым видом мимо ворот; еще раз, потом другой. Наконец, с отчаяньем развернулся, вошел во двор, холодея от страха, стыда и смущенья. И сразу увидел ее. Лариса, задумавшись, возвращалась из огорода, оступаясь на узенькой, глубокой тропке, пробитой в снегу, а за спиной возлюбленной еще поднимался парок от мокрой проплешины на желтой лебяжьей куче с вмерзшими тряпками, бумагой, объедками. В красной от стужи руке Ларисы было черное помойное ведро, и от него тоже поднимался парок. Она шла, опустив голову, а Юрий Бодров изумленно разглядывал ее большую, не по росту, лоснящуюся телогрейку, клетчатый старушечий платок, обмотавший вкривь и вкось голову, огромные подшитые валенки, заляпанные навозом, подоткнутый подол застиранного бурого платья, из-под которого выглядывали красные, как и руки, ноги с синими коленками.

Лариса подняла голову, взвизгнула, присела на секунду, сбивая ладонями подол. «Чего пришел? Чего надо? — закричала зло. Поставила ведро, стремительно пошла к воротам, взмахивая рукой, словно выгоняя заблудшую корову. — Ну-ка, проваливай отсюда!» Он, прижавшись к калитке, принялся торопливо рассказывать про пьесу, про роль. Лариса, запахнув ватник, смотрела исподлобья, хмуро. От нее пахло не то клеенкой, не то мокрой тряпкой, которой вытирают стол, и это неприятно поразило Юрку.

«На фиг нужна мне твоя роль, — процедила Лариса по-уличному, сквозь зубы. — Играй ее со своей Тонечкой», — и засмеялась. Нехорошо, с ехидцей засмеялась...

Юрий Иванович вспомнил этот смех, вспомнил и парной запах, который долго-долго преследовал его и от которого зачало, скисло ощущение праздника, пока вместо него не всплыли удивление, досада, а потом и стыд за себя.

И все же Юрий Иванович почти с нежностью смотрел на дом Божицких, потому что та радость, которую подарила его душе Лариса, была самым сильным и ярким воспоминанием далеких лет. Он испугался, что его могут увидеть, и хотел уже уйти, но калитка ворот широко распахнулась и в проеме ее появилась женщина.

— Заходите, заходите, — певуче пригласила она не совсем трезвым голосом. — Я в окно вас увидела, вышла встретить. Вы, наверно, родственник Володи?

— Нет, нет, — испугался Юрий Иванович. — Извините. Я не к вам. Я тут случайно.

Солнце высветило женщину, шагнувшую навстречу, и он сразу узнал Ларису. Конечно, она постарела, отяжелела, но голос тот же, те же черные блестящие глаза, та же манера кривить рот, растягивая слова.

— Так вы не на свадьбу? — слегка удивилась Лариса, поджала в раздумье губы. — Прошу прощенья, — но, оценивающе оглядев Юрия Ивановича с головы до ног, взмахнула беспечно ладонью. — Все равно заходите. У меня дочка женится, то есть... — мелко засмеялась, помотала головой, — замуж выходит. Поздравьте ее.

— Ну что вы, неудобно. Спасибо. Извините, — Юрий Иванович попятился.

— Неудобно только штаны через голову надевать, — решительно заявила Лариса. Подошла, слегка покачиваясь, и от этого казалось, что она, обтянутая серебристым, переливающимся платьем, подкрадывается. Взяла осторожно, но властно под локоток. — Идемте, идемте... — Почувствовал сопротивление, взглянула удивленно. — Вы что, обидеть хотите?

Юрий Иванович, улыбаясь, смотрел сверху и сбоку на нее, прислушивался к себе, к легкому запаху духов, к требовательному усилию ладони, и ему было одновременно и смешно и тоскливо. Лицо Ларисы ужесточилось, четче проступили морщинки на переносице и около прищуренных глаз, но вдруг глаза эти медленно раскрылись, в них мелькнуло недоверие, потом растерянность, потом изумленье, потом радость.

— Бодров? — с сомнением и надеждой спросила она. Отступила на шаг, заулыбалась натянуто. — Ну, конечно, Бодров! — Дотронулась ми-

зинцем до подбородка Юрия Ивановича, отдернула руку.—Надо же... Борода. Колючая какая. Откуда ты взялся?

— Да вот, еду... к морю,—Юрий Иванович смущенно почесал нос.—Завернул на денек.

— Господи, да ведь и впрямь Бодров! — женщина ахнула, хлопнула перед своим лицом в ладоши, отчего кольца на пальцах металлически стукнули. Покачала головой.—Солидный какой стал, важный. В больших чинах, наверно, ходишь, в большие люди выбился,—и переполошилась: —Чего же мы стоим? Пошли, я тебя дочке покажу, гостям представлю,—и уже уверенно схватила Юрия Ивановича под руку, прижалась к нему.

— Неловко как-то. Да и спят, пожалуй, еще...—упирался Юрий Иванович, хотя ему очень хотелось бы взглянуть на дочь Ларисы.

— Ничего, разбудим,—твердо пообещала женщина.—Нечего дрыхнуть, раз такой человек пришел.

— Не делай этого, не надо,—взмолился Юрий Иванович. Глянул на часы — «06.07» — и нарочито громко встревожился.—Опоздываю! Меня машина ждет.

— Подождет, никуда не денется,—голос у Ларисы был властный, пренебрежительный, но неожиданно сразу же изменился, стал неискренне умильным, чуть ли не заискивающим.—А вот и дочка моя, Оленька. Познакомьтесь.

В калитке, уперевшись руками в столбы, стояла, слегка постукивая носком белой туфельки, девушка в белом же, затейливом, платье. Лицо у нее было утомленное, бледное после бессонной, сумбурной свадебной ночи.

— Что это значит, мама? — холодно спросила Ольга.

— А ничего не значит. Мала еще допросы устраивать,—резко, почти крикливо, ответила мать.—Поздороваться надо сначала,—она еще плотней прижалась к Юрию Ивановичу.

Дочь еле заметно повела плечами, еле заметно усмехнулась.

— Здравствуйте.

А Юрий Иванович глядел на нее и видел ту, давнюю, хрупкую и стройную, Ларису — так похожа была Ольга на мать в молодости. Только у этой девушки взгляд независимей и уверенней, чем у Ларисы в юности, и губы откровенней кричатся в снисходительной усмешечке.

— Я школьный друг вашей мамы,—кашлянув в кулак, пояснил Юрий Иванович.—Мы целую вечность не виделись, и вот — случай помог. Я тут ненароком оказался. Мы с Владькой, с Борзенковым... — уточнил, глянув на Ларису: помнит ли она Владьку?

— Ах, так вы с Владиславом Николаевичем приехали? — Ольга смутилась.—Простите меня, я не знала.—Она слегка отступила в глубь двора.—Проходите, пожалуйста. Мы очень рады,—но в голосе была неуверенность, почти растерянность. Юрий Иванович догадался, что девушка обеспокоена: мало ли как гость воспримет беспорядок после пира.

— Прошу, ради бога, не обижаться и не сердиться, я не могу,—он прижал руку к груди.—Никак не могу... В семь у нас очень важный эксперимент,—и сделал серьезное, значительное лицо.

— Знаю, знаю. Пуск установки «Ретро». Я ведь тоже у Владислава Николаевича работаю. Программисткой,—Ольга откровенно обрадовалась, что приезжий отказался зайти, но сочла нужным сделать опечаленный вид.

— Все же надеюсь, что вы как-нибудь заглянете к нам? — и с уважением посмотрела на мать.

Та победно глянула на нее, приказала:

— Принеси нам сюда чего-нибудь,—открыла калитку в палисадник.—Мы выпьем за встречу и за твое счастье...

— Но товарищу...

— Бодрову,—с гордостью подсказала Лариса.

— Товарищу Бодрову, наверно, нельзя? — с утвердительными интонациями предположила дочь.

— Можно,—резко заявил Юрий Иванович. Ему не понравилось, что эта девочка решает за него, да еще так уверенно.

— Ты же знаешь, мама, что у нас...—Ольга сделала страшные глаза, растопырила в сдержанном возмущении пальчики.

— Ничего, давай, что осталось. Тащи водку,—разрешила Лариса. Пропустила Юрия Ивановича вперед, похлопала его по широкой кожаной спине.—Он хоть и академик, а прежде всего — мужик.

— Что-то очень уж ты меня вознесла — академик! — хмыкнул Юрий Иванович, втискиваясь между хлипким садовым столиком и скамейкой.

— А чем ты хуже Борзенкова? — удивилась Лариса.—Ты был способней, напористей, всегда на виду.—Она села напротив, перекачнувшись, перзала, устраиваясь поудобней. Оправила платье.—Владька членкор, а тебе, выходит, сам бог велел действительным быть. Пожалуй, уж и Героя Труда получил? А? — без любопытства, из вежливости, поинтересовалась и польстила неумело.—Глядишь, в твою честь улицы называть будут.

Юрий Иванович, хакнув, наморщил лоб, яро-

стно почесал его. «Владька — членкор! — ошале-ло повторил он.— Академик! С ума сойти...»

— Чего молчишь? Засекреченный, что ли? — насмешливо полюбопытствовала Лариса. Уперлась локтями в стол, положила подбородок на сцепленные пальцы, и взгляд женщины, доброжелательный, ласковый, постепенно затуманился, стал далеким и печальным.— Ох, Юрий Иванович,— неглубоко, по-бабьи, вздохнула она,— как же я тебя, дура, любила, как сохла по тебе, как ревела... Сейчас даже вспомнить смешно.

Юрий Иванович рывком поднял лицо, заморгал, чувствуя, что кровь ударила в голову.

— Не веришь? — Лариса вяло улыбнулась.— И не надо,— потерла щеки ладонями, потом аккуратно, точно школьница, положила руки на стол, навалилась на них грудью.— Я ведь почти из-за тебя на второй год в девятом осталась. Думала, вместе учиться будем. А потом испугалась, в «А» попросилась.— Она засмеялась, крутанула головой.— Вот дуреха-то была, ей-богу. С Лидкой Матофоновой, выдрой этой, сдружилась. Она мне все про тебя рассказывает, лопочет вот так,— закатила глаза, прижала ладони к груди, быстро-быстро зашевелила губами,— а я думаю: придушила бы тебя, ведьму... Потом Тонечка эта появилась. Нашел тоже! — презрительно поджала губы, передернулась.

Юрий Иванович почувствовал, что покраснел окончательно, удивился: «Смотри-ка, краснеть не разучился!» Хотел сказать, что и он к ней, Ларисе, был, как бы это выразиться, равнодушен, что ли, но вместо этого зло буркнул:

— Что же ты тогда с Цыпой? С Генкой?

— С Цыпой? — поразила женщина. Всплеснула руками и даже от стола откатнулась.— Так ведь тебе назло! Знала, что ты его ненавидишь. Вот и решила побесить. А с Генкой... — склонила, словно в вальсе, голову, плавно повела руками.— Здесь дело сложнее. Во-первых, он сидел с тобой на одной парте, во-вторых...

Но тут припорхнула Ольга. За ней, как в классической драме, шел высокий парень в черном костюме и белом галстуке, держал в вытянутых руках поднос, прикрытый салфеткой.

— Вы извините, у нас ничего такого особенного нет. Мы ведь не думали, что вы придете, поэтому уж не обесудьте,— щебетала Ольга, составляя на стол графинчики, тарелочки, рюмки и поглядывая на гостя восхищенно, хотя и с некоторым испугом.— А это Володя, мой муж,— показала взглядом на парня с подносом, поале-ла секундочку, посмущалась, но тут же с трогательной и неумелой властью молодой жены прикрикнула на него: — Помоги, чего стоишь!.. Он у меня застенчивый,— пояснила деловито.

Юрий Иванович с улыбкой наблюдал, как она хлопочет, стараясь выглядеть опытной хозяйкой, как неумело тычется, пытаясь помочь ей, действительно застенчивый и симпатичный Володя, который то и дело вытягивал шею: туго затянутый галстук почти придушил его.

— Ну вот, кажется, все,— Ольга придирчиво окинула взглядом стол.— Мы пойдем.

— Куда вы? Так нельзя,— Юрий Иванович поднялся, зацепив животом край стола. Качнулись рюмки, Лариса придержала их, а молодые даже не глянули. Они, выпрямившись, вытянувшись, почтительно смотрели на друга Владислава Николаевича.

— Извините, что я без подарка. Как-нибудь, при случае, исправлю промах,— Юрий Иванович взял услужливо пододвинутую стопку, кивком поблагодарил Ларису, а в голове мелькнуло: «Зачем вру? При каком еще случае?» — Очень рад с вами познакомиться. Вы такие славные, такие молодые, все-то у вас еще впереди.— Вздохнул и, выпив одним глотком, повелел: — Горько!

Рюмка в руках Ольги слегка плеснула; девушка опустила ресницы, повернула к мужу серьезное лицо и ткнулась в его губы вытянутыми в трубочку губами.

— Эх, разве так любимого целуют! — выкрикнула отчаянно Лариса. Выпила, рубанула удальски воздух ладонью.— Дай-ка я тебя, Юрий свет Иванович, поцелую хоть один раз в жизни. Вот уж горько так горько! — и потянулась всем телом через стол, обреченно закрыв глаза.

— Мама! — полным ужаса голосом простонала Ольга.— Извините ее,— молниеносно изобразила Юрию Ивановичу улыбку и снова зашищела, даже посерев от стыда: — Мама, прекрати!

— Ничего, дочка, я шучу,— мать уперлась кулаками в стол, опустила голову.— Идите, а то нехорошо: родню бросили, гостей. Они уже встали...

Юрий Иванович проследил за взглядом женщины, увидел бледные пятна лиц за стеклами окон и демонстративно посмотрел на часы: «06.30».

— Ого! Мне пора. Время.

— Сейчас пойдешь,— Лариса, не глядя на Ольгу, приказала раздраженно: — Иди, доченька, я скоро.

Юрий Иванович подождал, пока Ольга и парень выйдут из палисадника, скроются во дворе, и, повернувшись к Ларисе, почувствовал внезапно такую изжогу на сердце, такую тоску, что чуть не застонал.

— Давай-ка мы с тобой по полному,— предложил.— За нас.

— Лей,— женщина слабо дернула плечом.

Она отрешенно смотрела в сторону, но когда Юрий Иванович, разлив водку, деликатно поступал стопкой по ее рюмке, встрепенулась.— Что это я раскисла?— удивленно спросила сама себя.— Ну и дела!— Чокнулась, отпила, вытерла ладонью губы.— Накатило что-то, вспомнилось. С кем не бывает, верно?— Она с мучительной гримасой наблюдала, как Юрий Иванович, морщась, нюхал корочку хлеба, и, когда он, облегченно выдохнув, повеселел, заметила обиженно:— Хоть бы пожевал чего, а то заглотил, как грузчик.

— Будь здорова!— пробормотал Юрий Иванович и, сконфузившись за эту необязательную, уместную лишь с собутыльниками, скороговорку, напомнил деловито:— Ты хотела еще что-то сказать про Генку, какое-то «во-вторых».

— Ах, Генка...— рука женщины замерла над столом.— Будешь еще есть?— Увидела, что гость отрицательно покачал головой, встала.— Пошли. Скоро семь. Нехорошо людей подводить.

Юрий Иванович удобно раскинул локти по столу. Хотя он и был до этого голоден— со вчерашнего дня не ел,— почувствовал, как всегда после выпитого, что аппетит пропал; стала таять и тоска, пока не пришла вместо нее, тоже как всегда, спокойная уверенность в себе. Ему хотелось сидеть так долго, попивать— благо есть что, рассуждать о жизни— благо есть с кем, поспрашивать Ларису— вот новость, она, оказывается, любила его! Но, наткнувшись на строгий взгляд женщины, нехотя поднялся.

Лариса деловито прошла вперед и, когда Юрий Иванович, нагнав ее на улице, пристроился рядом, сказала равнодушно:

— Подлец он, твой Генка. Ольга-то ведь от него,— помолчала, глядя под ноги.— Я после школы никуда не поступила, пошла в торговлю. А он какой-то техникум коммунального хозяйства закончил. Вернулся. Ну и началось у нас все такое,— она брезгливо дернула губой, пошевелила пальцами.— Словом, забеременела я. Геночка сразу хвост дугой и прости-прощай. Знать меня не знает, ведать не ведает.

Юрию Ивановичу стало неприятно и как-то неловко.

— Да, тяжело тебе было одной,— постаравшись, чтобы голос звучал как можно сострадательней, посочувствовал он.

— Еще чего!— обиделась Лариса.— Ольга ни в чем нужды не знала. Да и я не в лаптях ходила, квасом с редькой не питалась. В торговле жить можно,— хвастливо заявила, но сообразила вовремя, что слова эти некстати, не для этого разговора, и выкрикнула поспешно:— Не жалей ты меня, ради бога! Были у меня мужья, знаю

им цену. Кого вытурила, кто сам ушел, а Витенька— помнишь Лазарева?— на мотоцикле разбился.

Юрий Иванович сделал подобающее моменту печальное лицо, вздохнул, качнул скорбно головой.

— Золотой был человек. Только пил много,— Лариса повернулась к нему. Уголки губ женщины устало и привычно опустились.— Вот и ты пьешь нехорошо— жадно. И меняешься сразу. Но все равно...— зажмурилась крепко-крепко, обхватила себя за плечи.— Позови ты меня сейчас, пошла бы, не задумываясь, пусть даже босиком по битому стеклу.

— Некуда звать,— насмешливо ответил Юрий Иванович.— Разве что к морю.

— А хоть в тундру! Дай-ка я тебя все-таки поцелую,— посмотрела жадно, с болью. Обняла, вытянувшись на цыпочках, отыскала теплыми губами в бороде-усах рот Юрия Ивановича и застыла.

Потом оттолкнулась и, не оглядываясь, пошла непринужденной, раскованной походкой.

Юрий Иванович, жмурясь от солнца, глядел ей вслед. Хотел усмехнуться, но вместо ухмылки получилась растерянная улыбка. Проследил, как женщина скрылась за палисадником своего дома, повернул в переулок и, все еще ощущая на губах ее губы, а в усах тоненький аромат ее духов и ее кожи, вышел на площадь. И вдруг в голову стремительно и сладко ударило расслабляющей истомой, и тело, казалось, исчезло, перед глазами поплыл розовый туман...

3.

«Однако слаб я стал,— огорчился Юрий Иванович.— Две стопки— и готов! Обморок».

Посмотрел на часы— «07.01»— и огорчился еще больше: опоздал! Резво, переходя иногда на рысцу, заспешил он через площадь, но около церкви чуть не упал, сбившись с шага, и остолбенел.

Церквушка стояла беленькая, чистенькая, с пронзительно синими куполами. И не было на ней табличек «Памятник архитектуры XVII в. Охраняется государством», «Краеведческий музей г. Староновска», не было и деревянных щитов на узких окнах. Юрий Иванович ошалело смотрел на нее, потом испуганно развернулся, оглядел площадь— нет, ничего не изменилось! Те же старые, памятные еще по детству, добротные строения, те же липы в небольшом скверике напротив. Солнце весело переливалось в стеклах окон, лежали на траве синие тени, бродили,

переваливаясь, сытые голуби. Иногда они заполошно срывались с места, взмывали на колокольню, туго свистя крыльями. Тихо, уютно, дремотно было вокруг, но Юрий Иванович чувствовал, как нарастает в душе беспокойство, какое-то неясное ощущение беды. Он осторожно, чуть ли не на носочках, отошел от церкви, глянул озабоченно вверх по улице — краснела кирпичными стенами школа, видны были вдаль два одиноких прохожих. Глянул вниз — улица привычная, узнаваемая, но все же тревожный холодок в груди не исчезал, успокоенность не приходила. Юрий Иванович, почему-то воровато оглядываясь, вошел через знакомые железные воротца в сквер, пробежал по нему трусцой — кратчайшая дорога к бывшему дому Бодровых — и... Ему стало жутко.

Учебного центра не было. Вместо него, на той стороне улицы, стояли деревянные дома, и среди них, напротив, — желтый, веселый коттеджик, в котором жил когда-то он, Юрий Иванович, Юрка Бодров. Сердце гулко и беспорядочно заколотилось.

— Так, — он облизнул губы. — Приехал к морю... Или я шизанулся с Ларискиного угощения, или сплю. Допился, алкаш!

Но говорил больше для порядка, чтобы услышать свой голос, потому что знал: и рассудком не тронулся, так как голова была на удивление ясной, мысли четкими, и не спит — стучало, успокаиваясь, сердце, затихал в ушах ритмический, похожий на шелест волн, шум крови, покалывало, отпуская, ноги — ощущения были нормальными, естественными. Юрий Иванович достал все еще подрагивающими руками сигареты, зажег. Прижег сначала, на всякий случай, для проверки, ладонь, отдернул ее, — больно! Прикурил, затянулся несколько раз, не выпуская дым. Закашлялся, поплевал на окурочок, отбросил его. Прodelал все это, не отрывая глаз от домика напротив: серый шифер крыши, белые шторы в освещенных солнцем окнах, светлые планки штакетника, калитка — все это материально, вещественно, фактурно. Звонко трещали воробьи, шумела листвою липа — Юрий Иванович спиной ощущал бугристость ее коры, — промчалась по улице, пробренчав какой-то железкой, «Победа», оставила после себя медленно оседающую пыль и слабый запах выхлопов — и это все было реально: видимо, осязаемо, обоняемо.

— Ситуация! — Юрию Ивановичу опять стало жутко; он, успокаивая себя, забормotal: — Значит, так, разберемся. Если я не сошел с ума и не сплю, значит... Значит, я оказался в прошлом. Вот привязалось: «значит», «значит»! Ни черта это ничего не значит. Стоп! Если я ока-

зался в прошлом, то... Мать честная! — ахнул, вытаращил глаза, уставился на свой дом: все еще не верил, боялся спугнуть догадку. — Это получается, что я смогу увидеть самого себя, — торопливо прижал руку к опять зачистившему сердцу, снова облизнул губы. — Спокойно, спокойно... Бред какой-то. Я — встречу самого себя?! Сейчас я точно чокнусь.

Он нервно хихикнул, принялся ощупывать, осматривать себя. Допустим, он действительно оказался в прошлом, но тогда, может, превратился в Бодрова тех лет: пацана, отрока, юношу. Но нет: кожаный пиджак, джинсы, малиновая нейлоновая рубашка, лысина — он даже пошлепал по ней ладонью, — борода, пузо, наконец, — все на месте. Юрий Иванович растерянно оглаживал бороду и вдруг замер, зажав ее в кулаке: припомнил, как на последней остановке перед Стариновском брякнул, что мечтал встретить бы себя семнадцатилетнего, а Владька и смотрел странно, и говорил загадочно.

— А, ладно, — решил Юрий Иванович, взмахнув рукой. — Поживем — увидим!

Откачнулся от дерева, побрел, загребая ногами, к той части ограды, где должна быть дыра. Дыра оказалась на месте. Он, отдуваясь и пыхтя, протиснулся в нее.

На другой стороне улицы Юрий Иванович с праздным видом, но напрягшись и обмирая, прошел мимо своего дома. Провел ладонью по доскам штакетника, глянул через забор на широкую полосу зелени во дворе, на полотенца, майки, трусы, что сушились на веревке, протянутой от скворечника до самодельного турника. Все будничное, обыденное, знакомое. Удивившись, что не потрясен и не упал в обморок, дошел до ворот дома Матофоновых. На этой вот скамейке он частенько сживал вечерами, слушая с ироническим видом болтовню Лидки; около этих ворот умело целовался с ней, наученный Тонечкой, чувствуя и гордость за себя, и почему-то жалость к этой худенькой девчонке, которая вообще-то была безразлична ему. И опять Юрий Иванович поразился, что не волнуется, что все ему кажется таким, словно еще вчера был он здесь. Сел на скамейку, откинулся к спинке, глядя сквозь прищур на свой дом.

Лязгнул засов, скрипнули петли калитки. Вышла худая, загорелая женщина с суровым и властным лицом. Юрий Иванович невольно принял позу примерного школьника, подтянул живот.

— Здравствуйте, тетя Валя, — невольно вырвалось у него. И вот тут-то он вздрогнул, тут-то понял всю нелепость, весь трагикомизм положения: мать Лидки была едва ли старше Юрия Ивановича.

— Здравствуйте...— женщина стянула на груди полы вылинявшей трикотажной кофты, посмотрела с удивлением и опаской. Лицо Юрия Ивановича, видно, поразило ее. Она нахмурилась, посуровела еще больше. Отвернулась, и даже по спине, по осанке видно было, как возмущена мать Лидки.

— Нальют шары с утра,— уничтожительно заворчала она. Покосилась через плечо.— По виду, вроде, шофер, а так опух, оброс, чисто поп. Срамота!— встретила взглядом с изумленными глазами Юрия Ивановича, взорвалась:— Ну, чего расселся? Сродственник какой нашелся. Я тебе покажу «тетю»! Давай топай отсюда, а то мужа позову!

Юрий Иванович открыл рот, чтобы сказать, что нет у нее никакого мужа, а потом спросить—какой нынче год, но вдруг ощутил, как кровь отхлынула от лица, под горло подкатило что-то похожее на тошноту. Он увидел— из калитки его дома вышел парень. Чистенький, опрятный, в вельветовой коричневой курточке с замками-молниями; по верх воротничка курточки выпущен воротничок бледно-голубой шелковой тенниски. Юрий Иванович дернулся, хотел встать— и не смог: ноги ослабли, руки обмякли, обессилели. В парне он узнал себя.

Мать Лидки торжествующе усмехнулась.

— Во, наелся! Дрыгаться стал,— но, присмотревшись, встревожилась.— Худо, что ли? С лица то как спал, аж позеленел. Может, воды принести или от сердца чего?

— Здравствуйте, тетя Валя,— вежливо и как-то слащаво поздоровался, подойдя, юный Бодров.

Женщина оглянулась, заулыбалась.

— А, Юра, здравствуй, здравствуй. Тебя-то я и поджидала. Обожди-ка.

Юра остановился. Взглянул равнодушно на Юрия Ивановича, задержал взгляд на кожаном пиджаке, на туфлях с толстой подошвой. Выслушал внимательно женщину, которая длинно и путано объяснила, что Лидка, дырявая голова, убежала на экзамен, а книжки-то и забыла. Взял учебники, хотя и заметил поучающим тоном, что они теперь едва ли понадобятся Лидии, если она не готовилась к экзаменам.

«Ах, паршивец! Говорит-то, говорит как: осуждает, порицает!»— Юрий Иванович вспомнил, как, устав от предэкзаменационной зубрежки, приходил к Матофоновым и дурил голову измученной любовью Лидке рассказами о том, как поступит в университет, как станет знаменитым— только перед этой преданной глупышкой мог он, и позволял себе, слегка приоткрыть душу,— и, взбодрив себя, уходил опять в сарай

учиться, посмеиваясь и твердо зная, что Лидке теперь и вовсе не до наук, что сидит она сейчас убитая горем, оттого, что Юрочка не обнял ее, не потискал, даже не поцеловал, что она самая несчастная на свете, настолько несчастная— жить не хочется.

Юрий Иванович, вцепившись в сиденье, рассматривал Юру, его сухое, уверенное, с темным пушком над верхней губой лицо, и оно нравилось ему, хотя и раздражал такой холодок, такая сонная истома в глазах. «Вот какой я был. Батюшки, неужто это я?!» Он слышал голос юноши, и голос этот нравился; настораживал, правда, легкий, как дымка, что остается от дыхания на стекле, оттенок пренебрежительности. «Господи, да ведь это я!»— вновь остро и пронзительно сообразил Юрий Иванович и застал от неправдоподобности, абсурдности происходящего.

Юра с легким удивлением посмотрел на него, шевельнул бровью.

— Вы Бодров?— Юрий Иванович наконец отклеился от скамейки. Встал, пошатнулся.

Лидкина мать поглядела на него с неприязнью, потом, будто призывая взглядом: «Вот, полюбуйся!»— на Юру, потом, уже более внимательно, опять на Юрия Ивановича. И в глазах ее прорезалось новое выражение, похожее на вопрос, на тень недоумения.

— Да,— ответил Юра.— Я Бодров. А что?

— Мне надо с тобой поговорить,— Юрий Иванович испугался, что глаза выдадут, достал, стараясь не суетиться, очки. Надел.— В школу?— полюбопытствовал хрипло и, не дожидаясь ответа, приказал:— Идем. Нам по пути.

Отойдя, оглянулся. Лидкина мать смотрела им вслед, приоткрыв рот.

— О чем вы хотите поговорить?— настороженно поинтересовался Юра.

Юрий Иванович хмыкнул. Задрал голову, почесал сквозь бороду шею.

— О многом,— ему очень хотелось пощупать Юру, ущипнуть. Он даже попытался толкнуть его плечом, но тот увильнул, отошел на шаг в сторону.— Разговор будет долгий, и я не хочу перед экзаменом отвлекать тебя... Кстати, что сдаешь?

— Последний. Историю.

— Ага, историю. Это хорошо. Значит, ты в десятом классе, и получается...— Юрий Иванович чуть не сказал: «Получается, что я попал в пятьдесят седьмой год», но вовремя удержался. Припоминая, наморщил лоб, потер его ладонью. Какие были вопросы по физике, химии, математике он забыл напрочь, а вот история? По истории, кажется...— Слушай. Тебе достанется

реформы Ивана Грозного. Я не знаю, как это сформулировано, посмотри в билетах. А директор задаст дополнительный вопрос,— Юрий Иванович вспомнил, что именно из-за этого вопроса не забыл экзамен по истории,— о положительном значении опричнины.

— Откуда вы знаете? — Юра поглядел недоверчиво.

— Я все знаю про тебя,— серьезно ответил Юрий Иванович.— Подготовь этот билет. А после экзамена не теряйся. Мне действительно надо о многом с тобой поговорить,— положил ему на плечо руку, слегка сжал пальцы — крепкое, мускулистое плечо, вздрогнувшее от неудовольствия.— Иди, учи Ивана Грозного и его положительную роль в истории. После экзамена жду тебя.

Юра с нескрываемым облегчением резво зашагал, не оглядываясь, к школе...

На втором этаже, около десятого «Б», сбились в кучку девушки в форменных, с белыми передниками, платьях, парни, все, как один, в вельветовых куртках. Юра, прислонившись к стене, читал сосредоточенно учебник. Рядом, независимая, заложив руки за спину, стояла Лидка Матофонова — Юрий Иванович то ли вспомнил, то ли догадался, что это она, — и поглядывала: собственнически на Юру, горделиво на подруг. Она изредка встряхивала жиденькими косичками, и Юрий Иванович вспомнил, что сегодня же они будут срезаны в парикмахерской, а вместо них на голове этой девочки закудрявится шестимесячная завивка, которая придаст Лидке глуповатый овечий вид.

Он, чтобы не смущать себя юного, вильнул в тупичок, где были кабинет директора, учительская, пионерская комната, и обомлел — увидел Ларису. Ее-то Юрий Иванович сразу узнал.

Девушка, прищурясь и язвительно покусывая губы, рассматривала стенгазету, а Юрий Иванович увидел другую Ларису, полную, в серебристом платье, с кольцами на пухлых руках, ощутил опять теплую влажность ее губ на своих губах, округлость ее плеч под своими ладонями; увидел и Ольгу, дочь этой школьницы, и, набрав побольше воздуха в легкие, с шумом выдохнул. Лариса медленно повернула голову, но с места не сдвинулась, когда Юрий Иванович встал рядом. Он поглядел на нижний угол газеты, который изучала девушка, увидел карикатуру: взлохмаченный уродец с длинным красным носом кривлялся, размахивая портфелем, изо рта человечка вырывалось облачко, внутри которого написано: «Не хочу консультации посетить, лучше «буги-вуги» танцевать!» Внизу пояснение: «Ученик 10 «Б» кл. Бодров нерегуляр-

но посещает консультации по некоторым предметам».

Юрий Иванович не забыл, как был взбешен и одновременно напуган, увидев карикатуру, — сколько выговоров вклеили по настоянию самого Юры тем любителям джаза, что пытались проигрывать на школьных вечерах «Стамбул» и «Мамбо итальяно», сколько порицания обрушил Юра на поклонников песенки «Мишка», которая считалась образцом пошлости и безвкусицы. А тут — с ума сойти! — «буги-вуги»! Скандал, катастрофа, смерть репутации и характеристики! «Какая энергия, какие силы были затрачены мной на ерунду, на эту нешуточную борьбу с невинными шлягерами», — подумал Юрий Иванович, и ему стало жалко себя — школьника, потому что не знал бедный Юра Бодров, что будут впереди и рок-н-роллы, и твисты, и шейки, что можно будет открыто, не таясь, слушать и смотреть по телевизору — которого Юра тоже пока не видел — всяческие «Битлзы», «Аббы», «Бони-М», посещать дискотеки, концерты рок-групп, и ни у кого это не вызовет гнев; не знал, оттого и прослушивал, почти до нуля уменьшив громкость и поскуливая от восторга, купленные у Тонечки пленки с рентгенограммами черепов и грудных клеток, на которых были записаны бесхитростные ритмические мелодии, казавшиеся дерзкими, вызывающе-бесстыдными.

— За что ты его так разделала? — спросил Юрий Иванович. Лидка с удовольствием доложила Юре, что это Божицкая постаралась, нарисовала карикатуру. — Любишь ведь парня, а так удружила.

— Я?! — Лариса покраснела, задохнулась от неожиданности. — Как вам не стыдно?!

— Чего тут стыдиться, чувство святое, — Юрий Иванович опять подумал о сегодняшнем поцелуе Ларисы-женщины. — Из-за Тонечки, что ли?

— А хоть бы и из-за Тонечки, — с вызовом подняла подбородок девушка. — Пусть не воображает ваш Бодров. Нас поучает, воспитывает, а сам на вечеринках у этой Тонечки что вытворяет! И вообще...

— Тихо, тихо, — Юрий Иванович прижал палец к губам, выглянул за угол, Юры не было, зашел, наверно, в класс. — А любить Бодрова вы будете даже в день свадьбы своей дочери, — он серьезно посмотрел в глаза Ларисе, — а может, и до конца жизни.

— Вы... вы дурак! — она, чуть не плача, глядела на него с ненавистью. — Старый, лысый, а такое говорите!

И, резко повернувшись, зачастила каблучками вниз по лестнице.

Юрий Иванович огорченно потер нос и пожалел, что ляпнул лишнее: не хотел, совсем не хотел обижать девушку.

Заложил руки за спину, вышел в коридор. Напротив дверей класса пристроился на подоконнике рядом с Лидкой Матофоновой.

— Борзенков еще не сдал? — отрывисто и громко спросил он, ни к кому не обращаясь.

Все вздрогнули, повернули к нему головы, но промолчали.

— Нет, готовится еще. Сейчас после Сазонова пойдет, — бойко доложила Лидка. Дерзкие зеленые глаза, окруженные синими тенями — «следы бессонных ночей», — крепится изо всех сил, чтобы не рассмеяться. — А вы кто ему? Дядя?

— Крестник, — серьезно ответил Юрий Иванович.

Она не выдержала, прыснула в ладонь. И подружки хихикнули, заотворачивались, заприкрывали книжками лица.

А Юрий Иванович грустно смотрел на Лидку и думал: вот станет она со временем агрономом, нарожает уйму детишек, будет мотаться по полям в слякоть и сушь, ругаться с нерадивыми мужиками, соротиться с начальством из-за каких-нибудь семян или сроков, переживать из-за погоды, из-за всхожести, из-за урожая, и исчезнет, наверно, эта смешливость, зачерствеет лицо, потому что начнется нелегкая, но настоящая жизнь, далекая от легкомысленности и шуточек, жизни, в которой ничего-то не останется в памяти от сегодняшнего последнего экзамена, от влюбленности в отличника Юрия Бодрова, и сам он заслонится новыми, подлинными заботами и радостями, огорчениями и праздниками.

Юрий Иванович медленно перевел взгляд на одноклассников. Вот эта тихонькая, застенчивая — как ее? — Надя, фамилия еще забавная, ах да — Кабанец, станет врачом, и Владька говорил, хорошим врачом. Этот здоровенный бугай Ленка — стоп, стоп: Шеломов! — будет не то шахтером, не то металлургом — вспомнил: металлургом — прославится. Вот этот... Юрий Иванович опустил глаза. Белоголовый, кудрявый Витька Лазарев станет мужем Ларисы, будет для нее «золотым человеком», только начнет выпивать и разобьется на мотоцикле.

У всех со временем сложится своя жизнь, появятся свои беды, свои победы, свои удары и подарки судьбы — все станет сложно, запутанно, противоречиво и так далеко от нынешнего дня, от сегодняшних, вчерашних, позавчерашних волнений, проблемшек, переживаний. Потому что впереди каждого ждет труд, семья, дети. А это ответственно, это серьезно. Потому-то на-

всегда останутся в жизни самыми ясными, безмятежными, и чем дальше в годы, тем видимые все более светлыми, беззаботными, дни — сплошной солнечный день! — от первого школьного звонка до выпускного вечера.

Дверь скрипнула, и выскочил красный, взъерошенный Генка Сазонов. Юрий Иванович глазами энтомолога, увидевшего редкое насекомое, уставился на него — попытался разглядеть в бывшем друге соблазнителя Ларисы и будущего горкомхозовского начальника. Ничего не увидел: типичный школяр, сдавший наконец-то экзамен.

— Четверка! — Генка счастливо улыбался. — Поплыл на военном коммунизме, продрозверстке, продналоге. Спасибо, Владька помог.

Соученицы дружно склонились над тетрадками, зашелестели страницами — вычеркивали билет Сазонова.

— Ген, Ген, а что там Бодрову досталось? Он Грозного сейчас зубрил, — Лидка теребила его за куртку, пританцовывала, заглядывала умоляюще в лицо.

— Не знаю, — пренебрежительно отмахнулся Сазонов. — Строчит что-то. На то он и Бодрый, — в голосе его звучала явная насмешка.

— Не Бодрый, а Тартюф, — пискнула та самая Надя, что станет хорошим врачом.

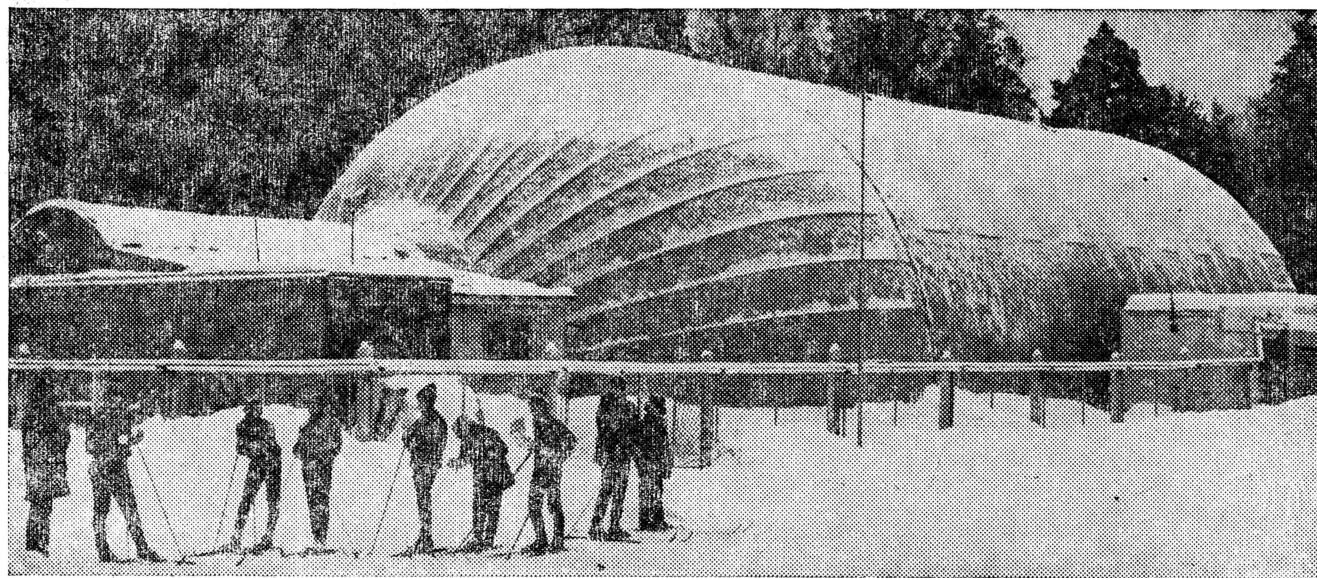
«Ах ты, серая мышка, не ожидал от тебя!» — Юрий Иванович обиделся. В девятом классе, когда Юра сыграл в сцене из Мольера, это прозвище чуть-чуть не прилипло к нему, но, слава богу, к десятому классу забылось. Оказывается, нет. И, судя по реакции, вернее по отсутствию ее, было привычным, устойчивым. Это поразило Юрия Ивановича: он полагал, что одноклассники если и не любят его, то уж уважают-то наверняка. И особенно покоробил тон Генки — все-таки Юра считал Сазонова своим другом: сидели с первого класса за одной партой. Но вместе с досадой, удивлением почувствовал Юрий Иванович и неловкость — словно подслушивает перд закрытой дверью, как судачат о нем.

— Лида, скажешь Бодрову, что я жду его во дворе, — он сполз с подоконника, одернул вздыбившийся на животе пиджак.

— А как сказать? Кто ждет? — девушка, удивившись, наверно, что бородатый толстяк знает ее имя, часто-часто заморгала.

— Кузен Тартюфа, — подумав, ответил Юрий Иванович и отошел, чувствуя, как буравят затылок десятка два глаз. Остановился. Повернулся вполборота. — И Борзенкову передай, что я его жду. Обязательно передай!

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

МАНЕЖ ИЗ ВОЗДУХА

Жители поселка Рефтинский уже привыкли к этому строению. И взрослые, и дети знают, что под его матерчатой крышей — спортивный манеж птицефабрики. Удивлялись они только в те дни, когда на месте бывшей свалки в дико-винные сроки (всего-то за пять недель!) выросло необычное для местного пейзажа здание.

Еще недавно у птицефабрики, где, в основном, трудится молодежь, не было своих спортивных сооружений. Чтобы поиграть в волейбол, например, ребятам приходилось ехать «в гости». Выход из положения нашелся неожиданный: решение было использовать для спортивных целей надувной павильон производства ГДР, который предназначался под склад.

Казалось бы, чего сложного — собрать по чертежам гигантскую «палатку»? Ведь основной строительный материал — воздух. Центробежные вентиляторы всего за час работы обеспечивают натяжение прочной дедероновой ткани. Главное — укрепить ее на фундаменте.

Но хозяева подумали сразу и о будущем. Новый манеж, решили

они, должен стать универсальным сооружением, где смогут получать закалку, совершенствовать свое мастерство любители самых различных видов спорта. С интересом взялись за дело молодые работники фабрики. К ним на помощь пришли школьники, учащиеся ПТУ, культурные активисты объединенного ремонтного участка Рефтинской ГРЭС.

Многое смастерили своими руками: наладили отопительную систему, поставили в зале светильники, соорудили настоящую, с наклонными виражами, беговую дорожку с синтетическим покрытием, спортивные площадки покрыли рездоровой плиткой.

Тесным оказался ведущий в павильон надувной тамбур. Хозяева установили рядом два списанных коттеджа. После капитального ремонта в них разместили уютные раздевалки, душевые, медицинский кабинет, тренерскую комнату и стеллажи для хранения спортивного инвентаря.

Зал в манеже не очень большой, и поэтому хозяева стремятся использовать каждый метр его площади разумно. По обе стороны

игровой площадки они изготовили металлические сварные конструкции. Как бы в едином блоке разместились в них гандбольные ворота, баскетбольные щиты, помост для штангистов, гимнастические снаряды.

Сейчас в спортивном манеже могут одновременно заниматься свыше пятидесяти человек. Здесь работают многочисленные секции, группа общефизической подготовки.

В. ДЕМИН

Фото В. Велгулина

ОТ РЕДАКЦИИ.

Наш журнал и прежде рассказывал о сооружениях, построенных с помощью воздуха или рассчитанных на такой метод возведения. Известный уральский дирижабист и конструктор Д. З. Бимбат со своими единомышленниками разработал множество соответствующих проектов, в частности — для скоростного создания спортивных объектов. Напоминаем об этом только потому, что по-настоящему хозяйского, расчетливого отношения к этим трудам и разработкам до сих пор нет ни на Урале, ни в Сибири, ни на севере нашей страны. Тем временем Д. З. Бимбат уже несколько лет назад с помощью воздуха построил под Свердловском просторное железобетонное здание, которое, конечно же, будет стоять и стоять без какой-либо «подкачки».

ЭМОСКАФАНДР

Николай ОРЕХОВ,
Георгий ШИШКО

Рисунки Е. Охотникова

Семь часов пятнадцать минут по всемирному времени. Вахтенный Ласло Боркиш потянулся в штурманском кресле. Пока на борту рейдового катера № 487 все было спокойно. Вахта подходила к концу, через каких-нибудь полчаса он сдаст дежурство и отдохнет как следует.

Ласло поднялся. Окинув быстрым взглядом приборы, он задержал внимание на дрожащей стрелке бортрегистратора и включил правый обзорный экран...

Человек был ярко-рыжим. Это бросилось в глаза прежде всего. Только потом Ласло разглядел, что на незнакомце, прогулочным шагом двигавшемся мимо корабля в открытом космосе, были надеты безукоризненный черный костюм, белая рубашка, галстук в модную полоску и... не было скафандра.

В соответствии с рейсовой инструкцией (пункт семнадцатый: внезапное заболевание вахтенного, не угрожающее непосредственно жизни экипажа), Ласло вызвал смену и по ее прибытии от-

правился к корабельному врачу. Спустя несколько минут он уже спал лечебным сном, а врач торопливо шагал к капитану Латрану.

— Чем вы все это объясняете, док? — спросил капитан.

— Как вам сказать... Утренние вахты всегда тяжелые. Диагноз: галлюцигенный комплекс, осложненный приступом клаустрофобии. Пусть пока отоспится, потом я им займусь.

— А вы в этом комплексе абсолютно уверены?

— Никаких сомнений, капитан. Энцефалограмма указывает на наличие сильнейших остаточных деформаций эмоциональной сферы. Думаю, сейчас ему снятся кошмары, капитан...

— Хорошо... Кстати, док, взгляните сюда, — Латран подвел врача к своему рабочему столу.

Лежащая на полированном пластике стереофотография с координатно-временной отметкой изображала рыжего молодого мужчину в стро-

гом черном костюме. Над ровной линией его плеча тускло мерцал Плутон...

Лазерограмма 1659/8.
ИНКОН, Эдварду Бушу.

Согласно циркуляру А-73 сообщаем: оптический феномен типа «рыжий брюнет», время 7.16.38—7, 19, 55, координаты...

Борт 487, Латран.

За две недели до этого геодезическая партия Чарнопольского университета снимала кроки южного склона Бескидских круч. Задание было учебным, и руководитель партии аспирант Ненад Целестинович Браконич (в узком кругу — просто Драконыч) целиком полагался на самостоятельность своих студентов, лишь по вечерам сверяя результаты с контрольным планшетом. В этот день все постарались закончить работы пораньше — любимице экспедиции Танечке исполнилось девятнадцать лет, в связи с чем на вечер было намечено скромное походное торжество. Не хватало пока только самой его виновницы и ее напарника.

К застолью все было готово: импровизированная скатерть-самобранка ломилась от лесных и речных яств. Наконец, появились и Танечка с Васей Чернышевым.

— Тут тебя какой-то рыжий парень искал, — едва увидев Таню, сказала ей подруга. — Часа полтора сидел, потом я его в вашу сторону направила.

Но Танечка с Васей, не останавливаясь, прошли прямо к аспирантской палатке, молчаливые и явно чем-то озабоченные. Вася волочил за собой длиннющую пластиковую «простыню» — крок-карту.

— Ненад Целестинович! — чуть не со слезами воскликнула Танечка. — Пропал квадрат!

— Подожди, Таня, — смущенно поправил ее Вася. — Не весь квадрат, а только угол. Но уж его-то точно нет. Может, в контрольном планшете ошибка, а?

Браконич нажал на кнопку и, когда контрольный планшет развернулся во всю длину, сверил кроки. Действительно, на студенческой карте угол квадрата 63-09 был срезан по плавной кривой линии...

— Главное, иду я по диагонали, как всегда, — рассказывал потом Вася, торопливо глотая праздничный ужин, — вот так мой квадрат есть, а вот так его нет, сразу 63-10 начинается. Как будто я планшет перегибаю, а складку пропускаю снизу. И все, что в нее попадает, — исчезло!..

На следующий день в приемной Эдварда Яновича Буша, директора Института по контактам,

на длинном канцелярском столе лежала в голубой папке с входящими бумагами довольно сумбурная телефонограмма из Чарнопольского университета. К сожалению, в ней ничего не было сказано о рыжем парне в строгом черном костюме и галстук в модную полоску...

Через неделю количество подобных сообщений перевалило за второй десяток.

У замдиректора ИНКОНа Юлиева с утра было плохое настроение. Битый час он валялся в кровати и размышлял о вчерашнем.

Он возвращался вечером с рыбалки, до которой был большой охотник. Однако не успел дойти до развилки дороги, где был поворот к особняку, спроектированному им лично в старопомещичьем стиле, как на него сзади буквально налетел кто-то. Цезарь Юльевич пошатнулся, оступился и, падая, выронил ведро с карасями, которые весело запрыгали по мокрой траве, по дороге и по самому Цезарю Юльевичу. А виновник происшествия, ослепительно рыжий молодой человек, словно ничего не заметив, скрылся за поворотом.

Вспыхнул и замигал огонек срочного вызова. На экране появилась и резко увеличилась в размерах голова Эдварда Яновича Буша. Он неодобрительно пронаблюдал за тем, как спешно облачается заместитель, потом злорадно, так показалось Юлиеву, сказал:

— Кончай этот балаган. Давай срочно ко мне.

Цезарь Юльевич чертыхнулся про себя и вызвал гоним. С Эдвардом Яновичем шутки были плохи.

По дороге Юлиев опять вспомнил о вчерашнем случае и подумал, что рыжий даже не извинился...

Но дело было не в извинениях. В голове Цезаря Юльевича от падения что-то щелкнуло, он так и остался сидеть на траве. Какое-то ранее не испытанное им чувство целиком захватило его. Вдруг, с неожиданной для его возраста легкостью, он вскочил на ноги, суетливо побросал в ведро расплзшихся карасей и, не разбирая дороги, по высокой траве побежал обратно, в сторону рыбофермы. Караси, подпрыгивая в ведре, с надеждой наблюдали за ним.

Впрочем, уж об этой-то вспышке всепоглощающей любви ко всему живому, столь неожиданной для заядлого рыбака, Юлиев умолчал даже на заседании ИНКОНа, когда выяснилось, что приключившееся с ним четко вписывается в общую картину странностей и ЧП последнего времени...

Из выступления Э. Я. Буша на совещании в ИНКОНе.

«...Позвольте обрисовать сложившееся на сегодняшний день положение. Три недели назад в Бескидах появился объект, который мы условно назвали «складкой». Неделю спустя были замечены другие пространственные феномены — типов «игла», «изгиб» и так далее. Почти одновременно появились «рыжие брюнеты». В ответ на разосланное нами циркулярное письмо сообщения о них поступили уже из двадцати семи мест.

По первоначальной гипотезе, мы имеем дело с негуманоидной цивилизацией двадцатого — двадцать третьего порядка. Так называемые «рыжие брюнеты» являлись, скорее всего, реакцией негуманоидов на людей. Слабое место гипотезы — отсутствие попыток контакта с их стороны. Не наблюдалось пока ни одного случая хотя бы элементарного внимания «рыжих» к человеку. Они абсолютно равнодушны к нам.

Вероятно, точно так же вела бы себя земная экспедиция на заведомо необитаемой планете. Сбор информации, пробы атмосферы, побочные явления типа шурфов, взрывов, строительных площадок — полная аналогия с наблюдаемыми пространственно-метрическими явлениями. Если предположить, что «рыжие брюнеты» — просто автоматы для сбора информации, закамуфлированные под людей, почему-то только под рыжих, то гипотеза утверждается в качестве исходной. Тогда метрические складки местности — это замаскированные места дислокации пришельцев.

Решение может быть только одно — форсировать контакт. Каким образом? Мы считаем, надо попытаться показать пришельцам, что Земля обитаема. Проще всего — копирование пространственных эффектов. У них появляется «игла» — и мы втыкаем рядом свою «иглу». В ответ на «складку» — сворачиваем пространство в свою складку. И так далее. Технически это просто, служба оповещения налажена тоже хорошо.

Почему решено поступать именно так? До сих пор ни один из феноменов не причинил ни малейшего вреда ни одному человеку. К сожалению, это единственное свидетельство того, что нас они все-таки замечают. Исходя из этого, решено пока не противодействовать им.

Конкретные задания получите на местах. Все свободны...»

Из дневника Елены Сибирцевой, музыкально-го архитектора первой категории.

«Чарнополь. Я прилетела сюда еще вчера. Группа уже в сборе. Мой ИГЗ просто великоле-

пен. Такой малыш, а метрики сгибает и разгибает, как старинный силач — подковы. Я зову его Гераклом.

Ждем Сергея Петровича. Нам повезло, что попали в группу Федорова. Он строг, но зато работает с ним легко и просто...

Прилетел Сергей Петрович. Сегодня он очень рассеян и, кажется, сердит на что-то. Не заметил даже, что у нас все готово и настроено. Хмыкнул что-то под нос и для начала прочел целую лекцию о соблюдении инструкций. Запуск назначен ровно на одиннадцать.

Мой квадрат — 64-09, там, где лужайка вся в цветах. Напарник мой, Всеволод, сворачивается на 63-10, у него там кусты и ручей. А сам Сергей Петрович работает на 63-09, в том самом квадрате, угол которого занимает знаменитая Бескидская складка, буквально в ста метрах от нее. Всеволод считает, что внутри нее спрятан космический корабль.

Я как-то побаиваюсь пришельцев, хотя здесь все тихо, да и людей они, говорят, не трогают. А Сергей Петрович очень спокоен. Я даже видела, как он прошел сквозь складку, совсем как пришелец, равнодушно и не обращая внимания. Возится с планшетами, еще раз доводит приборы, подстраивает к себе большой ИГЗ. До запуска ровно час.

...Все кончено. Сергей Петрович лежит в больнице. Сама я его не видела, а Всеволод, который догнал его километрах в трех от станции, рассказал немного. Психический стресс, тоска в глазах... Но лучше по порядку.

В 11.00 прошла команда на запуск. Я стала ловить аккорды в гармониках, а в паузах слушала Всеволода. Он быстрее, чем я, ведет складку, у него очень музыкальные пальцы и слух абсолютный. Сергей Петрович, как и было условлено, отключился от нас сразу же. Свертка мне удалась. Настроение было ровное, даже боевое. Когда я закончила, Всеволод уже вызывал Сергея Петровича, но тот не отвечал. Мы поняли, что дело неладно, и примчались на центральный пульт. Там его уже не было. Большой ИГЗ звучал в полный голос, но симфония не заканчивалась. Насборот, какие-то тревожные ноты дисгармонировали с общей метрической тональностью. Всеволод сообщил об этом начальству, а я включила стерео и заметила в углу экрана маленькую фигурку, уходящую к реке. Это был Сергей Петрович, и Всеволод побежал за ним.

Я подошла к клавишам и все поняла. Сергей Петрович не подбирал метрику синхронно со складкой пришельцев. Он сразу же повел контртемпу, пытаюсь развернуть их свертку. Впрочем, даже не развернуть, нет, он делал гораздо боль-

ше! Он очень талантливый композитор, и ему почти удалось то, чего еще никто в мире не делал. Полвека назад великий Спалланци предложил неалгоритмизируемую задачу — симфонию «двойного голоса». Имеется свободно звучащий синтезатор мелодии со случайной программой. От композитора с другим синтезатором требуется так сыграть вторую партию, чтобы в целом получилось законченное произведение, скажем, концерт для двух скрипок. А ведь у Сергея Петровича первым голосом была не просто скрипка, а сложная метрическая структура складки, живущая, дышащая, звучащая в несколько гобоев, валторн и виолончелей, цветущая десятком оттенков. Он не просто вел аккомпанемент, музыкальное сопровождение, но боролся с симфонией пришельцев, уводил ее в свое русло, разгребал чужую подковку...

В случае неудачи был неизбежен эмоциональный удар. Удар и был, и оказался настолько сильным, что Сергей Петрович бросил пульт, бросил работу... Всеволод сказал, что из больницы Сергей Петрович выйдет скоро, но когда работать начнет — неизвестно...»

Отрывок из фонограммы совещания в ИНКОНе.

Директор Э. Я. Буш: Очевидно, что все нарушения «статус кво» пришельцев приводят к сильнейшим эмоциональным потрясениям, причем сила их несоразмерна собственным переживаниям нарушителей. Я считаю, что мы имеем дело с явно привнесенными, навязанными эмоциями.

Референт Трубицын: Возможно, у них эмоциональный язык? К примеру, у коллеги Юлиева просто спросили дорогу в ИНКОН, а он этого не понял?

Директор: Случай с Цезарем Юльевичем особый. Не забудьте, что его «рыжий брюнет», в отличие от других, был весьма материален.

Секретарь: Эдвард Янович, вас в приемной спрашивают, попросить подождать?

Директор: Да-да, займите товарища на полчаса...

Секретарь вернулась в приемную.

— Просили подождать минут тридцать — сорок.

Молодой рыжеволосый человек в черном костюме понимающе кивнул и с неподдельным интересом стал рассматривать вделанную в простенок молекулярную копию картины «Утро в сосновом лесу».

Через несколько минут в приемную вышел Юлиев.

— Зинаида Сергеевна, стаканчик «аква вита», пожалуйста, что-то в горле пересохло...

Цезарь Юльевич повернулся и увидел посетителя. В глазах замдиректора мелькнуло изумление, и он буквально упал в жалобно скрипящее кресло.

— Вы... вы к кому? — выдавил он.

— Здравствуйте, Цезарь Юльевич! Я к вам. Ко всем вам, землянам!

Контакт наконец состоялся.

Интервью замдиректора ИНКОНа Юлиева корреспонденту «Всемирных Известий».

Корр.: Цезарь Юльевич, расскажите нашим зрителям, в чем причина неудач первых попыток контакта? Почему пришельцы так странно себя вели? В чем все-таки дело?

Юлиев: Знаете, дело оказалось в скафандре! У пришельцев нет защитных скафандров в нашем смысле этого слова. Их заменяют тончайшие слои особой биоплазмы, в которых и происходит процесс газового обмена — дыхание. Эти же слои задерживают опасные для жизни микроорганизмы... Но зато у них есть общий для всех эмоциональный скафандр, предохраняющий их от эмоциональных перегрузок и слишком сильных психологических воздействий. Эмоскафандр руководит внешней стороной их деятельности и поведения, формирует привычный для землян внешний облик. Ведь мы еще даже не знаем, как они выглядят на самом деле. Управляющий комплекс скафандра, кстати, находится в Бескидской складке.

Поясню сказанное такой иллюстрацией. Представьте, девушка, что вы перенеслись в прошлое, скажем, в средние века. Что бы вы стали делать?

Корр.: Это так неожиданно... Ну, я бы обратилась к прохожим с просьбой сообщить мне, как пройти к директору... точнее, к главному феодалу...

Юлиев: Ну-ну! В средние века молодая женщина в такой непривычной одежде, с открытым лицом, да еще одна, без спутника, да еще сама заговаривает с мужчиной... Для вас бы даже суд инквизиции не собирали, сожгли бы тут же без всякого! Вы не смущайтесь, я думаю, что и со мной сделали бы то же самое, хотя и по другим причинам.

Корр.: А при чем здесь скафандр, у нас ведь все-таки не средневековье?

Юлиев: А при том, что разница между нами и пришельцами гораздо значительнее, чем меж-

ду современным и феодальным обществами. Вот эмоскафандр и должен приспособить психологию поведения пришельцев к психологии землян, сблизить наши эмоциональные сферы.

Корр.: Почему же сближение происходило так долго?

Юлиев: Этого я вам точно сказать не могу. Тут несколько причин. Скажем, очень мощным оказался эмоциональный аспект земной ноосферы. Кроме того, в земном эмпополе часто наблюдаются спонтанные вспышки активности. Одна из них и нарушила режим работы управляющего комплекса эмоскафандра.

Корр.: И последний вопрос. Вы все время называете их пришельцами. А как они сами себя называют, ведь не рыжими брюнетами?

Юлиев: Людьми. Единственное число — человек!

Цезарь Юльевич не рассказал симпатичной корреспондентке, что источником мощного выброса, повлиявшего на работу эмоскафандра пришельцев, послужил маленький прибор, сконструированный молодым земным изобретателем Петей Ивановым. Все, оказывается, началось с Танечки.

Незадолго до прибытия пришельцев Танечка в очередной раз объявила Пете, что она его больше видеть не может, не хочет и, наконец, просто не любит. Сказала — и уехала в экспедицию.

Отчаявшийся огненно-рыжий юноша с горя изобрел современное приворотное зелье — простейший эмогенератор большой мощности. Изобрел, включил и поехал в Бескиды, чтобы еще раз объяснить с Танечкой. Ее он не нашел, но, случайно пройдя сквозь складку, которую даже не заметил, выбил своим прибором эмоскафандр пришельцев из режима, да еще и настроил его на свой внешний облик.

Цезарь Юльевич не сказал также, что при встрече с Петей Ивановым сразу же узнал в нем молодого человека, даже не извинившегося в тот памятный вечер...

Остается только добавить, что, когда корабль пришельцев отбыл с Земли, после завершения официальной церемонии прощания, командир корабля отвел в сторону Цезаря Юльевича:

— Вы не знаете, простила ли Танечка Петю? Очень хотелось бы!..

И оба они улыбнулись. Эмоскафандр работал на полную мощность.

ВСЁ РАВНО НЕ ПОВЕРЯТ...

Владимир ГРИБОВСКИЙ

Рисунок Е. Охотникова

Володька строил автомобиль. Всю зиму, несмотря на лютые морозы, едва выдавалась свободная минута, он спешил к полуразвалившемуся сарайчику, превращенному в мастерскую.

Здесь было его царство, посторонние сюда не допускались.

На стене висели инструменты и всевозможные приспособления, по углам валялись ржавые железки, уголки и трубы, колеса, шестеренки и прочий хлам, необходимый для будущего автомобиля. В центре сарайчика на неровном земляном полу возвышалась поставленная на березовые чурбаки Володькина гордость — рама, сваренная из толстостенных дюралевых труб...

Он отогревал за пазухой озябшие руки, вышал тонус глотком горячего чая из термоса и

вдохновенно приступал к работе. Пилил, сверлил, подгонял детали, закручивал болты — и не было для него занятия интересней и прекраснее.

— Господи! — сокрушалась жена, выведенная из терпения постоянными отлучками мужа, и закатывала очередной скандал из-за денег, потраченных на детали. — За что мне наказание такое? Тоже мне, Самоделкин выискался!

«Глупая женщина, — снисходительно думал Володька. — Разве ей объяснишь...» Улучал момент — и снова исчезал в мастерской.

Работа продвигалась успешно. На раме постепенно появлялись колеса, амортизаторы, рулевое управление, двигатель. Володька любовно осматривал сделанное и брался за очередной агрегат, разговаривая с машиной, как с человеком.

— Ничего, — убеждал он, орудуя гаечным ключом. — Мы еще увидим зеленый свет, мы еще промчимся по улицам города...

И действительно — наступил день, когда Володька запустил двигатель и в облаке синего дыма, под восторженные крики собравшихся мальчишек, выехал из мастерской.

Построенный им автомобиль красотой не блистал. Короткий и излишне высоковатый, собранный из старых узлов и деталей, он, едва появившись на свет, походил на поработавшего вдоволь старичка. Сгорбленного и усталого, но, несмотря на это, веселого и доброго, отчего Володька сразу дал ему название — «Гном». Оно как никакое другое подходило самоделке...

При неказистом виде и слабом двигателе «Гном» имел и достоинства. Во-первых, благодаря размерам он умещался там, где не поместилась бы ни одна малолитражка. Во-вторых, «Гном» был прост в управлении, потреблял мало бензина и не требовал слишком уж дефицитных запасных частей. В-третьих, он был необычайно легок, и Володька, не имея домкрата, без особых усилий поднимал его — что за перед, что за зад... Были и еще преимущества у этой машины, но Володькины соседи, счастливые обладатели «Жигулей» и «Волг», достоинств «Гнома» явно не оценили.

— Эй, Самоделкин! — кричали они проезжающему мимо Володьке. — Тебя на свалку пригласали! Смотри, не развались по дороге...

— Ну что ты позоришься? — говорила раздраженно жена. — Хочется тебе на машине ездить, так давай займем денег и купим!

Володька отмалчивался — и продолжал ездить на своем «Гноме», несмотря на насмешки и неоднократные предупреждения ГАИ.

«Вы сами сделайте попробуйте. Своими ру-

ками, — думал он. — Посмотрим, что получится. Смеяться-то и ехидничать — ума много не надо. Поехали, «Гномушка», ну их...»

Володька возвращался с рыбалки. Дорога шла под уклон, и «Гном», поскрипывая на ухабах, весело набирал скорость. Теплый встречный поток, врываясь в кабину, шевелил редкие Володькины волосы, приятно охлаждал искусанное комарами лицо. В багажнике колыхалось ведро с окунями.

Впереди показалась железнодорожная насыпь. Надеясь выехать на нее на повышенной передаче, Володька прижал педаль газа.

Он выбрался на насыпь и вздрогнул от удивления.

За железнодорожным полотном, начисто загородив дорогу, возвышался круглый серебристый предмет, в котором любой человек, маломальски знакомый с фантастикой, тотчас безошибочно распознал бы инопланетный космический корабль.

Удержав взвизгнувший тормозами «Гном» в полуметре от сверкающей обшивки, Володька на секунду забыл о важности исторического момента. Как всякий шофер на его месте, он выхватил из-под сиденья монтировку и разъяренно бросился к вылезавшему из люка странному существу.

— Ты что, обалдел?! Кто так на проезжей части встает? Или жить надоело?

— Извини, братан, — грустно сказал пришелец, напомиравший внешне осьминога и небольшого верблюда одновременно. — Сломался я. Альфатаунизатор накрылся, так его и растак...

Володька был человеком начитанным, фантастикой увлекался, пожалуй, с тех самых пор, как осилил азбуку. Поэтому он даже не удивился, что пришелец говорит на чистом русском языке, притом со словечками из шоферского жаргона. Пришельцы есть пришельцы, они и не то могут.

— Ты бы хоть знак аварийной остановки поставил, — остывая и уже стесняясь проявленного недружелюбия, назидательно сказал Володька. — Правил не знаешь, что ли?

Пришелец задумчиво потер лохматым щупальцем лысый мясистый горб, возвышавшийся над телом и служивший, судя по всему, затылком. С земными правилами дорожного движения он, очевидно, знаком не был.

— Может, помочь чем? — предложил Володька, не желая оставаться равнодушным к беде, постигшей коллегу. — Сложная это штука — твой, как его, альфафау... дозатор? Поди, суперэлектроника на полупроводниках или жидких кристаллах?

— Альфатаунизатор,— поправил пришелец.— Не сложная. Так себе, никакой электроники, простейший кинематический механизм. Три пары шестерен, два рычага... Но без него с места не сдвинешься, сиди и загорай.

— Вот что,— обрадовался возможности помочь Володька.— Тут недалеко станция техобслуживания, всего двадцать км. Сейчас сгоняю, вызову «дежурку», и все будет в ажуре!

— Нет,— грустно улыбнулся пришелец.— Мои квант-электронные летающие киберы просматривали все подобные станции, автомагазины и даже черные рынки в радиусе тысячи километров. Ничего подобного у вас нет.

— Не расстраивайся,— успокоил Володька.— Что-нибудь придумаем. У меня есть знакомый токарь-фрезеровщик, он не только твой альфатаунизатор, он синхрофазотрон запросто выточит!

— Нет,— снова не согласился пришелец.— Я ведь разведчик, и корабль у меня — разведывательный. Основной-то звездолет со световой скоростью идет к Кассиопее. Так что еще полчаса — и мне уже незачем взлетать: все равно не догоню, горючего не хватит. А еще через полчаса силовая защита откажет, и я вместе с кораблем просто испарюсь в вашей атмосфере. Такие дела, братан. Как ни крути, а все равно мне крышка.

Растревоженный Володька уселся рядом с пришельцем на теплую плоскость корабля. Вынул помятую пачку папирос, машинально протянул одну собеседнику. Тот взял крючковатым ртом «беломоринку» и, не дожидаясь огня, проглотил ее. Поморщился, но не выплюнул.

Высоко в небе, оставив пушистый инверсионный след, бесшумно проплыл реактивный самолет. Они проводили его завистливыми взглядами. Посмотрели друг на друга, оба тяжело вздохнули.

— Как хоть он выглядит? — спросил Володька, чтобы не молчать.

Пришелец щелкнул щупальцем, и прямо в воздухе появилось цветное изображение замысловатого механизма. В его очертаниях Володька внезапно уловил что-то знакомое.

— Стой! — счастливо заорал он, вглядываясь в чертеж.— Да ведь это же мой универсальный редуктор-реверс! Какое, говоришь, у тебя передаточное число?..

Через двадцать минут самодельный Володькин редуктор, снятый с «Гнома», уже нашел себе место среди сложнейших агрегатов инопланетного корабля. Термофотонный двигатель недовольно фыркнул, но завелся с полуоборота

и на холостом ходу сразу заработал устойчиво.

Пришелец, вне себя от радости, крепко стиснул сразу четырем щупальцами мозолистую Володькину руку, перемазанную грязью и солидом, и торопливо полез в люк.

— Постой! — спохватился Володька.— А как же контакт?

— Есть контакт! — весело откликнулся из кабины пришелец, неизвестно что имея в виду.— До встречи!

Домой Володька, в который уже раз, катил машину на себе.

Солнце еще не село, было по-летнему жарко. По грязному пропыленному лицу струился обильный пот, но настроение у Володьки было отличным.

— Совсем спятил,— говорили попадавшие навстречу соседи.— Эй, Самоделкин! Чему радуешься-то?

Володька улыбался и молчал. Что рассказывать? Ведь все равно не поверят...

Свидание с Софией

Виктор ХОХЛАЧЕВ

У каждой столицы есть свой магнитный полюс людского притяжения. Для москвича это — Кремль, для парижанина — Нотр-Дам, для римлянина — собор святого Петра, а для киевлянина — София Киевская, красавец собор.

Возведенный на месте памятной битвы с печенегами и сам по себе ставший памятником расцвета Киевской Руси, этот собор был тем самым центром единения земли, которую мы называем великим словом Родина. Отсюда наши родоначальники выступали в походы, сюда наши предки приходили со своими радостями, чаяниями и надеждами, со своей скорбью и гневом. Именно здесь первый наш публицист-провидец Илларион написал и провозгласил свое «Слово о законе и благодати». Здесь были созданы «Изборники Святослава».

В стенах Софии Киевской был зажжен очаг нашей культуры, нашего просвещения. Здесь мы начали писать свою историю, составив первый летописный свод 1037—1039 годов, заложили основы законодательства — знаменитую «Русскую правду», основали первую библиотеку, собрание которой насчитывало около тысячи книг, и первую школу мастеров гусиного пера, наладившую переписку и переводы византийских сочинений «от грека на словенское письмо» и послужившую прообразом будущих словолитен и книгопечатен.

Этот собор, общепризнанный шедевр старинной архитектуры и живописи, еще и своеобразный архив древних актов. С XI века до нас дошло очень мало письменных памятников, представленных в основном берестяными грамотами. И Киевская София заполнила существенный пробел в истории нашей культуры, сохранив редчайшее собрание старинных надписей и рисунков. По сути, она стала единственным хранилищем уникальных подлинников древнерусской письменности — граффити*.

Искусство граффити восходит к наскальным и пещерным «этюдам» первобытных графиков. Нехитрые наброски, лаконичные тексточки, законсервировавшие сгустки мысли далеких предков, встречаются на посуде, стенах и архитектурных деталях античных городов Греции, итальянской Помпеи, древних полисов Северного Причерноморья — Ольвии и Херсонеса.

О многом могут поведать эти скупые заметки-царапины.

«Вот оно — искусство тысячелетий. Что запечатлено на стенах? Труд, страдания, жертвы, отвага, ум и подвиг народа...» Эти слова, сказанные В. И. Лениным при осмотре достопримечательностей Московского Кремля, можно отнести и к Софии Киевской, мозаичная и фресковая роспись которой наряду с «Повестью временных лет» и «Словом о полку Игореве» стала ярчайшей летописью добра и правды, благородства и мудрости, удивительной хроникой вечной борьбы наших праотцов за справедливость, красоту и гармонию.

Первооткрывателем древнерусских настенных надписей был украинский историк и фольклорист, автор двухтомного «Описания Киева» Н. В. Закревский. Произошло это в 1868 году. Научное исследование граффити

Софии началось значительно позже, благодаря работам профессора П. Н. Попова, проведенным в 20—30-х годах нашего века. По его следам в 30—40-х годах пошел академик Б. А. Рыбаков, обнаруживший ряд любопытных надписей. Им же были проведены расшифровка и анализ настенных сообщений.

Орудиями письма на стенах Софии Киевской были специальные писала, или стили, — круглые, заостренные с одного конца металлические или костяные стержни. Выявить созданные таким инструментом произведения оказалось непросто: древние записи неоднократно покрывались масляной живописью и шпаклевкой во время неоднократных подновлений.

С 1957 года за разгадку тайн соборных граффити взялся сотрудник Софийского музея Сергей Александрович Высоцкий. Он-то и разработал методику их поисков и фиксации, принципы их датировки. «Раскопки» надписей велись с помощью зеркальных электроламп. Царапины фотографировались при боковом освещении. Выявленный таким способом еле уловимый рельеф уже на снимках прорисовывался карандашом, а затем — тушью.

Надписи были повсюду, во всех помещениях собора — в центральном и поперечном нефах (коридорах), на хорах и в крестальне. Но все же бросилась в глаза одна особенность: больше других были расписаны стены первого этажа в южной части собора. Известно, что по существовавшему на Руси обычаю как раз здесь стояли мужчины. Стало быть, «писателями» и «читателями» граффити были представители сильного пола, что, в общем-то, закономерно: среди мужчин было больше грамотных. Примечательно, что авторы настенных произведений заботились и о том, чтобы читатели не испытывали неудобств при знакомстве с текстами. Надписи делались в основном на уровне глаз человека среднего роста, там, где обычно проходила нижняя кромка фресковых изображений. Иногда, при письме столбцом, удачно использовалась разгранка — полоска, проведенная краской и отделяющая одну фреску от другой.

София была своеобразным центром связи. На ее стенах вели переписку не только современники. Она была еще и местом переключки поколений. С помощью граффити общались разные века, на разных языках. 75 надписей сделаны в XIII—XIV столетиях, 95 дошло из XII века и 27 обращены к нам из века XI. Граффити «говорят» не только на древнерусском, но и на греческом, украинском, польском и армянском языках. Именно надпись, сделанная по-гречески в 1032 году на фресковом изображении неизвестного святого в алтаре Георгиевского придела и оказавшаяся самой древней в соборе, позволила уточнить время заложения Софии — ранее 1037 года.

Кстати, только здесь, в Софии Киевской, можно встретить надписи, сделанные на фресках. Не довольствуясь изобразительными средствами, древние живописцы нередко прибегали еще и к слову. «Святой Стефан, моли

* Граффити — в переводе с итальянского «выцарапывать».

бога за меня грешного», — вызывает неизвестный автор с северной стены Антониево-Феодосийского придела.

К Софии шли за советом, за сочувствием. Рекордное число обращений к всемогущему Онуфрию обнаружено на его фресковом изображении в бывшей южной части наружной открытой галереи. Этот святой считался исцелителем больных, и к нему на «прием» добивались многие просители.

У древнего южного входа в собор, все в том же Антониево-Феодосийском приделе, обращает на себя внимание надпись, сделанная на высоте двух метров от уровня былого пола: «Приде князь Стополк...». Это только первая часть записи, вторая отвалилась вместе со штукатуркой. По стилю она напоминает «Повесть временных лет», в которой, например, есть слова: «приде Ярополк из Ляхов», «приде Мстислав из Тмуторакана Киеву».

«Пришел князь Святополк». Что хотел этим сказать безымянный автор? Что в этом граффити — сухая констатация события, ликование или горечь?

Нет, что ни говори, а София, обследованная до каждого камешка, разгаданная и раскрытая вся для всеобщего обозрения, хранит еще немало тайн.

Киевские текстовые граффити — это не просто настенные грамоты, это — первые наши... стенгазеты!

В отличие от нынешних, стенгазеты Киевской Руси «вывешивались» на вечные времена, ибо, как позже справедливо заметил поэт:

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь письмена.

Настенные надписи были довольно распространенным явлением в старые времена, но только в Софии Киевской на стенах осмеливались сообщать о том, о чем умалчивали летописи.

Долгие годы настенная летопись скрывалась под фресками более позднего времени, и лишь сравнительно недавно, в ходе реставрационных работ, она открылась вновь людскому взору, на сей раз перед читателями XX века.

Столб в центральном нефе прозван княжеским: специалисты считают, что здесь оставили свои автографы лица, принадлежавшие к князю либо к его дружине. Именно на этом столбе сделаны записи о княжении Святослава Ярославича, о «поставлении владыки» — первого русского митрополита Иллариона, о смерти Владимира Мономаха.

Но что это? Еле уловимые глазом буквы-царапины. Текст явно не «княжеской» тематики. С трудом читается текст:

«В лето 6560 марта в 3-е розгромле в 9-й час дне бже в то 40 святого мученика Евтропия».

Сколько же лет этой информации? Известно, что до реформы 1699 года летосчисление на Руси велось по мартовскому, а затем — по сентябрьскому календарю, но точкой отсчета всегда была дата «сотворения мира». С петровских времен начался новый счет годам — от начала нашей эры, то есть от рождения Христа. Иисус появился на свет спустя 5508 лет после акта «творения». Итак, чтобы датировать надпись, следут из 6560 вычесть 5508. Значит, что-то такое «разгрелось» 3 марта 1052 года, в 9 часов, и случилось это в день святого Евтропия.

Лишь в семнадцати софийских граффити даются точные даты описываемых событий. Но столь развернутой, как здесь, нигде нет. Что же заставило автора отступить от канона? Чем же был примечателен тот гром, разразившийся среди ясного мартовского неба, если он

удостоился самой расширенной датировки в галерее настенных надписей Софии? Наконец, почему эта запись сделана именно здесь, в центральном нефе, на трех стенах которого запечатлен парадный выход Ярослава Мудрого со своим семейством?

Обращаюсь за консультацией к старшему научному сотруднику государственного архитектурно-исторического заповедника «Софийский музей» Надежде Николаевне Никитенко, и с ее помощью выясняется следующее.

На Руси немало внимания уделялось различным приметам-знамениям, главное место среди которых занимали такие явления природы, как затмения солнца и луны, появление комет и раскаты грома. Существовали даже специальные гадальные книги — «Громники», составители которых пытались предсказать, в зависимости от места и времени «сотрясения неба», урожай, падеж скота, эпидемии, войны, засуху, наводнения и другие стихийные бедствия. Особый акцент в «Громниках» делался на пророчествах о смерти «великих мужей», в том числе и царствующих особ.

По мнению автора «стенгазеты», гром 3 марта 1052 года был предвестником скорой смерти Ярослава Мудрого, потому-то неизвестный пророк и сделал ее здесь, у семейного портрета великого князя. Самое удивительное во всей этой истории то, что автор не ошибся в своем мрачном прогнозе: спустя два года на третьем от алтаря Южном крещатом столбе появилось траурное извещение: «В 6562 месяца феввари в 20-е усение царя нашего», что следует понимать как: «В 1054 году, 20 февраля — кончина царя нашего».

Эта надпись явилась подлинной находкой для историков. Ведь дата кончины выдающегося деятеля Древней Руси, основателя Софийского собора на протяжении длительного времени считалась сомнительной, поскольку до нас дошла примерно двадцатая переписка литературного источника. Граффити внесло полную ясность в свидетельство разных летописцев. Примечательно оно еще и тем, что это — единственный документ, указывающий на царский титул Ярослава.

Вот самая большая по объему текста надпись. Это граффити оказалось редким документом. Всего четырнадцать строк, сообщающих об акте купли-продажи участка, оцененного в 700 гривен, и о внесении положенной за такую финансовую операцию церковной десятины — 70 собольих гривен. Довольно крупная по тем временам сумма. Для сравнения достаточно напомнить, что цена села Березовичи, купленного владимирово-волинским князем Владимиром Васильковичем, составляла всего 50 гривен. Любопытно еще одна деталь: за землю было уплачено драницами — связанными по трое высококачественными шкурками соболей.

В качестве покупателя названа княгиня Мария Мстиславна — супруга Всеволода Олеговича, с именем которой связано сооружение в Киеве Кирилловской церкви, сохранившейся и поныне как филиал Софийского музея. Примечательно, что в качестве свидетеля торговой и юридической сделки упомянута святая София. Поэтому можно сделать вывод, что клирики не только собирали причитающийся им десятинный налог, но и выступали активными участниками операций с товаром, скрепляя и удостоверяя их церковью и богом.

Этот древний настенный коммерческий вестник вызывает особый интерес историков и литературоведов. Дело в том, что купленные уголья названы здесь Бояновой землей. А ведь имя Бояна — этого «соловья старого времени», не раз встречающегося в «Слове о полку Игореве», считалось чуть ли не мифическим. Теперь же, благодаря открытию уникальной записи, скрытой жи-

вописью новых времен, легендарный певец-сказитель может быть представлен перед нами и как реальная историческая личность, имевшая конкретную земную прописку.

Еще одна весть из седой старины: «Месяца декабря в 4-е створища мир на Желяни Святополкъ, Володимиръ и Ольгъ». О мирном договоре между тремя князьями, упомянутыми в «стенгазете», умалчивают даже летописи Киевской Руси!

На стыке XVII—XVIII столетий стены Софийского собора были расписаны фресками. Почти три века эта «стенгазета» вместе с другими надписями была скрыта от глаз читателей. Ее открыл вновь и расшифровал С. А. Высоцкий.

Церковный устав категорически запрещал писать на стенах собора святой Софии. Нарушители карались штрафом и ударами палиц. Однако это не мешало прихожанам (и даже самим служителям храмов) постоянно нарушать строгий церковный запрет.

В ходе реставрационных работ было вскрыто около двухсот надписей, относящихся к XI—XIV столетиям. Путешественники, купцы и местные жители оставили в разных уголках собора свои «визитные карточки»: «Иван», «Дмитр», «Иван — дьяк Давыдов», «Писал Матей», «Писал Данило», «Симеон писал», «Жадко писал хрест». Немало здесь и различных символических и бытовых рисунков. Выходит, и в те далекие времена были озорники, подобные тем, что сегодня расписывают стены архитектурных памятников своими автографами.

В алтарной части Михайловского придела начертано дерзкое обращение: «Господи, помози рабу своему Василеви, грешнику, помози емоу, господи». Академик Б. А. Рыбаков, расшифровавший эту надпись, связывает ее с именем великого князя Владимира Мономаха, крестное имя которого было Василий и который действительно был весьма жестоким владыкой.

...Много следов седой старины хранят на себе стены Софии Киевской.

Под инициалами « П. С. »

Виталий ПАВЛОВ

О существовании этой книги знают только библиографы. Впервые ее зафиксировал в 1814 году «отец русской библиографии» В. С. Соликов. Спустя почти столетие (в 1912 году) соликовскую справку повторил в своей публикации В. Семенников. Минувло еще полсотни лет, и чуть расширенная справочка появилась в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века». Вот она: «Варбек. Английская повесть, основанная на исторической истине, переведена с французского. Из сочинений г. ... Арнода. В Сибири. Тамбов. Вольная тип. (А. Нилова), 1793. 306 с. 8°».

Книга открывается посвящением: «Милостивой государыне ЕКАТЕРИНЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ея высококордия Алябевой. С глубочайшим почтением посвящает всепокорнейший слуга П. С.».

Составители «Сводного каталога...» по этому поводу высказали очень осторожное предположение: «Перевод, возможно, сделан Панкратием Платоновичем Сумароковым, тобольским литературным деятелем, которому покровительствовал губернатор А. В. Алябьев».

Эта библиографическая запись рождает ряд вопросов: кто такой «г. Арнод», что значит помета на титульном листе «В Сибири», верно ли, что переводчиком был П. П. Сумароков, кто такая Е. В. Алябьева, почему книжка появилась в Тамбове?.. Ну, а самое главное — что собой представляет книга, каково ее содержание, почему внимание переводчика привлекло именно это произведение? На все эти вопросы ответов в отечественной литературе нет.

Правда, в одной старой русской энциклопедии, изданной в прошлом веке, нашлась краткая статья о «г. Арноде». Это Франсуа-Тома-Мари де Бокюлар д'Арно, фран-

цузский писатель (1718—1805), автор многочисленных повестей, романов и пьес.

Арно покровительствовал знаменитый Вольтер — помогал ему деньгами и советами. Прусский король Фридрих II пригласил его в Берлин. «Пробыв там год, — говорится в энциклопедии, — он отправился в Дрезден, где был советником посольства, и затем вернулся во Францию. Во время террора он был заключен в тюрьму. Умер в Париже 8 ноября 1805 г. В произведениях его замечается большая склонность к ужасному».

Словно продолжая последнюю мысль, французский филолог Т. Севреис в «Словаре французской литературы XVIII века», изданном в Париже в 1960 году, подчеркивал, что Арно принадлежит своеобразная слава изобретателя «жанра ужасов» во французской драматургии.

Однако на русской почве писатель был более известен не как драматург, а как автор «ужасных» повестей и рассказов. О его популярности в России говорит то, что с 1769 года по конец века на русский язык было переведено более трех десятков его произведений. Мало того, в 1789 году Н. И. Новиков издал двухтомник избранных повестей и анекдотов Арно под странным, мало-подходящим заголовком «Успокоение чувствительного человека, или Собрание сочинений г. Арнода, прославившегося писанием трогательных и удовольствие приносящих повестей в английском вкусе».

Интерес читателей к произведениям французского проромантика, наполненным чувствительностью на манер Жан-Жака Руссо и страданиями в духе Эдварда Юнга, не ослабевал и в 90-е годы «осмнадцатого» века.

Кто же переводчик, скрывшийся за инициалами «П. С.»? Расшифровать криптоном помогает указание на

титულном листе — «В Сибири». Дело в том, что за несколько лет до выхода в Тамбове «Варбека» в Тобольске, в типографии Василия Яковлевича Корнильева и его сына Дмитрия Васильевича (прадеда и деда Д. И. Менделеева) — единственной тогда типографии на территории от Волги до Тихого океана — была напечатана «английская повесть» «Училище любви». Перевел ее с французского языка «П. С.». В журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», выходившем также в Тобольске в 1789—1791 годах, под переводными и оригинальными сочинениями стояли «П. С.» либо «Пан... Сум...», что значит «Панкратий Сумароков».

Корнету Конной гвардии, внучатому племяннику большого русского писателя Александра Петровича Сумарокова Панкратию Платоновичу шел лишь 21 год, когда его обвинили в подделке ассигнаций и приговорили к смертной казни. Екатерина II заменила казнь двадцатилетней ссылкой в Тобольск, лишив Сумарокова чина и дворянского звания. Вчерашний столбовой дворянин стал туринским мещанином. Блестяще образованный молодой человек, обладавший к тому же поэтическим даром, талантами художника и музыканта, не мог не обратить на себя внимания в «стольном граде Сибири».

Оригинальные стихотворения и прозаические переводные произведения, опубликованные Сумароковым в «Иртыше», принесли ему известность не только в Тобольске, но и далеко за его пределами. В 1793—1794 годах Панкратий Платонович редактировал еще один тобольский журнал — «Библиотека ученая, экономическая, правоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей». Это было энциклопедическое по содержанию издание, наполненное преимущественно переводами сочинений европейских авторов.

Занятие литературой для Сумарокова стало одним из источников материального обеспечения. Мать прислала пособие небольшое, а вместе с Панкратием добровольно делили годы ссылки сестра Наталья да двое слуг. В 1789 году он женился на гувернантке Софье Казабе, девушке воспитанной и образованной. Сумароков, дававший частные уроки детям местных купцов и чиновников и заслуживший репутацию знающего педагога, с помощью молодой жены открыл частный пансион. Супруги трудились в нем в четыре руки.

За редактирование «Библиотеки ученой...», издававшейся на средства приказа общественного призрения, Сумароков получил гонорар. Но случилось это по выходе последней, 12-й книжки журнала в 1794 году. В течение двух лет «Библиотека ученая...» печаталась в типографии Дмитрия Корнильева. В 1793 году, кроме шести номеров этого журнала, из типографии вышло всего две небольшие книжечки: «Слово о пользе физики» Тимофея Воскресенского и «Ода на новый 1793 год» Ивана Трунина. В связи с этим остается неясным, почему перевод «Варбека» появился не в Тобольске, а в Тамбове. Возможно, между Сумароковым и Корнильевым «пробежала черная кошка», а может, типография была настолько перегружена заказами наместнического правления, что Корнильев не чаял справиться с новым заказом.

Есть и другой путь догадок. В 1791 году в Тамбовской вольной типографии бригадира Андрея Михайловича Нилова вышла книга С. Ф. де Жанлис «Аделия и Теодор, или Письма о воспитании, содержащая в себе правила, касающиеся до трех различных способов воспитания, как то принцов и обоего пола юношества». Довольно объемистая, в 264 страницы, книга была переведена с французского языка двоюродным дядей Панкратия Платоновича Павлом Ивановичем Сумароковым. Павел Иванович близко к сердцу принимал нужды несчастного родственника. (В 1801 году именно благодаря его стара-

ниям появился императорский указ об освобождении Панкратия Платоновича из ссылки, а годом позже — еще один — о восстановлении Сумарокова в дворянских правах). Возможно, он-то и посоветовал племяннику отправить рукопись «Варбека» в Тамбов.

Следуя за дядей, Панкратий Платонович, вероятно, продал Нилову рукопись перевода, а вместе с нею и право издания повести. Скорее всего именно таковы обстоятельства появления произведения Арно и на тамбовской земле.

Подзаголовок повести гласит, что она «основана на исторической истине». Действительно, главные герои произведения не выдуманы. Все они были реальными участниками кровавой войны между Белой и Алой розами — Йоркской и Ланкастерской династиями, одинаково жадно тянувшимися к английскому престолу.

Чтобы разобраться в событиях, которые послужили канвой сочинения, кратко напомним о тех, что предшествовали им. После смерти в 1483 году английского короля Эдуарда IV, представителя клики Йорков, вспыхнула борьба за трон внутри этой клики. Дети Эдуарда IV, в том числе наследный принц 12-летний Эдуард V и его девятилетний брат Ричард, были объявлены незаконнорожденными и посажены в Тауэр. С тех пор никто их не видел, и судьба принцев по сей день остается исторической загадкой. Королем стал младший брат Эдуарда IV Ричард III. Но спустя два года с помощью французских наемников и предавших Ричарда III вельмож внебрачный отпрыск Ланкастеров граф Генрих Ричмонд разбил войско нового короля и воцарился на английском престоле. Однако борьба не закончилась. Сторонники Йорков решили использовать все средства, чтобы свалить Генриха VII.

Ближайшим из родственников короля по мужской линии оставался юный племянник Эдуарда IV граф Варвик. Но он, как и маленькие принцы, тоже томился в Тауэре. Заговорщики-йоркисты, в центре которых стояла сестра Эдуарда IV герцогиня Маргарита Бургундская, выдвинули на политическую арену подставного «графа Варвика», якобы бежавшего из Тауэра. Им стал сиделец хлебной лавки некий Ламберт Симнел. Снаряженное йоркистами войско Симнеля в 1487 году потерпело поражение, сам он оказался в плену. Дело завершилось комически: претендента на корону Генрих VII не казнил, как можно было ожидать, а сделал одним из поварят на своей кухне...

Неудача не остановила йоркистов, и они затеяли новые козни. Ходу их от начала до трагического конца и посвящена повесть Арно.

Сюжет ее таков. Йоркисты, близкие к герцогине Маргарите Бургундской, отыскивали юношу — сына торговца, «мещанина Турнайского» по имени Варбек. Предположительно он был незаконным сыном Эдуарда IV, очень похожим на него; юноша отличался громадным честолюбием, мечтал о троне, знал несколько языков и был влюблен в графиню Гунтлей, родственницу шотландского короля Иакова IV. Варбека Перкина тщательно готовили к той роли, которую он должен был сыграть. Однако он не хочет «приобрести диадему безстыдством подлой лжи!», хотя и не прочь овладеть тронном открыто под собственным именем. Тогда Маргарита, точно рассчитав, называет имя Гунтлей, на которой герцог Йоркский может жениться, а Варбек — нет. Юный честолюбец и влюбленный тотчас «повергается к стопам» герцогини. Теперь он готов стать самозванцем.

Чтобы создать видимость непричастности Маргариты Бургундской к «герцогу Йоркскому» и вместе с тем обеспечить время для подготовки выхода его на картонный стол политической игры в Европе, Варбека в сопровождении секретаря герцогини Фриона и братьев Астлей инкогнито отправили в Португалию. Спустя время Вар-

бек высадился на берег Ирландии, где уже открыто объявил себя герцогом Йоркским, и «Йорк был первый ирландский город, признавший Ричарда Плантагенета, второго сына Эдуарда IV, законным Государем Великобритании».

Как свидетельствует английский историк, произошло это в начале 1492 года, в тот момент, когда Генрих VII готовился к войне с Францией. Карл Французский пригласил «герцога Йоркского» к себе и ловко воспользовался им, чтобы добиться от Генриха заключения мира. Англия обуславливала мирный договор выдачей ей самозванца. В этих условиях Карл VIII «нашелся принужденным... выслать герцога Йоркского...» из Франции.

Из Ирландии самозванцу также пришлось уйти не солоно хлебавши. Тогда он бросился в Шотландию и нашел там не только радужный прием, но руку и сердце возлюбленной графини Гунтлей, кузины Иакова IV.

В то время в одной из ирландских провинций вспыхнул мятеж против англичан, и «герцогу» предложили возглавить его. Вместе с женой Варбек вступает в Бодмин; три тысячи человек к нему туда приходят; он принимает титул королевский, и раздаются повсюду восклицания и поздравления». Накануне решающего сражения с войсками Генриха VII «Ричард IV» исчез из лагеря. Сторонники его были разбиты. Спасаясь бегством, Варбек укрылся в Бовлейском монастыре и сдался королю, обещавшему сохранить ему жизнь. Схватчена и герцогиня. Генрих VII открыл ей подлинное имя «герцога Йоркского». Добиваясь от «герцога» признания в обмане и одновременно — любви Гунтлей, Генрих путем лживого сообщения о том, что-де Гунтлей угрожает топором, вырвал это признание у Варбека. Но Гунтлей непреклонна.

С помощью Астлея Варбеку и Гунтлей удается бежать, но неудачно. Варбек вновь в лондонской темнице. Здесь ему приходит мысль, освободить из тюрьмы подлинного графа Варвика, чтобы использовать его имя для достижения английского престола. Однако заговор потерпел крах, и голова Варбека падает под топором палача.

Предположение, что повесть, возможно, не была разрешена к печати тобольской цензурой, основано на том, что главное действующее лицо сочинения — самозванец, добившийся трона. В Тобольске еще живы были участники борьбы дворянской России против отечественного самозванца — Е. И. Пугачева, выступившего под личной императора Петра III. Был жив один из самых активных организаторов расправы над пугачевцами в Зауралье — архиепископ Варлаам; живы были и тягостные для дворянства воспоминания о совсем недавних событиях Крестьянской войны...

Правда, английский самозванец Варбек — не чета отечественному, но все же самозванец и шеп войной на царственную особу. Лучше гусей не дразнить. Примерно так могли рассуждать местные цензоры печатной продукции — по духовной части Варлаам, а по части гражданской — ректор семинарии архимандрит Геннадий.

В «Примечаниях» в конце произведения Арно пытался характеризовать Варбека как человека, которому «природа даровала... великую душу, все приятности и счастливые склонности...». Но в повести он предстает игрушкой в руках властителей Европы, слабозлым, слезливым, терзающимся своим ложным положением.

Устами Варбека Арно высказал свое мнение о просвященном монархе: «В чем состоит блаженство царей? Они имеют власть делать добро, стирать слезы несчастных и подавать руку помощи угнетенной невинности...» Это, кстати, единственный «общественный штрих» в рассуждениях самозванца и потому воспринимается как явно случайный. Арно вежливо стремится показать положительные качества Варбека. Отсюда многочисленные

описания его страданий от угрызений совести, подчеркнутое «благородство» его безмерной страсти к Гунтлей, готовность ради нее к самопожертвованию, отсутствие видимых материальных целей и выгод.

Все это понадобилось для того, чтобы противопоставить Варбека образу основателя династии Тюдоров Генриха VII. В повести настойчиво подчеркивается его алчная жажда богатства, «черствая и непреклонная душа», которая «не знала доселе, кроме сребролюбия, никакой иной страсти». Увидев Гунтлей, король вдруг почувствовал «волнение» и решил сделать ее своей любовницей. Встретив сопротивление, он прибег к коварному обману Варбека, чтобы достичь расположения графини. Автор повести всюду обращает внимание на низменные свойства характера Генриха VII.

Современная историческая наука, располагая новыми источниками, судит о Генрихе VII, конечно, глубже. Однако нельзя не заметить, что ее представления о нем в самом главном мало чем отличаются от характеристик короля, данной Арно 200 с лишним лет назад.

Чем же был вызван столь резко обличительный антитюдоровский пафос сочинения Арно? Думается, не только стремлением восстановить, так сказать, историческую справедливость, но и антианглийскими настроениями, характерными для Франции Людовиков XV и XVI.

Судя по каталогу Британского музея, «Варбек» впервые был напечатан в Париже в 1774 году. Незадолго до этого времени Франция — участница Семилетней войны — потерпела ряд катастрофических поражений на суше и на море. По мирному договору 1763 года она потеряла значительную часть своих владений в Индии. Уступила Англии всю Канаду, территории по левому берегу Миссисипи... Новый взрыв антианглийских настроений пришелся как раз на год выхода «Варбека» из печати. Франция помогала восставшим колониям морально, материально и даже волонтерами, стремясь взять реванш у Англии за свои поражения в прошлых войнах.

В образах Гунтлей и Варбека отчетливо видно влияние Ж.-Ж. Руссо.

Как и герои «Новой Элоизы», Варбек и Гунтлей природы чувствительные. Мечтая о замужестве, юная графиня желала, чтобы будущий супруг ее «знал все потребности чувствия, кои неведомы обыкновенным сердцам и кои постигают только малое число душ, моей подобных», «чтоб он испытал злополучие», так как «нещастие усугубляет чувствительность».

Естественное чувство побеждает даже феодальные сословные предрассудки, согласно которым человек «низкого», «подлого» происхождения не может обладать высокими качествами: умом, великодушием, обаянием. Для представительницы королевского дома ударом было открытие, что муж ее — не герцог, а мечанин Перкин. И тем не менее: «Я всегда буду женой Варбековой...» В данном случае сказался руссоистский «закон природы», по которому союз между любящими, к какому бы классу они ни принадлежали, естественен и необходим.

Конечно, «Варбек» не был вершиной европейской художественной литературы, и автор его не значился в первом ряду знаменитых тогда писателей. Но его повесть привлекла внимание Сумарокова совсем не случайно: в ней отчетливо просматриваются гуманистические, демократические тенденции просветительской литературы, что соответствовало настроениям и взглядам тоболяка. И не случайно он посвятил свой перевод повести сестре наместника А. В. Алябьева Екатерине Васильевне, которая поддерживала начинания литераторов прежней группы «Иртыша, превращающегося в Инокрену» — журнала просветительского направления.

ПРИГОВОР

приведён в ИСПОЛНЕНИЕ

Иван ИВАНОВ

Рисунки А. Банных

Иван Александрович Иванов родился в селе Аряже Пермской губернии, в семье кузнеца. Подростком работал поденщиком в имении помещика. В 1913—1915 годах был рассыльным волостного правления в родном селе. Уехав затем в Сибирь, в селе Топки (ныне город Топки Кемеровской области) работал волостным писарем. В конце 1919 года, после разгрома колчаковщины, стал секретарем волревкома, а на следующий год был выдвинут в народные судьи. Работал народным судьей одного из участков Щегловского уезда Томской области (Щегловск — старое название г. Кемерово). В 1922 году уехал в Москву, ра-

ботал в канцелярии военной школы в Кремле. В 1925 году вернулся на родину. Сперва был секретарем участковой прокуратуры, потом — начальником канцелярии окружной прокуратуры (г. Сарапул). В 1930 году пошел на строительство Уралмашзавода, да так там и остался.

У Иванова издано три книжки: «Гришкино учение», «У старой пихты», «Первый делегат». Печатался он в журналах «Урал», «Сибирские огни», «Уральский следопыт».

В этом году Ивану Александровичу исполняется 90 лет. Рассказ «Приговор приведен в исполнение» основан на фактах, свидетелем которых он был.

Еще не занялась утренняя августовская заря, когда из ворот губернской тюрьмы выехал верховой. За ним медленно, дробно стуча по булыжной мостовой, вереницей катились четыре ломовые телеги, окруженные вооруженными всадниками. Улицы города в этот ранний час были безлюдны. Лишь изредка на стук телег в окошках частных домов, заставленных фикусами и геранями, осторожно поднимались занавески, мелькали любопытные глаза и быстро исчезали, завидев конвой.

Время было тревожное. Совсем недавно из города вышибли отряды Колчака. В окрестностях шастало немало не до конца разгромленных белогвардейских отрядов. Не успев уйти на восток, они скрывались в глухих уральских лесах, на заброшенных заимках, в селениях глубинки. Отсюда, чаще всего по ночам, недобитки совершали отчаянные подлые налеты — жгли, убивали, грабили, насиловали, стараясь как можно больше напакостить, подорвать еще не укрепившуюся Советскую власть.

Белобандитам помогали кулаки. Прятали, истребляли запасы хлеба, травили скот; нередки были убийства сельских активистов. Да и в самом городе неспокойно. Налетчики, воры, пользуясь тем, что у новой власти еще не хватало сил и умения, действовали нагло и зачастую безнаказанно. Словом, врагов у молодой Советской республики было еще предостаточно, и с ними велась упорная борьба.

...Отряд конвоировал семерых осужденных к расстрелу. Трое из них — матери уголовники-рецидивисты — долгое время терроризировали жителей города. На их счету было немало зверских убийств целых семей. Еще трое — кулаки с елейными лицами святых угодников. Трудно было поверить, глядя на постные смиренные физиономии, что эти трое зверски замучили четырнадцать советских активистов, а затем нагайками и кнутами перепороли жен, отцов и матерей погибших.

Не совсем бездельно смотрелся в этой матерой компании седьмой приговоренный.

Его только накануне передали сюда из пересыльной тюрьмы. О смертнике мало знал даже обычно хорошо осведомленный начальник отряда Курбатов. При виде этого, совсем еще молодого человека лет двадцати пяти, глядевшего на все какими-то отрешенно-равнодушными глазами, всего навидевшиеся конвоиры незвольно ощущали неловкость. Ни тени растерянности либо испуга не мелькнуло на лице молодого человека, когда его разбудили в неурочное время, вывели на тюремный двор и поставили в ряд с другими под яркий свет фонарей.

После переключки осужденных и приказа разместиться на телегах он уселся и старательно стал приглаживать руками свои волнистые белокурые волосы и неторопливо поправлять воротник рубашки.

Курбатов, подойдя поближе, смотрел на него очень внимательно и, казалось, о чем-то размышлял.

В составе отряда ехал и врач — Орест Осипович Козинский, обязанный после казни удостоверять смерть осужденных. Наездник он был никакой, с детства боялся лошадей и потому оказался на последней телеге в компании странного молодого человека.

Обоз прогromыхал по булыжнику через весь город, выкатился на проселок и стал медленно подниматься в гору. Впереди отряда возвышался Курбатов на караковом жеребце, как всегда задумчивый и угрюмо-молчаливый.

Никто из близко знавших его не осуждал Курбатова за хмурость и отчужденность. Суровые, полные горечи и испытаний годы прожил этот старый революционер-большевик. Далекая сибирская ссылка, белогвардейский застенки, из которого он чудом вырвался — с переломанной рукой и искалеченным лицом. А недавно узнал он,

что дочь и жена были расстреляны беляками, как заложники, при отступлении из Перми.

Между Козинским и Курбатовым не было каких-либо приятельских отношений. Просто знакомы по службе — и только. Пожилой человек и опытный врач, всякого повидавший на своем веку, Орест Осипович относился к Курбатову с уважением и даже некоторой почтительностью. Он ценил его за принципиальность, за преданность делу, которому тот служил, нравственную чистоплотность. Козинский понимал, как нелегко стоять во главе такого отряда, понимал и то, что Курбатов служит здесь не по складу своего характера и тем более не из мести, как считали некоторые, а во имя революции, по долгу необходимости.

Но сейчас Козинский думал не о Курбатове. Его, как и конвоиров, занимал молодой осужденный, сидевший рядом с ним на тряской телеге.

Дорога пересекала ишеничное поле. Тяжелые литые колосья тянулись к телегам, путались в колесах, остро тыкались в руки и колени. Молодой человек сорвал колосок, тщательно растер, отдул мякину, и на ладони у него осталось десятка полтора созревших зерен. С минуту полюбозвавшись ими, он протянул руку Козинскому.

— Мужичье золото. Правда?

Козинский недоуменно посмотрел на него и подумал: «Господи, неужто он не догадывается, куда его везут?»

Между тем осужденный, приняв молчание Ореста Осиповича за нежелание нарушать правило, по которому с подконвойным разговаривать не положено, огорченно вздохнул и отвернулся. Вполголоса стал напевать какой-то бодренький мотивчик.

Козинский не выдержал.

— Послушайте, молодой человек!..

Тот повернулся к нему.

— Что, и петь не разрешается?

— Нет, совсем не это, — с легким раздражением сказал Козинский. — Мне хочется заметить вам, что вы ведете себя так, будто едете на пикник. Да понимаете ли вы, куда вас везут?

— Ах, вот вы о чем, — губы осужденного тронула горькая усмешка. — Как не понимать. Разумеется, не на прогулку.

— Черт возьми! — вырвалось у Козинского. — Тогда откуда у вас это спокойствие?

— А что мне, по-вашему, делать? Рыдать? Биться головой о телегу? Молить о пощаде? Вы можете меня пощадить?

Козинский смутился и не сразу нашелся с ответом. А молодой человек продолжал:

— Да и грехов-то тяжких за мной нет. Не успел совершить. Что же еще остается? Мечтать? Увы, поздно. Надеяться на чудо? Глупо в моем положении. Единственное и реальное для меня — еще раз, последний, полюбозваться окружающей жизнью, подышать после вонючей тюрьмы свежим воздухом. Конечно, как сказал, кажется, Дюма, один раз умирать — и то неохота. Но уж если это неизбежно, то надо собрать всю свою волю и умереть достойно.

Говорил он спокойным, ровным голосом, словно речь шла о чем-то несущественном, обыденном.

Пока Козинский размышлял: «Что это, результат зрелых раздумий или просто бравада?» — собеседник снова заговорил.

— Чего скрывать, спокойствие мне далось нелегко и не сразу. Как и все люди, да и звери тоже, я страшно хочу жить. И вел я себя вначале так же, как и все осужденные к казни. Но если они, — снова кивок на телеги, — знают, за что их ждет кара, то я ведь не виновен. Я страдаю за чужое преступление.

— Что?! — изумился Козинский. — Вы хотите сказать, что осуждены без вины?

— Да, представьте себе. Конечно, вы тоже не поверите. В это трудно поверить. Да я и не собираюсь убеждать вас. Говорю об этом потому, что уверен — рано или поздно истина будет установлена. Возможно, и вы станете свидетелем моей невиновности...

То ли телегу сильно тряхнуло на выбоине, то ли по какой другой причине, но голос рассказчика неожиданно и странно сорвался, дрогнул. Он глубоко вздохнул, кадык его судорожно дернулся вверх-вниз. Усевшись поудобнее, молодой человек откашлялся.

— Честно говоря, трудно передать, что я испытал после того, как понял по-настоящему, что меня ожидает. Я чуть с ума не сошел, катался в истерике, взывал к справедливости, метался по камере. Воду, принесенную надзирателем, выплеснул ему в лицо, пищу растоптал по полу. Безумствовал, пока не обессилел. А когда пришел в себя, почувствовал, что избил голову о стены — она была вся в шишках и кровоподтеках. Пальцы на руках распухли. Видимо, я пытался сломать оконную решетку. Орал я так, что надорвал связки... Согласитесь, разве это не безумие?

— Да, конечно, — подтвердил Козинский. — Отчаяние, что тут скажешь.

— Судьба... — продолжал молодой человек после небольшой паузы. — Помню, мать часто говаривала: «От судьбы, сынок, никуда не уйдешь и не скроешься. Что написано на роду, того не отведешь в поводу». Подумал — а ведь она права. Значит, и быть тому. А умереть надо с достоинством, коли совесть чиста. Вот отсюда и мое, как вы изволили сказать, спокойствие.

— Но как могло случиться, что осудили невиновного, да еще к высшей мере? Ведь были же для этого какие-то веские основания? — спросил Козинский.

— Конечно, были.

— Какие же?

— У меня есть двойник. Искали его, а схватили меня.

— Странно, — в голосе Козинского звучало явное недоверие. — Он что же, так похож на вас?

— Очень похож. Я сам убедился, когда следователь предъявил мне фотографию двойника и даже дал небольшое зеркало, чтобы я удостоверился. Волосы, прическа, глаза, овал лица — мои. И только парадная офицерская форма, Георгий на груди да руки, картинно сжимающие эфес пашки, убеждали, что это все-таки не я. Но убеждали меня, а никак не свидетелей. А их было немало.

— Кто же он, этот ваш двойник?

— Колчаковский офицер, командир карательного отряда.

— Немаловажная персона! — в голосе Козинского все еще звучало недоверие, смешанное с изумлением. — Он что, не успел удраить на восток?

— Очевидно. Скрывался, а может, и сейчас скрывается где-то поблизости. У него, говорят, шайка головорезов. Разбойничают, грабят, убивают. От погони ловко уходят.

— Но почему вам не удалось доказать, что вы не каратель? Были же у вас документы?

— Разумеется, были. Но у меня их украли.

— Как украли?

— Долгая история. Видите ли, я не из местных. До того как попасть сюда, я проживал в Крыму, служил старшим телеграфистом на железной дороге в Симферополе.

— В Симферополе? Как же вы оказались здесь? И зачем?

— Так уж получилось. Еще прошлой осенью я ушел из Симферополя. Бросил все — службу, квартиру, лишь

бы избежать призыва в армию Врангеля. Мобилизация была поголовной. Сперва просто скрывался в горах. Места там мне знакомые. Потом перешел линию фронта.

— Почему же вы не вступили в Красную Армию или не ушли в партизаны? — спросил Козинский.

Молодой человек развел руками.

— Что вам сказать? После суда я, может, тысячу раз пожалел. А раньше... Я никогда в руках оружия не держал. Участвовать в братоубийственной войне было противно моим взглядам. Только потом, насмотревшись на зверства белых, я понял — нельзя сидеть между двух стульев. Правда всегда одна. И, наверное, чтобы служить правде и справедливости, я всегда мечтал стать юристом.

— И что же, вы учились этому?

— Где было учиться? В Симферополе нет университета. В свободное время, правда, я увлеклся криминалистикой, много читал, чуть не наизусть выучил знаменитый трактат Беккариа Чезаре «Преступление и наказание», пробовал самостоятельно изучать наше русское «Уложение о наказаниях». Ехать куда-нибудь учиться война помешала, потом гражданская началась.

— Да, время неподходящее, — согласился Козинский.

— А когда я перешел линию фронта, — продолжал осужденный, — вспомнил, что отец мой когда-то жил в Томске и очень хвалил этот город с его высшими учебными заведениями. Вот я и решил пробраться туда. Что мне: молодой, здоровый... Но до Томска так и не добрался. Сняли меня с поезда на станции Тайга, большого спячком, без сознания. Очнулся в сыром, насквозь промерзшем бараке, до отказа набитом тифозниками. На всех больных — единственный фельдшер да два-три санитаря. Мертвецов выносили то и дело. Организм у меня довольно крепкий, никогда ничем серьезным не болел. Потому, наверное, я сравнительно быстро перенес кризис и начал поправляться. Радовался я выздоровлению так, что вы и представить себе не можете. Как из могилы выбрался. Мечтал о том, что скоро буду в Томске, который мне тогда представлялся чем-то вроде рая небесного. Поступил, думаю, в университет, стану юристом. Что может быть слаще мечты, осуществление которой так близко. И вдруг вместо этого арест. И мне говорят, что я — совсем не я, а белобандит Кравченко, каратель, кровавый палач...

Голос рассказчика дрогнул, он весь как-то сторбился, сжал виски ладонями и на короткое время превратился из невозмутимого мужчины в жалкого, отчаявшегося человека.

Любопытство Козинского было сильно затронуто, и потому, дав время собеседнику прийти немного в себя, он спросил:

— А как вы считаете, где у вас выкрали документы?

— Не только выкрали, но и подменили их другими. А где — не помню. Точно знаю — в Новониколаевске их дважды проверяли у меня. Берег я их очень и потерять не мог. А вот когда заболел и потерял сознание...

— Стало быть, их подменили в товарняке?

— Наверное, где же еще. Мне и сейчас все время вспоминается в каком-то тумане, полусне-полуяви, что ли, как следом за мной в вагон лезет еще кто-то. Но утверждать не берусь. Возможно, это бредовое видение. А вот когда меня арестовали, я почему-то часто вспоминал человека, с которым меня несколько раз за те дни сводила дорожная судьба. Такое, знаете, неопределенное лицо, густо заросшее недельной щетиной, с жадным, но ускользающим взглядом... С документами, как я думаю, у него было не все в порядке. А вот чутье необыкновенное. Во время проверок он всегда успевал исчезнуть. Последний раз в Новониколаевске он крутился возле меня, пока не показался патруль. А в тюрьме мне предъявили

не только документы Кравченко, но и револьвер, который нашли в кармане пальто...

— А как вы считаете, Кравченко и сейчас скрывается в наших местах?

— Кто знает. На суде, впрочем, говорили, что вылазки его банды прекратились. И это было еще одним подтверждением, что пойман настоящий Кравченко.

Молодой человек опять замолчал и некоторое время сидел, опустив голову. Потом грустно, как бы для себя, сказал:

— Черт знает, какая-то нелепая судьба: вылечили для того, чтобы расстрелять. Где же логика?

Козинский ничего не ответил и только подумал, что, доведись, и он лечил бы подсудимого для того, чтобы сегодня зафиксировать его смерть. Какая уж тут логика...

Между тем неторопливые и, казалось, безразличные ко всему подводчики лениво пошевеливали вожжами и временами монотонно прикрикивали «и-э-э», на что лошади не обращали ровно никакого внимания, и эскорт, как похоронная процессия, медленно двигался к цели. К тому же впереди что-то случилось, и весь обоз остановился.

— Что, уже приехали? — спросил молодой человек, заглядывая в голову конвоя.

— Нет еще. Какая-то, случайная остановка, — ответил Козинский и, достав из кармана кисет с самосадом и сложенную книжечкой газету, начал крутить сигарку. Осужденный жадно следил за его манипуляциями, невозможно было не догадаться, что ему очень хочется закурить. Еще раз нарушив правила, Орест Осипович протянул кисет и бумагу.

— О, если это возможно! — в голосе слышалась неподдельная радость. — Последнее земное удовольствие. Вы так великодушны, благодарю вас. Кстати, кто вы по должности, если не секрет?

— Врач, — ответил Козинский, кресалом высекая искру на трут. Когда трут затлеет, оба закурили.

Неожиданно рядом с телегой появился Курбатов. Вопросительно посмотрев на курящих, он тут же тронул поводьями и ускорился вперед. Козинский поморщился: «Что он, наблюдает? Или случайно подъехал? Теперь, пожалуй, жди разноса, а то и выговор в приказе. Ну и пусть».

Молодой человек, кажется, и не заметил Курбатова. Он жадно затягивался табачным дымом и благодарно глядел на Ореста Осиповича.

Козинский же курил без удовольствия, скорее машинально, и размышлял — правда ли все то, что он сейчас услышал? По специальности врач-психиатр с большим опытом, сейчас он анализировал услышанное, вспоминал интонацию, взгляды, жесты рассказчика и не находил в них фальши.

«Тогда что же, он действительно не виновен? Действительно произошла роковая судебная ошибка? Это ужасно!.. В самом деле, для чего ему выдумывать передо мной какую-то версию о двойнике? Перед судом он мог, но здесь-то зачем?»

Что особенно привело Козинского в отчаяние — его беспомощность, неспособность что-либо предпринять, как-то помочь невинному, в этом он был уже уверен, человеку.

«Теперь все кончено и сделать ничего невозможно. Он получит пулю, а я до конца дней моих буду ощущать вину».

Чтобы хоть как-то загладить щемящую боль, он спросил:

— Может, вы пожелаете, чтобы я сообщил о вашей смерти родителям или знакомым? Дайте адрес и назовите свое настоящее имя.

Молодой человек подумал.

— Благодарю вас. У меня только мать в Крыму, отец умер. А что вы сообщите матери? Что меня расстреляла Советская власть? Но ведь она тогда подумает, что я стал преступником. А это принесет ей страдания. Нет, пусть лучше думает, что я погиб где-то в дороге. Кстати, она не раз говорила, что меня подстерегает какая-то опасность. Материнское предчувствие, что ли?

— Возможно, — пробормотал Козинский. — Ну, а ваше имя?

— Имя? Извольте: Анатолий Петрович Ясенев. Запомните? Вашего имени не спрашиваю, теперь мне это уже ни к чему. Одного хочу — поблагодарить вас от всего сердца за то, что вы выслушали меня.

Взяв руку Козинского, он крепко пожал ее и добавил:

— Теперь я знаю, что есть человек, который когда-нибудь скажет: «Да, он действительно не виновен».

— Вы так уверены в этом? — спросил Козинский.

— Уверен. Кравченко не иглолка в сене. Рано или поздно его поймают.

Больше до места казни они не произнесли ни слова. Ясенев сидел задумавшись, а Козинскому вообще не хотелось говорить — так тяжело было у него на сердце.

Но вот конвой снова остановился.

— Ага, теперь-то мы прибыли, по месту можно догадаться, — сказал Ясенев и первым спустился с телеги, разминная затекшие ноги.

Да, они приехали. Небольшой мыс, охваченный с трех сторон отвесными скалами, впереди глубокая пропасть. Пожухлая трава, кое-где вспучивались бургом недавно перекопанной земли. Осужденных провели мимо двух скал, а узкий проход загородили телегами и выставили постовых.

Словно затравленные звери, бандиты хищно озирались по сторонам и дрожали, как в ознобе, хотя солнце уже давно припекало. А кулаки, втянув головы в плечи и стоя на коленях, не спускали преданно-собачьих глаз с Курбатова и, молитвенно сведя руки на груди, скулили:

— Роденький, не губи, пощади во имя Христа. Не постойм, какой угодн выкуп...

Ясенев с отвращением смотрел на них и даже отошел на несколько шагов в сторону. Один из конвоиров хотел было вернуть его на место, но Курбатов, оказавшийся как раз тут, сделал предупредительный жест.

— Отставить!..

И Ясенев остался стоять особо, как бы в качестве наблюдателя. Курбатов и на этот раз внимательно посмотрел на него.

Между тем шли приготовления. Часть конвоиров копала могилу, другие возились с карабинами, клацали затворами и переговаривались между собой. Курбатов медленно прохаживался от одного края мыса к другому.

А Козинский не находил себе места. Дерзкая мысль — не допустить расстрела молодого человека — занозой засела у него в голове.

«Что же делать, что?» — лихорадочно искал он выхода и не находил.

И вдруг его осенило: «Пилюли!»

Это было очень сильное и, главное, быстрое действие снотворное, давно хранившееся в медицинской сумке на всякий случай.

«Дать их ему?.. Да, да, непременно, сейчас же дать!»

Мысль пришла, и решение созрело так быстро, что Козинский не успел даже подумать о возможных последствиях и сообразить, что по существу идет на явное преступление. Найдя в сумке упаковку, он вытряхнул две пилюли и, выбрав удобный момент, как бы случайно подошел к Ясеневу и сунул лекарство ему в руку, сказав вполголоса:

— Проглотите немедленно!

Заметив его недоуменный взгляд, повторил:

— Быстрее, не теряйте времени!

И поспешил прочь. Курбатов стоял около могильщиков, и Козинский подошел к нему.

— А, это вы, Орест Осипович, — сказал Курбатов и подхватил его под локоть. — Кстати подошли, у меня к вам вопрос.

Козинский насторожился: «Неужели что-то заметил?» Преодолев смущение, с напускным спокойствием сказал:

— Слушаю вас.

Курбатов заговорил ровно и медленно, как бы обдумывая каждое слово:

— Я относительно этого молодого осужденного. Вероятно, и вы заметили, что он как-то странно ведет себя: ненормально спокоен, кажется, ни на что не обращает внимания. Хотел бы я знать, какого вы мнения о его вменяемости?

«К чему это он?» — подумал Козинский и спросил:

— Разве это имеет какое-то значение в его положении?

— А вы находите, что нет? По-моему, да, имеет. Видите ли, чувство гражданского долга и гуманность для нас должны быть законом. Поэтому не следует забывать, что ни в каком деле нельзя быть механическим исполнителем, тем более к этому есть повод.

Козинский и удивился и растерялся. Курбатов говорил о гуманности, имея в виду человека, которого он мог рассматривать не иначе, как врага. И еще нельзя было не заметить: Курбатов проявлял внимание к осужденному уже второй раз — не позволил конвоиру вернуть его на место и вот теперь.

Однако размышлять Оресту Осиповичу было недосуг, нужно было отвечать на вопрос. И он отважился на неправду.

— Да, я наблюдал за ним. По-моему, он находится в состоянии глубокой депрессии и временной невменяемости. Я только что подходил к нему и еще раз убедился в этом.

— Ага, вот видите, это уже кое-что значит, — задумчиво произнес Курбатов и снова испытывающе посмотрел на Козинского.

«Верит или нет?» — думал Орест Осипович, следя за Курбатовым. А тот продолжал:

— Да, да. Это уже серьезное обстоятельство.

И хотел добавить еще что-то, но в это время конвоир-китаец на ломанном языке закричал:

— Товались начальника, твоя гляди нада, она пала! Они обернулись, Ясенев неподвижно лежал ничком. Когда они подошли, конвоиры уже повернули его на спину. Сквозь крепко сжатые зубы просачивалась желтоватая пена, глаза крепко закрыты, лицо было мертвенно-бледно.

— Что с ним? — спросил Курбатов.

— Не знаю, — ответил Орест Осипович, прослушав пульс молодого человека и чувствуя, что краснеет, ибо говорил заведомую неправду. — Вероятно, припадок.

Курбатов велел отнести осужденного в тень под скалу и отошел к конвоирам, ведущим последние приготовления.

..Известны ли случаи, когда смертников возвращали с места казни обратно в тюрьму и начинали лечить, сказать трудно. Но на этот раз было именно так. Человека, называвшего себя Ясеневым, поместили в отдельную палату тюремной больницы, и Козинский взял его под свое наблюдение. Двойная доза снотворного сделала свое дело. Только на вторые сутки осужденный пришел в себя. Проснувшись, медленно открыл глаза, должно быть не понимая, что с ним и где он находится. Наконец молодой человек увидел Козинского, сидящего в дальнем углу, и взгляд его приобрел осмысленное выражение.

— Доктор, я жив, и, очевидно, благодаря вашим пилюлям?

Козинский молча кивнул.

— Не знаю, благословлять вас или проклипать. Поступок ваш великодушен, вы рисковали своим именем, своим положением ради меня. Ну, а как же я?! Ведь это всего лишь отсрочка...

Орест Осипович вышел из тюремной больницы с тягостным настроением. Нужно было что-то делать, на что-то решаться. Не имея еще определенного плана, он зашел в трибунал. Ему немного был знаком член трибунала Валерий Яковлевич Осипов, крупный мужчина с седыми висками и бледным сырым лицом.

Осипов, казалось, нисколько не удивился, когда Козинский попросил показать ему дело Кравченко, лишь спросил:

— Вам известны последние новости по этому делу?

— Да, известны, — рассеянно ответил Козинский, решив, что речь идет о неожиданном возвращении осужденного с места казни в тюрьму.

— Исключительный и весьма прискорбный случай, — со вздохом сожаления сказал Осипов, доставая со стеллажа пухлую папку. — И все же, прежде чем судить о правомерности приговора, надо познаться с материалами дела. Нельзя, конечно, не учитывать и обстановки, и требований времени, в которых мы работаем. Надо прямо сказать, что нам приходится иногда очень спешить, ибо время не терпит.

И, откинув со лба прядь волос, он подал Козинскому папку.

Все по той же рассеянности, Орест Осипович пропустил без внимания «прискорбный случай», «правомерность приговора» и другие оговорки члена трибунала. Он раскрыл дело Кравченко и стал его читать.

Что не слышал выражения: «Волосы на голове зашевелились»? Козинский чувствовал это, читая страницу за страницей страшные свидетельства преступлений карателя.

Белогвардейский карательный отряд Кравченко под Новоиколаевском и Томском выслеживал и беспощадно уничтожал партизан и всех сочувствующих большевикам. Сотни честных людей стали его жертвами. После разгрома колчаковцев Кравченко по какой-то причине не удалось убежать на восток. Тогда, собрав банду из подобных себе головорезов, он занялся террором и разбоем. И снова началась кровавая режия: убийства и пытки советских работников и активистов, нападения на охранные посты. При этом страдали и просто ни в чем не повинные люди из местного населения. Кравченко, казалось, был неуловим. Сегодня он зверствовал здесь, а спустя день-два появлялся в другом месте. И всюду кровь, кровь, кровь...

«Господи, да это не человек, это безумный зверь, — читая, ужасался Козинский. — И быть того не может, чтобы Яснев мог так притворяться. Нет, здесь явная судебная ошибка».

Больше читать он не мог, закрыл дело и, помедлив, спросил:

— Скажите, Валерий Яковлевич, только откровенно, все ли обстоятельства учитывались при расследовании этого дела?

— Поверьте, дорогой доктор, мы сделали все возможное, исходя из презумпции невиновности. Ведь подсудимый все отрицал. Следовательно, мы были обязаны разобратся во всем до конца, учесть все возможные контрдоводы обвиняемого. И мы старались, как могли. Но факты, факты! От них никуда не уйдешь! Ни один свидетель, как в процессе предварительного, так и судебного следствия, в пользу подсудимого не сказал ни слова. Наоборот, все в один голос утверждало обратное.

Вот, пожалуйста, читаю показания: «Тот самый злодей, который сыночка застрелил у меня на глазах», или «который свинчаткой, вплетенной в нагайку, так ударил мою старуху по голове, что она тут же и померла». А один крестьянин и так сказал: «Да вы не сомневайтесь, товарищи. Кто его не знает, тирана. Он ведь не день, не два разбойничал в наших-то местах, то и дело рыскал по деревням, примелькался. С таким раз встретишься — на всю жизнь запомнишь».

Козинский слушал своего знакомого и с каждым его словом все отчетливее понимал — ничего для Яснева он сделать не сможет.

А член трибунала продолжал:

— Кто бы мог подумать, что мы совершаем неправимую ошибку, что обстоятельства фантастическим образом складываются против невиновного человека.

— Как! — взвился Козинский. — Вы считаете, что осужден не Кравченко?

— Ну да, — удивленно глядя на Козинского, подтвердил член трибунала. — Позвольте, да мы, кажется, говорим с вами на разных языках, и вы совсем не в курсе последних событий. Ведь настоящий-то Кравченко только недавно выдан нашим властям одним из его сообщников на станции Зима. Бандита уже везут сюда. Вот почему я и говорю — произошла нелепая ошибка. Случай, достойный глубокого сожаления.

— Вы... Вы... — Козинский почувствовал, как у него перехватило дыхание, и он рванул ворот гимнастерки. — Вы это серьезно, не шутите?

— Помилуйте, какие тут шутки! Здесь плакать надо! — Но он ведь жив! Жив! — радостно закричал Козинский.

И длинно, путаясь, забегая вперед, Орест Осипович рассказал о событиях, свидетелем и виновником которых он был совсем недавно.

...Козинский шел из трибунала не чуя ног под собой от радости, никого не замечая, и едва не столкнулся с Курбатовым, выходящим из тюремных ворот.

— Дорогой мой! — ласково придержал его Курбатов. — Что с вами? Откуда вы бежите? Уж не пожар ли? — Ах, это вы! Извините, — с трудом переводя дыхание, заговорил Козинский. — Слыхали?..

— Да, да, знаю, Орест Осипович, знаю, — перебил Курбатов, сразу догадавшись, о чем тот собирается сообщить ему. — Только что читал телеграмму: Кравченко пойман и его везут сюда!

Он смотрел на Козинского повеселевшими, словно и не курбатовскими, глазами и в голосе его звучала неподдельная радость.

— Я так рад за вас и особенно за человека, которому вы спасли жизнь, — крепко пожимая руку Козинского, сказал Курбатов.

— Позвольте, — опешил Козинский, — разве вы знали, что я способствовал этому?

— Ну, если и не знал, то, по крайней мере, догадывался. И все эти дни волновался за вас, да и за себя, признаться, тоже.

Два месяца спустя губернская газета сообщила своим читателям, что известный белобандит и каратель Кравченко, пытавшийся сбежать на восток по документам Анатолия Яснева, пойман и приговорен трибуналом к высшей мере социальной защиты — расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

...А Анатолий Петрович Яснев добился своей цели — стал студентом юридического факультета.

«От зари до зари»

Под таким названием вышла книга в издательстве «Удмуртия». Ее автор — преподаватель техникума из города Воткинска Юрий Федорович Фролов, новелла которого и снимки публикуются в этом номере журнала. Двадцать лет с неизменным фоторужьем ходит-бродит он по лесам и болотам, вглядываясь-вчитываясь в книгу Природы. Нет в этой книге великого и малого, красивого и безобразного. Это ведь только человек, ничтоже сумняшеся, присвоил себе право выносить оценку-приговоры. Трудяга-муравей смотрится не менее привлекательно, чем журавленок, медуница с ее малахитовым отливом мирно соседствует с серым кузнечиком.

Густо населен альбом персонажами — тут и бурундук, и лось, и вышь, и заяц, и кулик. А у какого любителя смиренной охоты не дрогнет сердце, когда он увидит трех толстяков в белых гетрах и темно-бурых шапочках — верный признак того, что пред тобою не кто иной, как царь грибов — боровик.

Хороши фотозюды, показывающие нам, как прекрасна природа во все времена года: зимой и летом, осенью и весной. Текста немного, но значимость его велика. Автор мягко, ненавязчиво, на своем примере, убеждает нас всех, какое это великое искусство — познавать природу во всех ее проявлениях, как обогащается душа человека от соприкосновения с нею.

Звонок моего «Полета» звучит приглушенно, но я просыпаюсь сразу. Зажигаю фонарик — три часа. Откидываю полу палатки. Хочется еще подремать в тепле, но надо идти. Как-то там мои косачи? Вылезаю из палатки.

Где-то тут под березой стоит баночка. Надеюсь, набежало за ночь. Но соку только полбанки, в холодную ночь сок плохо бежит. И на том спасибо, горло промочить хватит. Сок сладкий, но холодный, как со льда. Лучше сейчас не пить, а то закашляешься в самый неподходящий момент. Выпью после «охоты».

Поднимаюсь в гору. В темноте майской ночи светятся под ногами белые звездочки ветреницы. Пахнуло сладковатым запахом — прохожу мимо кустика волчьего лыка. Иду осторожно, держа руку у лица, чтобы не наткнуться на ветку. Вот и поле. Перехожу полосу снега, сохранившегося в тени леса, выхожу на озимь.

Посреди поля — островок из нескольких осин. Там я и соорудил шалаш-скрадок, а шагах в сорока от него поставил два резиновых чучела. Выставил я их вчера вечером, чтобы утром косачи-тетерева подлетели с моими чучелами познакомиться. Тут я их и сфотографирую.

Забираюсь в скрадок, устраиваюсь на охапке соломы.

Ветер легко продувает стенки моего шалаша. Можно бы вроде подремать. Прислушиваюсь. А косачи-то уже проснулись! Из-за бугра доносится тихое бормотанье-бульканье: буль-буль-буль-буль... — будто ручеек журчит-переливается.

На востоке слегка посветлело, чуть виднее стали мои чучела. Если не знать, можно подумать, что это два черныша-петуха уселись друг против друга и собираются подражаться. Бормотание становится слышнее, тетерева приближаются. Готовлю фоторужье, пытаюсь навести на резкость. Увы — снимать еще рано.

Подо мною в соломе завозилась мышь, это она вчера прогрызла дырку в рюкзаке, который я оставил тут, когда ходил обследовать местность.

Четыре часа. Косачи за бугром затихли. Беру бинокль и замечаю какое-то движение на поле. Кто-то большой и светлый движется в мою сторону. Кажется, волк. Вот удача! А снимать нельзя — темно. Зверь приближается. Наконец, могу рассмотреть.

Осторожно переставляя длинные мощные лапы, к чучелам подкрадывается рысь! В бинокль хорошо видны черные кисточки ушей, светло-серая пятнистая шерсть и короткий черный хвост. Рысь движется как призрак в слабом утреннем свете, будто плывет над полем. Так вот почему тетерева вдали замолчали — хищница спугнула их.

Рысь останавливается. Неужели заметила мой

Юрий ФРОЛОВ

ВСТРЕЧА НА РАССВЕТЕ

скрадок? Опускаю бинокль и замираю: не вижу ни чучел, ни лесной кошки. Тихонько поднимаю бинокль. Рысь стоит и смотрит в мою сторону. Не шевелюсь и не дышу. Она садится и тоже замирает. Видимо, ее настораживает неподвижность птиц, но уходить не хочется. Решила подождать.

Я пытаюсь гипнотизировать ее, внушая изо всех сил: не уходи, посиди, пока солнышко не поднимется! И словно подчиняясь внушению, лесная кошка ложится на озимь. Лежит в гордой позе отдыхающего льва, изредка жмурясь. А я люблю ее. Осторожно поднимаю фоторужье, проверяю освещенность — снимать бесполезно...

На часах около пяти. А солнце не торопится, лишь розовая полоска появилась над горизонтом. Все-таки немного посветлело. Хоть бы подождала, милая, еще с полчаса! А то даже снимка не останется на память о встрече, первой встрече с рысью за все годы моей фотоохоты. Следы видел много раз и тропить пробовал, да все без толку. А тут какая удача! Но без снимка как об этом расскажешь? Скажут, сочинил. Фотоохотник — тот же охотник, и соврет — недорого возьмет.

Косачи за бугром опять забормотали, зачурькали. И снова бинокль к глазам. Рысь еще лежит, но заметно ее нетерпение, она оглядыва-

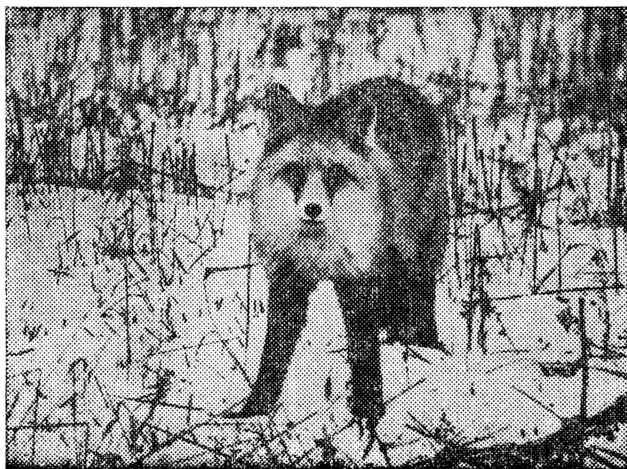
ется, дергает ушами. Ну, подожди еще чуть-чуть!

Но мой гипноз перестает действовать, она встает, потягивается. Хватаю фоторужье, пытаюсь навести на рысь, но, видно, плохо. Руки от волнения дрожат. Что она сделает? Бросится к чучелам или уйдет? Щелчок затвора, еще... Лесная красавица отворачивается и медленно шагает к лесу. Меня поражает впечатление мощи всего ее облика. Снимаю кадр, другой. Уходит! Как ее остановить, заставить хотя бы повернуться? Тихонько свищу. Рысь поворачивает голову, щелчок затвора, она идет дальше. Снимаю, пытаюсь точнее навести на рысь. Рысь, не обращая больше на меня внимания, неторопливо удаляется и вскоре скрывается в лесу. Все, конечно! Получится ли что-нибудь на пленке? Хоть бы один кадр получился!

Солнце наконец-то выкатывается из-за горизонта. Сижу еще часа полтора, но тетерева так и не прилетают. Собираю чучела, иду к роднику завтракать. На душе радостно и тревожно...

На снимках: на закате, лисовин, ястреб-тетеревятник.

Фото автора

**РУБЕЖИ
ОТЕЧЕСТВА**

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ТИХООКЕАНСКИЙ ЩИТ

Юрий БОРИСИХИН

Каждые три дня движения на восток стрелка циферблата отводилась назад: восьмой, десятый, двенадцатый часовые пояса дарили уже лишние полсутки жизни, но перед чукотским восходом считал и минуты. Знаю: ничего прекрасней этих золотых пожаров в природе, вероятно, не существует. Но «Капитан Кребе», наше новое судно теперь уже до конца водного маршрута «Рубежи» — Владивостока, шел самым малым и порывал так тревожно и густо, что казалось, звук и притормаживает ход. «Капитан Кребе» по всем статьям — грузоподъемности, скорости — уступает «Кузьме Минину», сигнал же одинаково басист, видать, на всех судах Морского флота СССР. И скромничать не след: хоть и остались позади все ледовые напасти — битняки, сморози, наломы, подсовы, торосы, заторы, стычины, бакалды, здесь одно из опаснейших мест Арктики — туманный пролив Лонга, как бы заминированный притонувшими толстенными, обточенными до торпедного силуэта стамухами, наблюдаемыми даже со спутников...

Руководитель научно-оперативной группы штаба морских операций восточного района Арктики Валерий Николаевич Купецкий при встрече в Певеке говорил, что капитаны судов не хотят верить в невидимый подводный лед. Как бояться того, чего не видно? А хоть и

есть что — вдруг повезет! Везет не всегда. Подводный лед, подклевывая снизу, как бы втроекратно увеличивает мощь замерзшего океанского панциря. Да приплюсует к мощи сжатие... В этом районе был раздавлен «Челюскин». Здесь были остановлены «Вега» Норденшельда, «Мод» Амундсена. Здесь откусило гребной винт «Сибирякову», и он выбирался под парусом. Здесь в 1983 году раздавило теплоход «Нина Сагайдак». Но одно из самых печальных крушений потерпел «Карлук» — судно полярной экспедиции известного канадского исследователя Вильялмура Стефансона. Оно стояло вроде в безопасности у берегов Аляски. Стефансон ушел на денек поохотиться. Ветер взломал лед, «Карлук» с капитаном и 20 членами команды унесло, и больше у берега его не видели. Через полтора месяца, в полярную ночь, судно раздавило. Одна группа ушла на остров Геральд, исчезла. Другая отправилась к острову Врангеля. Сани тащили на себе. Один человек обморозил руки, ноги; левую руку ампутировали простым ножом. Началось заражение крови... Холод и ночь убили всю группу. Полярник из части спасшегося экипажа писал: «Торосы были от 8 до 30 метров высотой и простирались во всех направлениях. Мне приходилось видеть непроходимые льды, но такие встретил впервые...»

В спасении, кстати, участвовали русские ледоколы-

ные транспорты «Таймыр» и «Вайгач», впервые прошедшие в 1914—1915 годах северным путем...

А как развееало ночь, то золотисто-серые мысы Чукотки, опущенные в рябой блеск океана, отступаясь, открывали вершины Велькиль, Инчун, Курун, Кылейпингей, Непыгелен, будто взлеты перед главной — мысом Дежнева...

Да, самый восточный мыс Евразии первым в 1846 году открыл Семен Дежнев. Но первым увидел Тихий океан в 1639 году Иван Юрьев Москвитин. Вышел он к берегу в 45 километрах юго-западнее от устья реки Охоты, построил зимовье.

Что предстало перед ним?

А предстало одно из величественных явлений природы... Тихий, он же — Великий океан занимает половину Мирового океана... Объем его вод невообразим, вместил бы 1350 Черных морей. Он лежит во всех географических поясах, кроме Арктики. Здесь «четвертый полюс мира», наибольшая глубина мирового океана — 11034 метра. Вот тайна: каким видели это диво землепроходцы наши? Добрым, ничуть не алчным был их взгляд. Почитайте «Сказку пятидесятника Володимира Отласова об открытии Камчатки» — земное видит первопроходец.

«...А в Камчадалской и в Куринской земле ягоды — брусника, черемуха, жимолость — величиною меньше изюма и сладка против изюму... Да ягоды же растут на траве от земли в четверть, а величиною та ягода немного меньше куричьего яйца, видом созрелая зелена, а вкусом что малина...»

«...по Камчатке реке есть гора подобна хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близь ее ж — подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево». «...А из-под тех гор вышла река ключева — в ней вода зелена, а в той воде как бросят копейку — видеть в глубину сажени на три...»

К 1652 году Россия уже имела первую лодию, составленную по рассказам служилого человека Филиппова, проплывшего под парусом от реки Охоты до «Каменного мысу» (полуостров Лисьянского). Называлась она так: «Роспись от Охоты реки морем ити подле земли до Ини и до Мотыкала, реки и каковы где места, и сколько где ходу, и где каковы реки и ручьи пали в море...»

Двадцать тысяч километров береговая линия Дальнего Востока. Какая открытость пространства! И все оно обследовано было уже к XVII веку. Двумя столетиями позже И. А. Гончаров, проезжая через всю Сибирь от Удского острога до Уральского хребта и наблюдая труды переселенцев, записал:

«...И когда совсем готовый населенный и просвещенный край, некогда темный, неизвестный, предстанет перед изумленным человечеством, требуя себе имени, пусть допрашивается история о тех, кто воздвиг это здание... Эти люди создали, выдумали Сибирь, населили и просветили ее. А создать Сибирь не так легко».

...Перед Тихим океаном последнее из морей Ледовитого океана — Чукотское — дарит, как у меня записано, «баснословную лазурь, седо-голубые дальние скальы». И парад сотен китов — от бесчисленных фонтанчиков будто дождь из океана! Слово горети проса, сыплются в волны птицы и как бы просачиваются сквозь...

Удалось по узкому довольно перешейку за полдня от Ледовитого выйти к Тихому. Он, с береговыми надувками, лохматый и ветровой, походил на сильного громогласного дворника при строгом бело-голубом Ледовитом. Долго смотрел из будки пограничника, коробочкой уместившейся на необъятном берегу, в сторону Аляски. И мы кому-то угрожаем?

Видел, как плюхались в воду снугнутые моржи, эти неповоротливые менши с песком, и какая воля и сила в свободном распоряжении волной, качавшей их. Вот что значит родная стихия! Где же истинная стихия человечья?..

Наша каюта на сей раз у самой воды. Океан почти на уровне глаз. Живое существо: то ластится, то сочно льется, то плющится, брызжет, взбуривается, гигантская складка морщит всю видимую планету, и ты понимаешь всю власть пятикилометровой глубины под килем. О, географическая оболочка!

Ученые говорят: если оклеить ученический глобус папирсной бумагой, то можно представить, какова толщина жизненного пространства человека... Как осторожно надо жить с океаном, даже таким, Великим, который в пятьдесят почти раз больше Ледовитого... И на «Капитане Кребсе», не имея специальной топки для отходов, как на «Кузьме Минине», построили на корме буржуйку и жгут там всякий хлам, но ни одной соринки не попадает за борт. Экологическая чистота — теперь как бы первый из морских законов.

Неуютен океан. Покачивает. Но судно не сбавляет хода. Много дел у флота в Арктике, надо успевать. Объемы перевозок за десять лет возросли в десять раз! Дорожает и само сырье. Цена тонны нефти, например, за семь лет подскочила в 10 раз, угля — в 5 раз. Но могут и транспорт. К XXVII съезду партии строители спустили на воду атомный лихтеровоз «Главсевморпуть», он может разгружаться без портов.

В беседе с первым заместителем начальника Владивостокского пароходства В. М. Миськовым я спросил: — А не припишут «Главсевморпуть» к Владивостокскому порту? У вас ведь еще нет атомохода.

Виктор Михайлович загадочно замолчал. Я понял: надеются, ждут «Главсевморпуть» сюда. Приход его дал бы толчок развитию атомной энергетики на Дальнем Востоке.

— Урал бы в этом деле помог, — пообещал я, правда, без санкции атомщиков.

Спешит «Капитан Кребс». Дальневосточное морское пароходство успешно завершило пятилетку. Подчищаются все хвосты и грешки. Неожиданно поступает приказ: «Догруз в Провидении...» С некоторым сожалением оставляем вечернее чаепитие у капитана Михаила Кривоноса и с первым помощником Олегом Боровским поднимаемся на мостик.

— Редкое зрелище, — говорит он, — ночная швартовка...

Капитан решил не ждать утра на рейде. Но протиснуться в темноте по узеньким бухточкам — все равно что нитку вдергивать в ушко без света. Стрелка экрана локатора, будто сухие губы от волнения, облизывает эти ребристые мыски... Утром, уже догруженные, видим поселок, пристроившийся на скальной полке, заличик, снег в сбеггах гор, с перыстыми облачками навоздушье... Явно маловато места для машины «Капитана Кребса», да еще ледокол на подходе, да еще силуэт.

— Зато в шторм здесь номер-люкс для судов. Ветер флаг не встрепенет... — хвалит бухту капитан. Михаил Кривонос и Олег Боровский побывали во всех океанах. И чуть ли не во всех крупных портах мира. Они сходили на берег Африки, Америки, Австралии.

— А что, вы в своих походах всегда помните о России?

Переглядываются. Капитан достает судовую роль — список команды.

— Что заметили?

— Очень молодые матросы — восемнадцать, двадцать, двадцать два.

— Все правильно. Прежде чем отправить моряка в «загранку», предлагаем ему рейс через Тихий в Арктику. Пусть посмотрит. И знаем — ни на что на свете это невозможно променять.

И началось... Судно пересекало все климатические зоны Земли — от арктической до субтропической. Так человеку, видно, нельзя. В Арктике видел, как плакали люди, потрясенные миллионцвельем Чукотки, как немели от провисающих с солнца самого гирлянд изморози, ухали в радостном нервном срыве на великие светлые дымки испаряющихся равнин Большеземельской тундры, но Тихий превосходил все.

Тут фасад Азии. Тут вообще все географические рекорды мира — глубина океана, высота горно-островных дуг (от донного цоколя выше Гималаев), тут мировой рекордмен по пещола и бомбам — вулкан Безымянный извергается с 1955 года, тут ледники сходят до 800 метров, тут Камчатка, Курилы, Командоры, Сахалин, все по тысяче километров, по две гирлянды островов. Да, льда меньше, но зато тайфуны, цунами, штормы. Один такой тайфун, почему-то названный «Одесса», летел за нами до пролива Лаперуза. «Капитан Кребс» увильнул, гневный столб врезался в Японию, и позже мы читали в газетах, что не обошлось там без жертв.

...Эти черные складки гор — великая книга истории нашей. Вот слева — Командорские острова. В дневнике запись: «Океан очень голубой, серый, с точками. Глубина 4322 метра. Ветер, ветер, ветер... Слабый, колкий, пружинящий, режущий...»

Уже дома, в Свердловске, листал судовой журнал пакетбота «Св. Павел», в составе второй Камчатской экспедиции Беринга бороздившего Тихий океан. Все о ветре забота: «Ветер крепкий, риф — марсельский со шквалами, закрепили гротсейль. Облачно и дождь мал, закрепили блинд и спустили штаксели. Ветер крепкий, марсельский. Паруса имели все...»

Да, паруса все имела Россия. По результатам и грандиозности замысла экспедиции Беринга нет равной в летописи географических открытий. Русские моряки дошли до Америки, Японии, открыли Алеутские острова, Аляску, нанесли на карты Курилы и Сахалин. Полвека спустя знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук, кстати, и введший в употребление название Берингов пролив, Берингово море, писал: «Отдавая должное памяти Беринга, я должен сказать, что он очень хорошо обозначил этот берег, а широты и долготы мысов определил с такой точностью, которую трудно было ожидать».

Азия обрела свои подлиннее очертания. Беринг после труднейшего плавания к берегам Америки погиб во время зимовки на островах, названных Командорскими. Историк писал: «Ни больших выгод им не предвиделось, ни большой славы себе они не могли ожидать, и между тем, исполняя свой долг, они совершили такие чудесные подвиги, каких не очень много в истории мореплавания...»

В большом океане думаешь о большом. Так он, Тихий, раскачивает. К таким вот выводам подвигает. Да, Кук избородил весь мир. Список его открытий, по всей вероятности, нельзя сделать полным. Он открыл миру восточное побережье Австралии, второй по величине остров мира Новую Каледонию, Гавайи, Новую Зеландию, архипелаг Тонга, Маркизские острова. Трижды корабль под его командованием обогнул земной шар.

«Мы развратили местных жителей, — писал Кук, — занесли к ним потребности и болезни». Уже через пятьдесят лет население Таяит сократилось в десять раз.

А одна из главных особенностей Дальнего Востока — стремительный рост населения, вчетверо более быстрый, чем в среднем по СССР.

В 1913 году в каждой тысяче жителей было 5 даль-

невосточников, теперь около 30! И против этого, между прочим, Япония в августе 1945 года выдвинула 7 миллионов человек, 500 боевых кораблей, 10 тысяч самолетов. Генеральный штаб США считал, что для сокрушения японских сухопутных сил необходима армия тоже в семь миллионов человек, а Черчилль угрюмо добавлял, что эти действия потребуют невиданных усилий, неопределенного времени.

Командующий Тихоокеанским флотом адмирал И. С. Юмашев так не считал. Флот имел два крейсера, один лидер, десять эсминцев, два миноносца, девятнадцать сторожевых кораблей, семьдесят восемь подводных лодок, десять минных заградителей, 52 тральщика, 49 охотников за подводными лодками, 204 торпедных катера, 1549 боевых самолетов. По приказу Ставки Верховного Главнокомандующего в 0 часов 10 минут 9 августа Советские Вооруженные Силы начали наступление одновременно на всем Дальневосточном фронте — от Эрляны до бухты Посьет. И 19 августа 1945 года начальник штаба Квантунской армии Хата Хикосабуро с сопровождающими его лицами явился к Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому, находившемуся в штабе Дальневосточного фронта, и заявил о полной капитуляции.

...Берингово, Охотское, до встречи! А капитану и экипажу встреча с ними через день. Всего сутки стоит в Находке «Капитан Кребс». Надо снова идти в Певек. А там уже льды посерьезней... Михаил Кривоное даже не успеет взглянуть домой, куда несколько часов езды на электричке. Повар Мехя Виктор отправляет в печь свежую партию булочек. Тонконогие краны, как прищепками, выхватывают контейнеры. Прощаемся. Я думаю, что все мы молча пообещали ожерелью вершин надбережных каждый что-то свое, но одинаково прочное, чему изменить нельзя.

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ...

В седьмом номере журнала была опубликована заметка «Незнание или служебная халатность?». Пришел официальный ответ. Начальник службы по распространению печати Львовского областного агентства «Союзпечать» Д. И. Черненко сообщил редакции, что он дал указание оформить С. Вовченко подписку на журнал с любого срока. Одновременно в ответе подчеркнута: число подписчиков «Уральского следопыта» в 1986 году по сравнению с прошлым годом увеличилось почти в три раза.

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

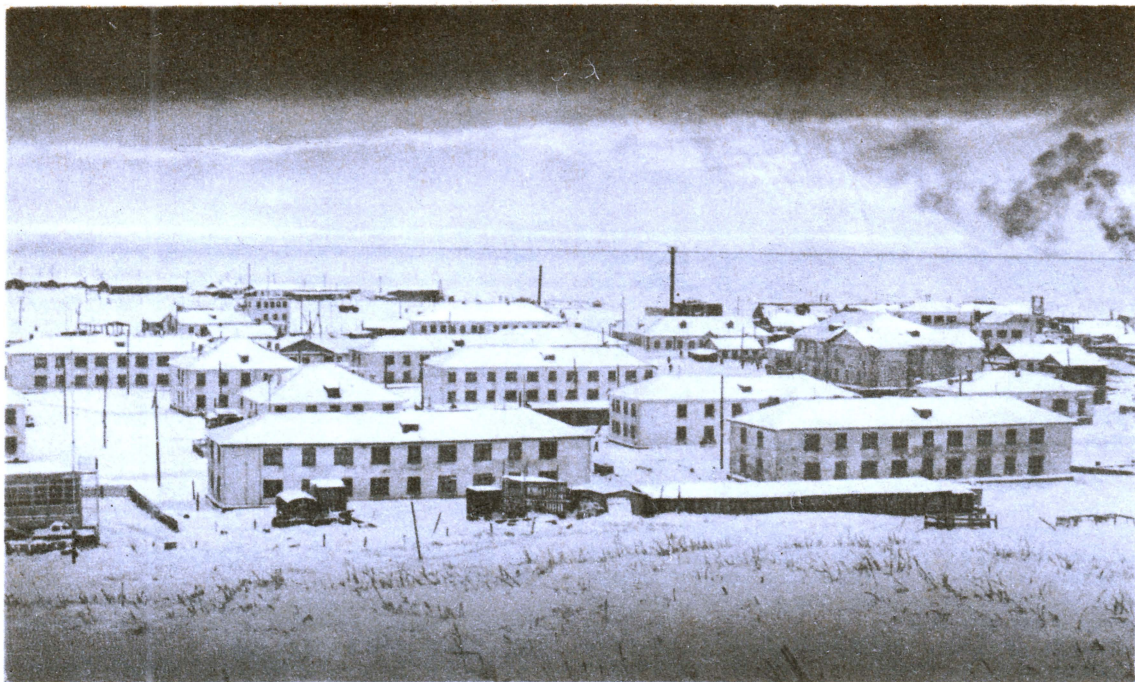
Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (зам. гл. редактора), Н. Г. ШИОНОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зам. отдела краеведения), О. А. ПОСКРЕБЫШЕВ, Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зам. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРИКОВ (отв. секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: Ю. С. Борисихин (отдел публицистики), В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), В. В. Бурагулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Конова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22в
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

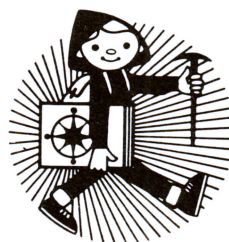
Сдано в набор 26.04.86. Подписано к печати 10.06.86. НС 11141. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отг. 11,76. Уч.-изд. л. 10,6. Тираж 385 000 экз. (1-й завод: 1—250 000). Заказ 474. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

Поселок Лаврентия

В родном порту

РУБЕЖИ
ОТЕЧЕСТВА

ЧИТАЙТЕ В 1987 ГОДУ

«Хронометр. [Остров Святой Елены]» — так озаглавил свое новое произведение лауреат премии Ленинского комсомола, давний автор нашего журнала Владислав Крапивин.

«Хронометр» — это первая часть трилогии «Острова и капитаны», над которой автор сейчас работает. Один из персонажей так поясняет название: «Острова — это как бы люди. В океане жизни...» Перед читателем развертывается широкая историческая панорама: первое кругосветное путешествие, совершенное российскими моряками под командованием И. Ф. Крузенштерна; деятельность Российско-американской торговой компании; осада интервентами Севастополя... Исторический роман! Но в нем полноправно живут наши современники: школьник Толик Нечаев, отряд «Красных робингудов», человек нелегкой судьбы литератор Курганов. Эти два временных пласта сливаются под пером писателя в единое цельное повествование, в океан жизни.

В последних номерах уходящего года редакция начнет, а в первых книжках 1987 года завершит публикацию повести Александра Леонидова «Траектория». Средствами детективного жанра исследуется такая серьезная тема, как экономика и нравственность.

Отдел прозы и поэзии намерен в будущем году более широко представить в журнале жанр рассказа, а также значительно повысить роль публицистики. Это будут писательские раздумья о процессе обновления, которое переживает наша страна, о чувстве ответственности каж-

дого из нас за судьбы государства, о нравственных ценностях человека. В каждом номере читателя ожидает рубрика «Поэтические маршруты».

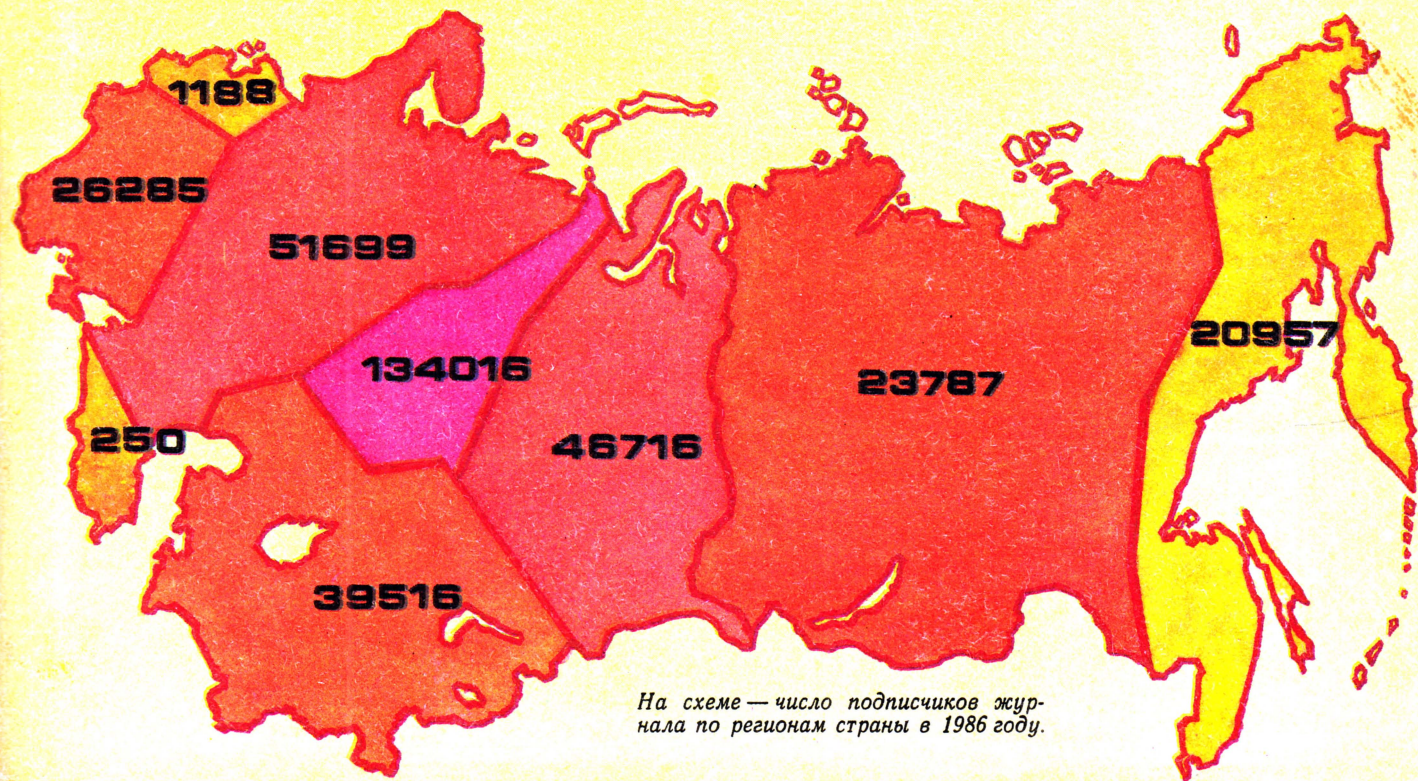
Многочисленному отряду любителей фантастики адресуются повести Севера Гансовского «И медные трубы» и Виктора Жилина «День свершения». Оба произведения рассматривают далеко не новую в фантастике, но важную для нее проблему: правомочен ли человек из будущего воздействовать — притом решающим образом — на ход социального развития. Если барона Кадымского, прошедшего огонь, воду и медные трубы, тем не менее терзают глобальные, как мы бы сказали, сомнения, то герои В. Жилина идут к цели напрямик: в душном мире, отгороженном от остальной Вселенной пространственно-временной сферой, культивируется разновидность фаншизма.

В последние годы в разделе фантастики усиливается приток «малых жанров», и, возможно, именно они обогатят содержание раздела НФ.

Как и было условлено, в начале будущего года на страницах журнала состоится диалог «писатель — читатель». За «команду писателей» на сей раз выступят братья Стругацкие, за читателей — многотысячный отряд «фанов». Если заочная встреча-диспут будет признана взаимointересной, она найдет продолжение.

Редакция, как и прежде, рассчитывает на помощь своих читателей в поисках оптимальной викторины-НФ.

**ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРИНИМАЕТСЯ «СОЮЗПЕЧАТЬЮ»
ПОВСЕМЕСТНО, БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.
НАШ ИНДЕКС 73413.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 4 РУБ.
80 КОП.**

На схеме — число подписчиков журнала по регионам страны в 1986 году.